

Петер Герхард
**ПИРАТЫ
НОВОЙ
ИСПАНИИ**
1575—1742

Петер Герхард Пираты Новой Испании. 1575–1742

«Герхард Петер. Пираты Новой Испании. 1575–1742»: Центрполиграф; М.; 2004
ISBN 5-9524-0838-9

Оригинал: Peter Gerhard, “Pirates of New Spain 1575–1742”

Перевод: Б. Кекелишвили

Аннотация

Книга Петера Герхарда рассказывает о причинах и истории возникновения пиратства. В Карибском море на рубеже XVI–XVII веков развернулась самая настоящая борьба за несметные сокровища, которые вывозили из американской колонии испанские галеоны. Многие мирные английские, французские, а затем и голландские торговцы стали морскими разбойниками. Они угрожали испанским судам и портам. К середине XVII века пиратство превратилось в ремесло. Автор книги повествует о знаменитых грабительских набегах Дрейка, Кавендиша, Дампье, Спеллбергена и многих других.

Петер ГЕРХАРД ПИРАТЫ НОВОЙ ИСПАНИИ. 1575–1742

Предисловие

Пиратство в Америке было порождением острой политической и экономической конкурентной борьбы между Испанией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой. На рубеже XV–XVI веков Испания завладела огромной частью Американского континента и, ревностно защищая свои интересы, пыталась отстранить остальных конкурентов, претендующих на несметные богатства, таящиеся в недрах американских земель. Главным образом это было золото и серебро, добываемые преимущественно в Перу (включая территорию современной Боливии) и в меньшей степени – в Мексике. Испанцы фактически монополизировали право на товарообмен. Практически весь товар, завозимый испанскими судами из Испании в Америку, производился в Англии, Франции и других европейских

странах. В свою очередь Англия и Франция, где интенсивно развивалась промышленность, стремились освоить новые рынки за океаном. Они активно совершенствовали торговый флот, укомплектовывали суда командами, которые должны были превзойти испанцев в искусстве судовождения.

Конкуренты Испании в торговле и колониальной политике, торгуя с новыми испанскими колониями в Карибском море, сначала применяли мирную тактику. Они отправляли туда суда, груженные товаром, одеждой и домашней утварью. Первое такое плавание было предпринято французами в 1506 году. Англия же по указанию Генриха VIII начало торговле положила экспедицией Джона Рата в Санто-Доминго в 1527 году. Испания не была способна, как, впрочем, и не особо желала, обеспечить американских колонистов достаточным количеством товаров, даже по неоправданно высоким ценам. Поэтому спрос на английские и французские изделия был достаточно велик, что привело к оживленной торговле контрабандным товаром, которую даже поощряли некоторые испанские должностные лица. Но ужесточение королевского запрета, ограничивающего права нелегальных иностранных коммерсантов в испанской Индии, заставило мирных английских и французских торговцев стать агрессивными. Многие из них превратились в морских разбойников и грабителей-мародеров, представляющих прямую угрозу испанским судам и портам. К 1540 году пиратство стало процветающим ремеслом в Карибском море при более или менее открытой поддержке английского и французского правительств. Безусловно, далеко не все торговцы контрабандным товаром становились пиратами. Незаконная торговля с испанскими колониями стала широко распространенной и выгодной в XVII–XVIII веках и процветала благодаря экономической политике, проводимой в своих колониях Испанией, которая преднамеренно морила голодом американские колонии, для поддержания высоких цен на ввозимые товары.

Когда Англия стала протестантской, элемент религиозного фанатизма успешно использовался ею в конкурентной борьбе с Испанией. В 1560-х годах Голландия восстала против испанского господства, тоже став протестантской. Она демонстрировала твердые намерения стать мореходной державой и претендовала на свою долю в объемах мировой торговли. Теперь Испании противостояли три мощных врага: Англия, Франция и Голландия. Даже во время непродолжительных перемирий они продолжали грабить испанские галеоны, нападать на принадлежащие ей острова и материковую часть восточного побережья Америки.

Следует четко разграничить три типа агрессии, применяемые конкурентами Испании: контрабандная торговля, пиратство и открытые военные действия. Но безусловно, существует разница между оголтелым головорезом Франсуа Л'Оллоне и галантным британским адмиралом Джорджем Ансоном. В конечном счете настало время, когда Англия, Франция, Голландия и Испания объединили усилия в борьбе с независимым пиратством. Но для испанского правительства все иностранцы, предпринимающие попытку высадиться на берег Американского континента, за редким исключением были пиратами и в случае поимки не могли рассчитывать на снисхождение. Та же участь ждала и испанского колониста, захваченного военным кораблем, капером, вооруженным контрабандистом или корсаром. Каждая из этих категорий проявляла свою степень жестокости и милосердия, но цель у всех была одна – завладеть сокровищами и унижить испанскую гордость.

Елизаветинцев Оксенхама и Дрейка, вероятно, следует считать пиратами, потому что во время своих грабительских набегов в Тихом океане Англия не находилась в состоянии войны с Испанией. То же самое можно сказать и о Томасе Кавендише, который, будучи капером, промышлял грабежом, фактически находясь на легальном положении, как и Ричард Хокинс несколько лет спустя. Испания иногда признавала принципиальное различие между этими типами агрессий, что можно проследить на примере Оксенхама и Хокинса. Они оба были захвачены. Но если первого казнили (хотя его обвинили не в пиратстве, а в ереси), то второй со временем был с почестями отпущен на свободу. Следуя тем же судебным определениям по отношению к голландским грабителям, Спеилберген считался пиратом, а

Скепенхем нет. Карибские пираты, промышляющие в Южном море, действительно являлись таковыми, но даже в этом случае сложно было определить грань между пиратством и каперством. Например, когда в 1680 году Дампье промышлял в водах Тихого океана, он, без сомнения, считался пиратом, но пиратство против Испании в то время открыто приветствовалось и даже поощрялось Англией. Ко времени же его следующего похода, в 1685 году, когда Англия согласилась обуздать пиратство, Дампье был объявлен вне закона. А в 1704 году во время третьего тихоокеанского вояжа, когда Англия находилась в состоянии войны с Испанией, Дампье получил статус законного капера. Все эти три кампании ничем не отличались одна от другой по своей сути, они были предприняты одними и теми же людьми с их неизменно враждебным отношением к испанцам. Как можно заметить, любая попытка строгой классификации в этом вопросе выглядит, по крайней мере, несостоятельно.

Появление любого иностранного судна в испанских водах Карибского бассейна не расценивалось Испанией как простая случайность, а, следовательно, реакция в отношении нарушителя была оборонительно-агрессивной. При этом неуклюжие галеоны, груженные сокровищами, обычно сопровождали военный флот или конвойные суда, а для защиты некоторых портов строились укрепления и другие фортификационные сооружения. Позднее с целью раз и навсегда покончить с пиратством в Карибском море под командой вице-короля Новой Испании была создана армада «*de Barlovento*». Эти военные корабли не только сопровождали груженные галеоны, но и преследовали, а при случае и захватывали пиратов, после чего их либо казнили, либо передавали инквизиции. Но чаще всего они заканчивали жизнь в рабстве.

Однако в Карибском море с его многочисленной островной территорией, большая часть которой находилась в руках англичан, французов и голландцев, было достаточное количество безопасных гаваней, где пираты и каперы могли избежать преследования и свободно тратить награбленные деньги в разнузданном веселье, а также беспрепятственно пополнять провиантом свои суда для последующих набегов. Все богатство, которое вывозилось из Америки в Испанию на громоздких и неуклюжих судах, неминуемо пересекало эти воды, и нет нужды говорить, что определенная его часть становилась легкой добычей изголодавшихся «морских волков». А многие незащищенные испанские поселения вблизи побережья были другими лакомыми кусками, привлекающими внимание флибустьеров, постоянно подвергаясь нападениям с их стороны. Карибское море настолько изобиловало соблазнами, что флибустьеры наводнили его. Конкуренция стала такой жесткой, что некоторые из этих морских роверов были вынуждены отступить в воды Тихого океана или Южное море.

Тихоокеанская часть испанской Америки давала пиратам и каперам свои преимущества, но имела при этом и серьезные недостатки. Испанцы, чувствуя себя в безопасности в своих водах, поначалу не видели никакой необходимости в строительстве дополнительных защитных сооружений. Даже после первых столкновений со злоумышленниками король отказывался тратить деньги на укрепление своих портов в Южном море. К северу от Панама единственным реально защищенным местом был Акапулько, но даже там фортификационные сооружения построили лишь спустя сорок лет после первого иностранного вторжения со стороны Тихого океана. Но сначала там даже не было регулярного испанского флота или военных кораблей для защиты тихоокеанских портов и навигации.

Только во время напряженного политического противостояния или открытых военных действий вице-короли Перу и Новой Испании могли мобилизовывать частные суда, оснащая их для защиты своей территории. После набегов Дрейка испанцы создали и снарядили военный флот специально для защиты и эскортирования судов, периодически перевозящих серебро из Перу в Панаму. Суда, груженные серебром, курсирующие из Перу в Панаму и Мексику, а также легендарные манильские галеоны были потенциальными объектами для нападения пиратов, при этом часто на их борту не было никаких средств для отражения атак. Что касается стрелкового оружия, столь важного при abordage и в рукопашной схватке,

даже в этом пираты всегда имели преимущество. Часто испанцы имели на вооружении только копья, а в лучшем случае – старые аркебузы или кремневые ружья, в то время как их противники обычно были вооружены мушкетами новейших образцов.

Но прежде чем встать на вожделенный путь грабежа и разбоев в Тихом океане, пираты сталкивались с трудностями другого рода, порой непреодолимыми. Сначала им было необходимо либо пересечь джунгли Центральной Америки и захватить испанское судно в Тихом океане, либо пуститься в опасное плавание через Магелланов пролив или вокруг мыса Горн, и которое часто длилось больше года. Иногда, уже находясь в Южном море, пираты, не имея дружественных портов, которые могли бы служить им прибежищем, как в Карибском море, были вынуждены скитаться по морю в поисках пустынной бухты или острова для починки судна и пополнения запасов воды, рискуя при этом быть захваченными. В случае когда им улыбалась удача и они захватывали добычу, у них не было никакой возможности насладиться плодами грабежа, не совершив одинаково как утомительный, так и опасный рейс назад, в Карибское море или в Европу.

Большую часть испанского богатства представляло серебро, которое было трудно транспортировать из-за его веса, а задача сухопутного переноса такого груза через перешеек оказывалась почти невыполнимой. Но возможно, самой большой трудностью для пиратов было пополнение продовольственных ресурсов. С этой целью они были вынуждены долгое время проводить на вражеском побережье, где было сравнительно небольшое количество ферм, а рогатый скот, пытаясь оградить от набегов, увозили в глубь страны. Зачастую доведенные до крайности пираты, для того чтобы пополнить провиант, обменивали на него своих пленников. А участь, ожидавшая их здесь в случае поимки, оказывалась еще более незавидной, нежели это было в Карибском море. Короче говоря, пиратство в Тихом океане было под силу только самым выносливым. В течение столетия лишь военные эскадры или полуофициальные экспедиции с солидной финансовой поддержкой были способны входить в Южное море, и нигде количество корсаров на западном побережье не было столь многочисленным, как в Карибском море. Лишь немногим из числа джентльменов удачи, отважившихся искать эту самую удачу в здешних водах, посчастливилось стать сказочно богатыми. Большинство же возвращались домой с пустыми руками, а то и вовсе не возвращались.

Из испанских летописей мы получаем информацию, резко отличающуюся от английских и других источников, о незащитности испанских моряков, моряков-метисов и поселенцев, которые вставали на пути алчных пиратов. Для жителя западного побережья Новой Испании пиратство было бичом, оно затрагивало его личные интересы, и едва ли можно было осуждать его за то, что он смотрел на пиратов как на беспринципных воров и негодяев, заслуживающих соответствующего обращения.

Ограничимся изучением пиратских и других иностранных вторжений на тихоокеанское побережье к северу от Панамы, начиная с 1575-го или 1576 года и продолжающихся последующие 167 лет. Часто эти экспедиции имели на борту летописцев, ведущих описание их экспедиций, многие из этих описаний были впоследствии опубликованы. В испанском колониальном архиве есть много дополнительной информации, содержащей описание некоторых вторжений и пиратских банд, упоминание о которых нигде более не встречается. Мы лишь очертим небольшой контур в пиратском движении и совершим экскурс в его пределах, ограничиваясь географическими рамками, обозначенными ранее. Дополнительные сведения можно найти в приведенных ниже источниках. Все даты после 1582 года даются согласно григорианскому календарю, или по новому стилю.

Западное побережье Новой Испании, 1570-1750 годы

Со времени открытия Тихого океана испанским конкистадором Нуньесом де Бальбоа в 1513 году завоевание испанцами тихоокеанских берегов шло достаточно быстро. К 1550 году почти все прибрежные территории от Панамы и до 22° северной широты были подчинены

испанской короне. Численность североамериканских индейских племен, довольно плотно заселявших прибрежные части этого региона, резко сократилась в последующие двадцать пять лет с момента прибытия пиренейских завоевателей в результате болезней и многих других причин. В первое время испанские поселения были немногочисленны, и при колонизации новых земель предпочтение отдавалось умеренно горной местности, что частично было обусловлено ранним истреблением трудоспособного местного населения. После 1550 года темп завоеваний снизился, испанцы медленно продвигались к северу, к концу века достигнув Синалойской долины, а к середине следующего столетия – реки Яки. К 1700 году иезуитские миссионеры уже контролировали побережье Соноры севернее города Гуаймас и стали подчинять племена примитивных индейцев, живущих вдоль берегов залива. Завоевание Нижней Калифорнии происходило в обоих – южном и северном – направлениях от Лорето и к 1730 году достигло самой южной точки полуострова, в то время как северная его часть – Верхняя Калифорния – оставалась незаселенной вплоть до конца 1769 года.

Административно-территориальное деление

ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВО ПЕРУ

На протяжении большей части рассматриваемого нами периода Панамский перешеек административно принадлежал вице-королевству Перу, однако аудиенция (трибунал, который в испанской Америке действовал как административный совет на территории, включающей несколько королевств и много областей, и состоял из президента и нескольких оидорес) и епископ имели свои органы управления с центром в городе Панама. Юрисдикция аудиенции Панамы простиралась по всей области Верагуа (теперь западная часть Республики Панама) до Пунта-Бурика, где она граничила с юридическим пространством аудиенции Гватемалы.

ГВАТЕМАЛА

Начинаясь у мыса Бурика, юрисдикция аудиенции Гватемалы распространялась к северу и на запад, вплоть до Теуантепека. В то время как формально власть на этой территории принадлежала вице-королю Новой Испании, фактически регион был независим от него. Капитан-генерал, живущий в Сантьяго-де-Гватемала (ныне Антигуа), также был президентом аудиенции и подчинялся непосредственно королю. В его подчинении было множество провинций с нечетко обозначенными границами, где власть принадлежала губернаторам и алькальд-мэрам – местным должностным лицам, наделенным королем полномочиями, приблизительно соответствующим английским мэрам города, но зачастую сфера полномочий которых распространялась на гораздо большую территорию. На западном побережье, с юга на север, этими провинциями были Коста-Рика, Никоя, Никарагуа, Сан-Мигель, Сан-Сальвадор, Сонсонат, Гватемала и Соконуско.

ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВО НОВАЯ ИСПАНИЯ

Начинаясь с провинции Теуантепек, территория, подвластная вице-королю Новой Испании, пролегла на запад и север вплоть до Калифорнии и выходила за ее пределы. Вице-король, имеющий королевский двор в Мехико, был ответствен в военном смысле за огромный регион, простирающийся от Вест-Индии до Филиппинских островов. Он также был президентом аудиенции Мексики, под юрисдикцию которой попадал и полуостров Юкатан. А в Гвадалахаре существовала отдельная, независимая аудиенция со своей судебной и даже политической властью. Под ее контролем, в свою очередь, находились королевства Нуэва-Галисия, Нуэва-Визкайя, а также земли к северу от побережья залива Навидад. Обе части Калифорнии подчинялись непосредственно вице-королю Новой Испании. Органы

местного самоуправления немногочисленных испанских поселений, расположенных вдоль побережья, были вверены алькальд-мэрам. На самом деле алькальд-мэры были наделены обширными полномочиями и обладали властью большей, чем обычные мэры, фактически это были губернаторы зачастую довольно обширных территорий. Прибрежными территориальными единицами и делениями в Новой Испании, находившимися в подчинении алькальд-мэров, были Теуантепек, Гуатулько, Акапулько, Закатула, Колима и Аутлан. А в числе подобных делений аудиенции Гвадалахары были Ла-Пурификасьен, Компостела, Сан-Себастьян и Кульякан.

Морские порты и прибрежные города

Первые испанские поселения на тихоокеанском побережье возникли на Панамском перешейке. Деревня Ната была основана в 1517 году. Город Панаму основали два года спустя в шести милях к северо-востоку от его конечного местонахождения. Местность, где основали город, была крайне болотистая, но имела важное стратегическое значение. Панама была конечным пунктом для судов, перевозивших серебро и золото из Перу, которое в дальнейшем переправляли через перешеек и морским путем доставляли в Испанию. Этот город также являлся складом испанских товаров, предназначенных для Южной Америки. Аудиенция со своей стороны была ответственна за получение перуанских слитков и транспортировку их через перешеек. Из-за частых приливов и отливов суда были вынуждены бросать якорь приблизительно в трех лигах (около семи миль) к юго-западу от старого города, в пункте Перико. Изначально Панама была застроена преимущественно деревянными зданиями, и во время посещения ее Томасом Гейджем в 1637 году уже имела укрепленный форт с несколькими орудиями, направленными в сторону моря, но город был абсолютно не защищен со стороны суши. Воспользовавшись этим, в 1671 году Генри Морган захватил город, разграбив и предав его Огню, после чего новая Панама была отстроена на месте ее нынешнего расположения. В новом городе Пыли воздвигнуты мощные фортификационные укрепления, включая полностью окружающую город каменную стену с количеством орудий, достаточным для того, чтобы дать достойный отпор в случае нападения. Но большинство зданий вновь были построены из дерева и сгорели во время пожара в 1737 году, после чего для строительства домов стали использовать преимущественно камень и кирпич.

Вдоль побережья к западу от Панамы существовало множество маленьких испанских поселений (Ната, Вилла-де-лос-Сантос, Пуэбло-Нуэво, Сантьяго-Аланье или Чирики), но большая часть страны оставалась незаселенной. Население жило за счет животноводства, рубки и переработки леса, натурального сельского хозяйства и добычи золота.

Поросший густыми лесами гористый остров Коиба (Куибо) в 12 милях от материка простирался в длину на 22 мили и долгое время служил пиратам комфортным прибежищем. Не имевший постоянных жителей остров время от времени посещали рыбаки и охотники за жемчугом, разбивавшие лагерь на его берегах. На Коибе было вдоволь пресной воды и всевозможной дичи.

Пустынную горную местность между провинциями Верагуа и Коста-Рика заселяли индейские племена, которые полностью так и не были подчинены испанцами. Вокруг глубокого и хорошо защищенного залива Далс не было испанских поселений, поэтому пираты часто использовали его как прибежище и место, где кренговали свои суда и пополняли запасы питьевой воды. Другим таким местом был остров Кано недалеко от Сан-Педро, где тоже имелась пресная вода.

Большой и хорошо защищенный залив Никоя, расположенный на 10 градусе северной широты, в колониальные времена был также известен как залив Салинас. Будучи колонизированными еще на раннем этапе, берега заливов стали местом возникновения двух больших испанских поселений. Одно из них, находящееся в устье реки Темписк, носило

название Никоя, имело судовую верфь и было настолько важным в стратегическом плане, что имело своего алькальд-мэра. Другое же находилось в бухте Кальдера, у входа в залив, на восточном его берегу, в 20 лигах (60 милях) от столицы Коста-Рики, города Картаго.

В бухте Кальдера было расположено несколько складов, предназначенных для торговли с Панамой и Перу. На небольшом расстоянии в глубь страны находилась испанская деревня Эспарза (современная Эспарта). Кроме того, на западном берегу залива и на острове Чира находились индейские деревни, жители которых были обращены в христианство. В многочисленных бухтах и островах залива пираты кренговали суда и пополняли запасы пресной воды. Жители провинции Никоя занимались сельским хозяйством и животноводством, сбывая свою продукцию в Панаму и Никарагуа.

Недалеко от залива Никоя расположена глубокая, хорошо защищенная скалами бухта Кулебра, описанная в гидрографических руководствах как «самая прекрасная гавань в Центральной Америке». Несмотря на то что эта бухта находилась в непосредственной близости от осваиваемых колонистами земель, ее недостаточно часто использовали как пираты, так и испанцы. Когда буханьеры зашли в бухту Кулебра в 1685–1686 годах, недалеко от побережья обнаружили несколько скотоводческих ранчо.

Город-порт в Никарагуа, носящий в наши дни название Коринто, до конца XIX столетия был известен как Пуэрто-де-ла-Позесьон, обычно называемый Реалейя. Стратегически это было самое важное место на побережье Центральной Америки. В годы ранней колонизации окрестность самой гавани была не заселена, не считая небольшого старого города Реалейя, стоящего на берегу небольшой речки на расстоянии двух лиг в глубь страны. Этот город был связан дорогой с городом Леоном, колониальной столицей Никарагуа, окончательным местонахождением которого после 1610 года стала территория восемью лигами восточнее первоначального положения. Реалейя начала использоваться в качестве торгового морского порта и судовой верфи приблизительно с 1530 года. Гавань полностью защищена длинным островом. Доки для спуска судов находились у берега реки на окраине города, хотя обычно суда не заходили столь далеко в глубь материка, предпочитая оставаться в гавани. К середине XVI столетия в городе обосновалось довольно значительное поселение европейцев и метисов, среди которых в основном были ремесленники, занятые в кораблестроении: плотники, конопатчики, изготовители парусов и др. До 1585 года манильские галеоны строились именно в Реалейе, о чем есть сведения в Центральном архиве индейской культуры. После того как в этих краях побывал Фрэнсис Дрейк, у подхода к городу на берегу реки были воздвигнуты брустверы, позднее эти же укрепления использовали и при последующих пиратских рейдах. Так же иногда на реке, прямо напротив брустверов, устраивались заграждения из бревен, чтобы помешать врагу подобраться близко к городу.

На расстоянии 30 лиг юго-восточнее Реалейи, за Леоном, находился стратегически важный колониальный город Гранада. Расположенный недалеко от Тихого океана, он имел прямую морскую связь с городами Порто-Бело и Картахена через озеро Никарагуа и по реке Десагвадеро (ныне река Сан-Хуан). Из-за своего относительного благосостояния и благодаря тому, что к городу было легко подойти с обоих «морей», Гранада несколько раз подвергалась пиратским набегам. Крупный рогатый скот и (сельскохозяйственные продукты, доставляемые из Никарагуа в Перу и в Картахену, соответственно транспортировались либо через Реалейю, либо по реке Сан-Хуан. Кроме скота и сельхозпродуктов, важными товарами колониальной торговли были хлопчатобумажная ткань, смола и всевозможная корабельная оснастка.

В горах к северо-востоку от Реалейи в верховьях реки Сеговия (или Кокосовой реки) находился город Нуэва-Сеговия (ныне Окотал), промышленявший добычей золота. Это был самый северный город колониального Никарагуа, который являлся источником поставки хвойной смолы для судовой верфи Реалейи, а также для ее последующего экспорта в Перу.

Еще одной гаванью в пределах колониальной провинции Гватемалы был залив Амапала, или залив Фонсека. Внутри залива главным якорным местом для испанских судов

был порт Мартин-Лопез, расположенный недалеко от современного портового города Ла-Юнион, находящегося вблизи старого поселения Сан-Мигель. Другим единственным испанским городом недалеко к востоку от берегов залива был Жерес-де-Хулутека. Острова Мингера и Амапала были заселены обращенными в христианство индейскими племенами. Испанские суда довольно часто заходили в залив, чтобы загрузиться смолой, какао и другими товарами для транспортировки в Перу и Мексику. Между портом Мартин-Лопез и городом, который теперь носит название Пуэрто-Моразан в Никарагуа, во избежание длинного сухопутного перехода по болотистым берегам на мулах было хорошо налажено водное сообщение. Несмотря на принадлежность испанской короне, залив Амапала в период с 1684-го по 1721 год широко использовали иностранные суда.

Другим очень важным колониальным морским портом, несмотря на ряд его недостатков, одним из которых была незащищенность бухтой, являлся город Акахутла. Судовая верфь, построенная там в начале 1530-х годов, вскоре начала сдавать свои позиции в пользу верфи Реалейи. Затем порт Акахутла сделался загрузочным пунктом торговых судов, курсировавших между Мексикой и Перу и перевозивших какао (шоколад), который в изобилии рос в окрестностях города. Это был главный тихоокеанский порт всей провинции Гватемала, включая территорию, которая в наши дни носит название Эль-Сальвадор. Вблизи Акахутлы находился испанский город под названием Ла-Сантисима-Тринидад-де-Сонсонат, а в некотором отдалении от него – города Санта-Ана и Сан-Сальвадор. Помимо основного вида деятельности – сбора бобов какао, – довольно большая часть населения занималась натуральным сельским хозяйством и животноводством. Согласно документу, датированному 1562 годом, ежегодно из Акахутлы в Мехико перевозилось 50000 каргас какао.

Побережье между Амапалой и Гуатулько было лишено защищенных мест для якорной стоянки судов, по недалеко от морских берегов находилось несколько испанских городов, среди которых были Чикимула, Хуэхуэтлиан и Теуантепек.

Порт Гуатулько, или Хуатулько, который активно использовали испанцы, был первым морским портом, основанным ими на мексиканском тихоокеанском побережье. Он находился в очень удобном и защищенном заливе, который идеально подходил для судов, используемых в течение всего колониального периода, и был самой лучшей естественной гаванью на протяжении 900 миль между Амапалой и Акапулько, о чем можно найти свидетельство в «Навигационном руководстве» гидрографического общества. Карта гидрографического общества приводит старое название залива Порт-Гуатулько, хотя местные жители называют этот залив Бахиа-де-Санта-Круз. Соседний же залив, находящийся восточнее, в наши дни носит название Бахиа-Чагуей. Залив был удобным местом для якорной стоянки судов, имел пологие и гладкие берега для подхода лодок, и на его прибрежной части имелась пресная вода. Тропа, пролегающая через горные хребты в глубь материка на 125 миль, соединяла Гуатулько с Оахакой и далее сливалась с главной дорогой, ведущей в Мехико. На расстоянии 9 миль к северо-западу от порта находилась индейская деревня Санта-Мария-Хуатулько, у которой порт и позаимствовал свое название. Деревня Санта-Мария-Хуатулько в XVIII столетии была переселена на 18 миль в глубь страны, на место, где она сейчас и находится.

Порт Гуатулько, несмотря на его значительную удаленность от столицы, испанцы начали использовать гораздо раньше, чем Акапулько, потому что было намного проще несколько улучшить существующую индейскую тропу, ведущую из Оахаки в Мехико, чем прокладывать новую дорогу через труднопроходимую пересеченную местность между Куэрнавакой и Акапулько. Таким образом, Гуатулько на самом раннем этапе колонизации тихоокеанских берегов Центральной Америки стал самым крайним северным пунктом судоходства между Новой Испанией и Перу. Город также активно развивал местную торговлю с различными городами Центральной Америки. Между 1537-м и 1540 годами Гуатулько начали заселять испанские судостроители, торговые агенты, владельцы магазинов и государственные чиновники. В порту работало много индейцев-чернорабочих, а на выстроенной судовой верфи было все необходимое для постройки и переоборудования

судов. К 1542 году поселение приобрело настолько важное значение, что уже имело своего коррегидора (позже алькальд-мэра). В поселении была церковь, большая таможня, склады и несколько сотен плетеных хижин.

Расцвет Гуатулько пришелся на период с 1540-го по 1575 год. Обычно ежегодно между Гуатулько и Перу курсировало три или четыре крупных судна и множество мелких судов, занятых в местной торговле с разными городами Центральной Америки. Торговля в основном заключалась в бартерном обмене товарами: одежду, домашний скот и черных рабов, которых везли из Новой Испании, обменивали на плоды какао, доставляемые из Акахутлы. Корабли, покидающие Гуатулько и направлявшиеся в Перу, везли разнообразный мексиканский товар, а возвращались с серебром и ртутью, экспортируемыми из Перу. К 1562 году через порт Гуатулько ежегодно проходил товарообмен на сумму 400 тысяч песо.

После того как приблизительно в 1574 году Акапулько стал главным портом вице-королевства в Южном море, Гуатулько стал терять былое значение. Порт Акапулько, собственно, и был основан для ведения через Тихий океан торговли со странами, где происходила конечная перегрузка товаров с одних судов на другие с последующей дальнейшей транспортировкой. Какое-то время суда, курсирующие между Перу и Центральной Америкой, продолжали заходить в порт Гуатулько, но их число неуклонно сокращалось, и к 1586 году денежные поступления в таможенную службу порта снизились до 1000 песо в год. К тому же в 1579 году Гуатулько подвергся нападению Дрейка, а в 1587-м был разграблен Кавендишем. Они увезли с собой все ценности, найденные в городе. Кавендиш же, покидая Гуатулько, поджег город, который сгорел дотла. Эти нападения стали возможны потому, что город был лишен каких бы то ни было фортификационных укреплений и защиты, если не считать небольшого количества испанцев, которые могли там находиться. Возможно, для того, чтобы лишить пиратов подобного соблазна, в 1616 году вице-король приказал разрушить порт Гуатулько, снести все постройки, а индейскому населению было приказано переселиться в глубь страны, в Санта-Марию. Возможно, именно с того времени порт Гуатулько и прекратил свое официальное существование.

Насколько нам известно, порт с тех пор оставался заброшенным, но его изредка посещали случайные рыбаки и небольшие суда, курсирующие вдоль побережья Центральной Америки, а некоторые источники, дошедшие до наших дней, сообщают, что после 1616 года Гуатулько использовался для транспортировки китайских контрабандных товаров в Перу. Несколько пиратских экспедиций в поисках убежища и с целью пополнения запасов воды наведывались в Гуатулько. Когда в 1685 году английские капитаны Сван и Тоунлей вошли в порт, он был уже покинут и они не нашли никаких следов прежнего города, кроме небольшой часовни, стоящей среди деревьев, приблизительно в 200 шагах от моря. В 1959 году на берегах залива проживало только одно семейство, занимавшееся рыбной ловлей.

Пуэрто-де-Лос-Анджелес, или Пуэрто-Анхель, что западнее Гуатулько, практически не использовался испанцами, но зато довольно часто навещался пиратами.

Акапулько, единственный на протяжении большей части времени всего колониального периода развитый морской порт Мексики на Тихом океане, был открыт испанцами в 1521 году и, возможно, заселен впервые приблизительно в 1530 году. Возможно, там и до этого времени находилась судовая верфь. Здесь прекрасно защищенная, самая просторная и, безусловно, самая лучшая на всем мексиканском побережье южнее Нижней Калифорнии гавань, имеющая удобный проход. Еще одно дополнительное ее преимущество – относительная близость к Мехико (280 миль).

Однако чрезвычайно труднопроходимый характер местности, пролегающей между Мехико и Акапулько, составлял серьезную проблему для сообщения между двумя этими пунктами в XVI столетии. В то время от Куэрнаваки в южном направлении шла хорошая тропа, но далее горы и большое количество рек, пересекавших местность, делали продвижение на лошадях или мулах невозможным. Путешествие пешком занимало приблизительно месяц, и вся поклажа переносилась на спинах тамеме – индейских грузчиков. Поэтому на заре колонизации Центральной Америки испанскими конкистадорами

Акапулько использовался только случайными судами, курсирующими вдоль побережья с целью его исследования. Вся торговля между Центральной Америкой и Перу сначала велась через более доступный порт Гуатулько. И только в конце 1560-х годов из Мехико в Акапулько была проложена тропа, но даже тогда из-за отсутствия мостов через многочисленные реки, встречающиеся на ее пути, более предпочтительным было использование порта Гуатулько.

Когда король приказывал открыть торговый путь между Новой Испанией и восточными странами, он поручил руководство этой экспедиции священнику-навигатору Андресу де Урданета. Урданета, отплыв из Навидада в ноябре 1564 года, проследовал к Филиппинским островам и в октябре следующего года возвратился в Акапулько, который, по его рекомендации, должен был стать конечным пунктом торговли с восточными странами через Тихий океан. Полчища индейцев были согнаны, чтобы, расширив тропу из Мехико, сделать ее проходимой для животных. Когда в 1573 году первый галеон с китайскими товарами прибыл в Акапулько, один из важных мостов, находящийся на пути от порта к столице, еще не был готов к эксплуатации, что заставляло совершать длительный обход и довольно опасную переправу через реку вброд. Возведение моста было завершено в течение следующего года, и время, которое необходимо было затрачивать на преодоление пути до столицы, сократилось почти вдвое. Неясно только, через какую реку был переброшен этот «важный» мост. Две самые большие реки, которые лежали на пути прохождения этой тропы – Бальзас и Папагэйо, – в 1698-м и 1804 годах приходилось преодолевать на плотках. Со слов Алессио Роблеса, тропа, проложенная по приказу вице-короля Д. Луиса де Веласко в 1592 году, должна была быть пригодной для продвижения на мулах. Теперь путь от Акапулько до Мехико можно было преодолеть за 6–10 дней, хотя королевские курьеры, скакавшие и днем и ночью, обычно преодолевали этот путь за 3–4 дня. Однако транспортировка объемных грузов все еще оставалась проблематичной, и, к примеру, тяжелые орудия обычно доставлялись окольным путем через перешеек Теуантепек. Но для колесного транспорта дорога между Акапулько и Мехико оставалась непроходимой вплоть до 1927 года.

Торговля с Китаем имела огромное значение для экономики Испании и ее американских колоний. Предметы роскоши, завозимые с Востока, пользовались большим спросом в Новой Испании, а в Перу, в свою очередь, за те же товары можно было выручить еще большую цену. Каждый год в течение двух с половиной столетий огромные неуклюжие галеоны, груженные сокровищами и деньгами, пересекали Тихий океан, тратя запасы американского серебра в обмен на шелка, фарфоровую посуду, воск, специи, духи, ювелирные изделия и всевозможную одежду и наряды. И все это несмотря на многократные королевские указы, налагающие ограничения и направленные на то, чтобы взять эту торговлю под монарший контроль.

Несмотря на существовавший лимит, ограничивающий число рейсов манильских судов до одного-двух в год, иногда в течение одного года Тихий океан пересекали три или четыре манильских исполина. Бывало, что из-за происков врага или вследствие кораблекрушения это торговое сообщение прерывалось на год и более. Стоимость груза, направляемого в Манилу (преимущественно это было серебро), обычно варьировала от 200 тысяч до миллиона песо, при этом стоимость товаров, прибывающих в Новую Испанию и Перу, была в 2–3 раза больше, а контрабандный товар увеличивал эту сумму более чем на 10 миллионов песо. Сведения об этом находим в книге Вильяма Литтела Шерза «Манильский галеон», весьма познавательной и раскрывающей читателю многие подробности, связанные с историей развития торговли испанских колоний в Америке с Китаем.

С открытием этого чрезвычайно выгодного морского торгового пути в Китай Акапулько на время пребывания в его порту манильских кораблей превращался в бурлящий жизнью город. Здесь обосновывалась большая колония ремесленников и разного рода мастеровых людей: плотников, конопатчиков, кузнецов и изготовителей корабельных парусов. В нем строились склады для хранения корабельной оснастки и продовольствия, которое приходилось завозить из отдаленных внутренних районов страны. Большую же

часть года, из-за тяжелых климатических условий, Акапулько оставался пустынным и покинутым местом, если не считать небольшого поселения негров, мулатов и китайцев. Среди людей, постоянно проживающих в Акапулько, не было ни одного индейца. Это было грязное, малопривлекательное поселение, где соседствовали землянки и жилища, сколоченные из досок, крытых соломой и кишавших всевозможными паразитами, назойливыми москитами, которые способствовали распространению всевозможных тропических болезней. Манильские галеоны, как их называли английские писатели, после длительного рейса с Филиппин, в среднем длившегося около пяти с половиной месяцев, обычно прибывали в порт Акапулько в период с конца ноября по январь. (Средняя продолжительность тридцати семи зарегистрированных плаваний в восточном направлении с 1565-го по 1758 год составляла 170 дней.) Во время столь длительного перехода на борту манильских судов было много случаев заболевания цингой с летальным исходом, те же, кому удавалось благополучно завершить длительный вояж, по прибытии в Акапулько выглядели крайне изможденными и грязными. Их состояние еще более усугублялось из-за антисанитарных условий и той нездоровой атмосферы, которая царила в поселении. В Акапулько не было создано никаких бытовых условий для путешественников, и к 1698 году в поселении не существовало ни одной гостиницы или постоялого двора.

Пассажиры, прибывающие на галеонах, если они не собирались сразу пускаться в тяжелый путь по труднопроходимой дороге на Мехико, должны были конкурировать с сотнями торговцев, стараясь заполучить место на ночлег в грязной лачуге либо в одном из женских монастырей. Во время праздников, которые устраивались в Акапулько после прибытия каждого манильского судна обычно в январе или феврале, город наводняли приезжие люди, и стоимость проживания в нем неимоверно возрастала – положение, которое, по всей видимости, сохраняется вплоть до наших дней. Некий путешественник в 1698 году жаловался: для того чтобы нормально питаться, человеку необходимо тратить не менее песо в день, что по тем временам составляло баснословно большую сумму.

Еще до того как прибывший галеон успевали разгрузить в порту, приготовления к его снаряжению в обратный путь на Филиппины уже шли полным ходом. Солдаты, преступники, высылаемые на Филиппины, и пассажиры прибывали в город из Мехико; на судне затыкали паклей и заливали смолой швы, а в трюмы загружали продовольственные запасы и серебро. При благоприятном стечении обстоятельств время, которое манильский галеон затрачивал на путь до Филиппин, было несколько меньше, чем время, затрачиваемое на обратную дорогу, и составляло немногим менее четырех месяцев. Январь или февраль были самыми благоприятными месяцами для отплытия манильского судна в восточном направлении, поскольку в случае задержки возникала опасность его встречи с инверсными ветрами, либо прибытие на Филиппины приходилось на разгар сезона тайфунов. Но, невзирая на возможные трудности, отплытие судна зачастую откладывалось на конец марта или даже апрель, в результате чего манильские гиганты не раз терпели кораблекрушения, унося с собой жизни людей, находившихся на борту. (Из 148 зарегистрированных рейсов из Акапулько с 1566-го по 1784 год 2 галеона вышли в море в декабре, 5 – в январе, 11 – в феврале, 87 – в марте, 42 – в апреле, и 1 галеон покинул Акапулько в мае. Эти задержки были преднамеренно организованы мексиканскими торговцами, которые решили сбить цену на китайский товар, сговорившись не скупать его до тех пор, пока продавцы не вынуждены будут пуститься в обратное плавание. Вице-короли понимали, что галеоны, запоздавшие с выходом в океан, подвергались серьезной опасности, поэтому обычно отдавали приказ, согласно которому манильские суда должны были покинуть порт до определенной даты.)

Продолжением маршрута манильских судов был путь от Акапулько до Перу. За восточные товары в Лиме платили гораздо больше, чем в Мексике. С самого начала король и его советники поняли, что подобная торговля поглощала часть их доходов от добычи перуанского серебра и нарушала монопольное право Испании на торговлю в этом регионе. Королевские указы, запрещающие подобные торговые вояжи, включая использование Акапулько как транзитного пункта, достигнув берегов Америки, не возымели должного

действия, так как их умело обходили все заинтересованные лица, включая самого вице-короля. Указ, вступивший в силу в 1589 году, был встречен без особого энтузиазма и явился отправной точкой для процветания контрабандной торговли, поощряя взяточничество и обогащая королевских чиновников, призванных блюсти его исполнение. Китайские товары перегружались с галеонов на другие суда, ожидавшие их прибытия в небольшой бухте Пуэрто-Маркес или даже непосредственно в самой гавани Акапулько, и далее транспортировались в Перу. Другим распространенным видом доставки контрабандных товаров была его выгрузка с галеонов в пустынных портах еще до их прибытия в Акапулько.

Торговля с Китаем процветала в течение пятидесяти лет, прежде чем были предприняты шаги для защиты Акапулько от врагов Испании. В 1579 году Дрейк даже не пытался взять курс к берегам Акапулько, зная, что манильское судно покинет порт по крайней мере за месяц до того, как он сможет туда добраться. А в 1587 году Кавендиш, курсировавший в пределах видимости города, также понял, что галеон давно покинул порт, и даже если взять его штурмом, там будет мало чем поживиться. Во время плавания Кавендиша 30 октября 1587 года вице-король писал: «У вашего величества нет ни единого орудия ¹». Однако из соображений экономии средств никаких шагов для укрепления Акапулько предпринято не было.

Когда в конце 1614 года весть о грядущем появлении голландского пирата Спеилбергена достигла Мексики, там были предприняты лихорадочные попытки построить импровизированный форт для защиты города. Солдат и «добровольцев» согнали со всего королевства на спешное рытье траншей и возведение орудийных платформ на холме Эль-Морро, что в северной части гавани Акапулько. Численность гарнизона, обычно насчитывающего 40 солдат, была увеличена до 400 человек. Четырнадцать орудий, с большим трудом доставленные из Мехико, были как раз вовремя установлены на новых огневых позициях. Когда Спеилберген подошел к Акапулько, все работы по укреплению порта были завершены. Увидев защищенный порт, голландец счел более целесообразным испросить перемирия для обмена пленных испанцев на продовольственные запасы, нежели штурмовать город.

В 1616 году в Акапулько пришло письмо от короля (так называемая цедула), предписывающее властям Новой Испании построить фортификационные сооружения, и уже к концу того же года строительство укреплений шло полным ходом. Инженером, отвечающим за проектирование и строительство форта, был голландец Адриан Бут. Укрепленная башня, находившаяся на холме и используемая для временной защиты города при недавнем визите Спеилбергена, получила название Сан-Диего-де-Акапулько.

Это укрепление представляло собой строение неправильной формы с пятью бастионами по периметру. Строительные работы по сооружению фортификационных укреплений города были завершены 15 апреля 1617 года. В период с 1617-го по 1742 год в замке Сан-Диего было установлено от тридцати до пятидесяти орудий. Немногим позднее на берегах южной стороны гавани также были установлены орудия, так что враг на подходе к городу оказывался под перекрестным пушечным огнем. По всей вероятности, новый форт производил устрашающее воздействие на пиратов и, возможно, в 1624 году, во время «визита» Шапенама, спас Акапулько от разграбления. Насколько нам известно, больше ни одна из пиратских экспедиций не подходила к городу, хотя Тоунлей (1685 год) и Ансон (1742 год) с разведывательной целью посылали свои лодки в порт Акапулько, после чего каждый из них предпочитал ожидать прихода манильских судов в более безопасном и менее защищенном месте. В 1776 году во время землетрясения форт Сан-Диего был разрушен, но на том же самом месте построили новый замок, возведение которого завершилось в 1783 году.

Как и в Гуатулько, те немногие испанцы, проживающие в городе, среди которых были

---

¹ На всем побережье Новой Испании

государственные чиновники и ремесленники, большую часть года проводили вне Акапулько, приезжая в порт лишь на период с ноября по апрель. Наивысшим должностным лицом был представитель короля Испании в Акапулько. Он также имел титул генерал-лейтенант побережья Южного моря и нес персональную ответственность за все части и подразделения военно-морского флота Испании на всем тихоокеанском побережье. Личный состав гарнизона, постоянно расквартированного в порту, варьировал от сорока до ста солдат с двумя или тремя офицерами. Во время же прибытия и нахождения в порту манильских судов численность гарнизона увеличивалась до двухсот или более солдат. В начале XVIII столетия в городе также действовала гражданская милиция, которую набирали из негров, мулатов и китайцев крепкого телосложения и по расовым признакам делили на группы.

Порт Зихуатенейо, также известный как Чекетан – хорошо защищенная гавань к западу от Акапулько, – совсем не использовался испанцами. И в колониальный период здесь не было никаких поселений. Это обстоятельство позволило пиратам превратить гавань в удобное место для кренгования своих судов, пополнения запасов воды и древесины, а также ожидания прибытия манильских судов. (Фаннелл в «Вояже вокруг света» говорит о поселении в Зихуатенейо, состоящем из сорока домов, но к тому времени, когда Ансон посетил это место в 1742 году, поселения там уже не было.)

Следующим, находящимся недалеко от устья реки Бальзас (или реки Мекскала), был порт Закатула. В 1522 году Кортес построил там судовую верфь, вокруг которой начало расти испанское поселение, но несколько лет спустя люди покинули его. Это место было малопригодным для якорной стоянки судов, поэтому они редко заходили в него. Между Закатулой и Колимой была расположена область Мотинес, которая обезлюдела после раннего периода добычи золота с 1523-го по 1535 год.

Порты-близнецы Сантьяго и Салагуа находятся в северной части залива, который сейчас носит название Мансанильо. Поселение, возможно основанное в Салагуа до 1527 года, вскоре было покинуто людьми, тем не менее, две просторные и хорошо защищенные гавани активно использовались испанскими исследователями и ловцами жемчуга. На берегах залива Салагуа имелся ручей с пресной водой, и там же брали свое начало дороги, ведущие к городам Гвадалахара и Колима, а в северо-западном направлении – к порту Навидад. Обе гавани зачастую служили убежищем для манильских галеонов. А к середине XVII столетия манильские суда, плывущие с востока в Акапулько, стали регулярно заходить в Салагуа, хотя позднее предпочтение стали отдавать порту Навидад. Алькальд-мэр Колимы держал там сторожевой пост, который постоянно снабжался свежими фруктами для людей, пораженных цингой и сошедших на берег после нескольких месяцев утомительного плавания. Если не считать наблюдательного поста и случайных рыбаков, заходивших в залив, берега Салагуа в течение всего колониального периода были необитаемы, но они довольно активно использовались манильскими галеонами для доставки и разгрузки контрабандных товаров, ввозимых с Востока. Современный порт Мансанильо начал развиваться лишь с середины XIX столетия. Колима была основным центром по производству какао.

Очень небольшой, но хорошо защищенный залив, известный как Пуэрто-де-ла-Навидад, находящийся на 19°14' северной широты, был открыт испанцами в 1523 году и вскоре стал важным перевалочным пунктом для экспедиций, направляющихся в сторону Калифорнии и выше. Судовая верфь, находящаяся у входа в лагуну в восточной части залива и строящая суда, принадлежащие испанской короне, была возведена здесь еще до 1550 года. Суда эскадры Андреса де Урданета, который в 1564 году совершил плавание к Филиппинским островам, были построены именно там. Одно время даже рассматривался вопрос о превращении залива Навидад в конечный пункт прибытия торговых судов, идущих с Востока, но позднее предпочтение было отдано Акапулько. Однако залив Навидад продолжали использовать исследователи и ловцы жемчуга, плывущие в сторону Калифорнии.

С 1585 года залив стал базой пополнения запасов продовольствия и питьевой воды, а

также южной границей сферы деятельности серьезной монополии, специализирующейся на ловле жемчуга. Навидад был самой северной тихоокеанской гаванью в Новой Испании; далее шли берега, подпадающие под юрисдикцию аудиенции Гвадалахары. Самой важной функцией залива Навидад было предоставление прибежища манильским судам. С середины XVII до конца XVIII столетия эти суда почти всегда делали короткий привал у берегов заливов Салагуа или Навидад, которые находились непосредственно по курсу их следования к Акапулько.

Обычно суда прибывали к берегам Центральной Америки в ноябре или декабре. Алькальд-мэр Аутлана нес персональную ответственность за поддержание порядка в Навидаде, он также должен был следить за передвижениями пиратов в этом регионе и заранее уведомлять власти о прибытии манильских судов. Большим членам команд торговых экспедиций разрешалось сходить здесь на берег, а серьезно больным или инвалидам дозволялось оставаться в поселении до полного выздоровления либо следовать сухопутным путем в Мехико. Одним из офицеров или пассажиров торговых судов был так называемый королевский курьер, в чьи обязанности по прибытии входило следить за почтовыми станциями и наличием сменных лошадей для отправки из Навидада в столицу дипломатических и официальных посланий. Так же как и Салагуа, Навидад был пунктом разгрузки контрабандных товаров, ввозимых из Китая.

Еще одной якорной стоянкой судов был порт Чамела, находящийся на координате 19°32' северной широты. Порт со всех сторон был надежно защищен скалами и островами от всех неблагоприятных погодных воздействий, кроме редких в этих местах южных ветров. Это был самый южный порт в Нуэва-Галисии, в колониальный период имевший на своих берегах небольшую рыбацкую деревушку. От поселения шла тропа к старому городу Ла-Пурификасьен, находящемуся от него на удалении около 40 миль в глубь страны.

Как раз за мысом Корриентес, возле которого была якорная стоянка галеонов, плывущих вниз от мыса Сан-Лукас, находится большой открытый залив Бандерас. В нем есть несколько хорошо защищенных якорных мест, а также в него впадает река, в колониальные времена известная под названием Рио-дель-Балле, а ныне носящая название Рио-де-Амека, берега которой использовались испанцами как пристанище для маленьких судов, а также для пополнения запасов питьевой воды. В долине, примыкающей к берегам залива, было множество испанских ферм и ранчо.

Следующим портом, расположенным севернее, была небольшая бухточка Чакала. Этот залив или, скорее, углубление береговой линии в материк защищался крутыми холмами и во время колониального периода довольно часто использовался исследователями и ловцами жемчуга. Когда в 1587 году Кавендиш наведлся в этот залив, то обнаружил на его берегах две лачуги, где жили люди. На протяжении значительной части XVII столетия Чакала была пунктом, где морские экспедиции, плывущие в сторону Нижней Калифорнии, пополняли свои запасы продовольствия и питьевой воды. В 1668 году там был расквартирован маленький гарнизон, находящийся в подчинении близлежащего испанского города Компостела.

После 1700 года функции Чакалы как основного порта – поставщика продовольственных запасов для судов, плывущих в Калифорнию, были переняты поселением Матанчел. Местность вокруг Чакалы была негусто населена людьми, основным занятием которых было мелкое сельское хозяйство и животноводство, с периодическими всплесками активности разработки серебряных рудников.

Бухта Де-Сантьяго-де-Матанчел (ныне Матанчен) – открытый залив, защищенный от преобладающих в этих краях северо-западных ветров и находящийся восточнее порта Сан-Блас, который начал развиваться несколько позднее. Она иногда использовалась в роли прибежища первыми морскими исследовательскими экспедициями и ловцами жемчуга, и какое-то время манильские галеоны заходили туда для пополнения запасов питьевой воды. В течение первой половины XVIII столетия Матанчел был главным морским портом Нуэва-Галисии и местом, куда наведывались иезуитские миссионеры из Нижней Калифорнии с

целью пополнения запасов продовольствия. Раз в год судно иезуитской миссии из Лорето брало курс на Матанчел и возвращалось обратно с грузом продовольствия, почтой и миссионерами.

Дорога, ведущая от Гвадалахары, соединяла ее с портом, который находился в 115 лигах. На берегу имелось маленькое поселение, где преимущественно проживали государственные чиновники, ловцы жемчуга и стивидоры – чиновники, ведающие погрузкой и выгрузкой судов в портах. Будучи покинутым большую часть года, порт Матанчел оживал лишь на короткий период прибытия судна иезуитской миссии. В 1768 году находящийся там с визитом генерал Жоз де Гальве приказал построить новый город в Сан-Бласе, тремя милями западнее Матанчела, и расквартировать там гарнизон. Следствием этого шага явилось то, что Матанчел вскоре исчез со всех карт.

Недалеко от устья самой большой реки Центральной Мексики, Рио-Гранде-де-Сантьяго, находился порт Сан-Педро. Но его значимость принижалась наличием отмели в устье реки и огромным количеством насекомых, кишачих в близлежащих лесах. Однако Сан-Педро иногда использовался ловцами жемчуга и исследователями, направляющимися в Нижнюю Калифорнию. Небольшой город Сентикпак был заселен испанцами в 1530-х годах, затем покинут ими и заселен снова в середине XVII столетия.

Одним из первых мест, которое развивалось и использовалось испанцами в качестве тихоокеанского порта, была Чамела. Изначально испанское поселение под таким названием основано Нунье де Гюзманом в 1532 году и, вероятнее всего, было расположено на правом берегу реки Балuartэ приблизительно в 5 милях от ее устья. Даже в сезоны засухи в реке было достаточно воды для того, чтобы позволить маленьким судам пересечь отмель и пристать в Чамеле. Кортес использовал это место в качестве пункта пополнения продовольственных запасов во время своей экспедиции в Нижнюю Калифорнию в 1535 году, после чего, по всей вероятности, поселение было покинуто людьми. Оно было вновь заселено испанцами при Франсиско де Ибарре в 1564 году. Чамела была портом приписки ловцов жемчуга, которые в конце XVI – начале XVII столетия часто посещали берега Калифорнийского залива в нижней части полуострова. Сван, который подошел к этим местам в 1686 году, нашел их покинутыми, но устье реки все еще продолжали использовать в качестве пункта морского сообщения с городом Росарио, расположенным в 15 милях в глубь материка, в котором находились и разрабатывались серебряные рудники.

Несмотря на естественные преимущества в качестве якорной стоянки судов, испанцы использовали Сан-Хуан-де-Масатлан недостаточно активно. Вероятно, ловцы жемчуга и морские экспедиции, направляющиеся на исследование побережий, простирающихся севернее, отдавали предпочтение Чамеле и Матанчелу, поскольку они находились ближе к Мехико. До конца XVIII столетия в порту Масатлан не было никаких поселений. Однако в Сан-Себастьяне (ныне Конкордия), в поселении, основанном в 1567 году и находившемся на расстоянии 26 миль от побережья в глубь материка, был расквартирован военный гарнизон. Еще один гарнизон, известный под именем Пресидио-де-Масатлан, находился недалеко от городка, известного в наши дни под именем Вилла-Юнион. В течение большей части колониального периода часть личного состава последнего гарнизона постоянно находилась в порту Масатлан, с тем чтобы вести наблюдение за врагами и испанскими судами, нуждающимися в пополнении запасов продовольствия.

Имеющая форму зуба нижняя часть Калифорнийского полуострова, вплоть до конца XVII столетия оставшаяся не заселенной испанцами, заканчивается выступом, именуемым мысом Сан-Лукас, прямо за которым находится хорошо защищенная бухта, известная под одноименным названием, а также именуемая Сан-Бернабе, или, как ее называл Кавендиш, Агуада-Сегера. До 1730 года, когда недалеко от нынешнего города Сан-Хосе-дель-Кабо обосновалась иезуитская миссия, мыс Сан-Лукас иногда посещался исследовательскими экспедициями и ловцами жемчуга, и почти каждый год после 1565 года мимо него, в пределах видимости, возвращаясь с Востока, проплывали манильские галеоны. Пиратские эскадры использовали это идеальное место для ожидания подхода манильских судов – здесь

не возникали проблемы с пополнением запасов продовольствия и питьевой воды, а также было достаточно удобных мест для кренгования судов, но инверсные ветра зачастую осложняли подход к мысу с юга.

Недалеко от берега было много необитаемых островов, которые редко посещались испанцами, но широко использовались приватирами и пиратами для кренгования своих судов, пополнения запасов продовольствия и питьевой воды, а также в качестве плацдарма для грабительских набегов на материк и захвата судов. Группа островов Лас-Трес-Мариас достаточно часто навещалась пиратами в период с 1686-го по 1721 год. Мы уже упомянули о значимости острова Коиба для пиратской братии. Несмотря на то что остров Табога и архипелаг Жемчужных островов были заняты испанцами, пираты активно использовали их в своих целях, так же как и Кокосовый остров, находящийся в 300 милях от побережья Коста-Рики.

Судоходство

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в период с 1575-го по 1745 год морская торговля на западном побережье Мексики и Центральной Америки происходила по двум основным торговым маршрутам. Первым был маршрут из Акапулько на восток, а второй пролегал между Мексикой и Перу. Кроме того, существовали маршруты, по которым осуществлялась и торговля в локальных масштабах. Этот путь пролегал от Мексики до Центральной Америки, далее от Центральной Америки до Панамы и от Панамы до Перу и обратно. К северу от Гуатулько, если не считать судов, занимавшихся ловлей жемчуга, и одного корабля, ежегодно перевозившего продовольствие из Матанчела в Лорето (после 1697 года), практически не наблюдалось передвижения судов, занимающихся локальными торговыми операциями. С вражеской точки зрения наилучшим трофеем были, безусловно, манильские галеоны.

Эти суда были особенно уязвимы во время своего обратного вояжа, поскольку на пути в Акапулько держались в непосредственной близости от берегов Калифорнии, но груз их в основном состоял из товаров, а на борту было лишь незначительное количество наличных денег. Галеоны же, следующие в направлении Манилы, везли огромное количество наличных денег, в основном серебряных монет, и из Акапулько выходили прямо в океан и на 12° или 13° северной широты ложились на западный курс. Еще одним соблазнительным, с точки зрения пиратов, трофеем были суда, перевозившие перуанское серебро в Панаму, но они были относительно хорошо защищены. Иногда перуанское серебро перевозилось и в Центральную Америку или Мексику. И наконец, в этих водах промышляло довольно большое количество ловцов жемчуга, и, если удача улыбалась пиратам, они могли захватить и ценный жемчужный улов.

Строгий королевский приказ, ограничивающий, а порой и просто запрещающий торговлю между колониями, практически игнорировался на тихоокеанских берегах испанских владений, но отсутствовал и достаточный стимул для бурного развития этого рода деятельности. За исключением Панамы и Акапулько, которые в силу известных причин должны были быть хорошо защищены, на всем побережье было очень мало портов, где добыча могла бы возместить пиратам риск и грозящие неприятности от их посещения.

Елизаветинские пираты

Джону Оксенхаму, или Окснаму, принадлежит слава первого в истории иностранного врага испанской короны в водах Тихого океана. Он был родом из зажиточной девонширской семьи и командовал одним из судов Фрэнсиса Дрейка во время его экспедиции в Карибское море в 1572–1573 годах. В июле 1572 года Дрейк совершил набег на поселение Номбре-де-Диос – конечный пункт карибского серебряного пути вдоль Панамского перешейка. В начале следующего года Дрейк, сопровождаемый Оксенхамом, вернулся и пересек перешеек

приблизительно на расстоянии одной лиги от города Панама. По дороге пиратам улыбнулась удача, и они смогли захватить караван из мулов, груженный перуанским серебром, и именно после этого и Дрейк, и Оксенхам поставили себе целью совершать набеги на испанские поселения и грабить суда, крейсируя в девственных водах Южного моря. Об Оксенхаме нам известно очень немного, но из небольшого количества доступных источников следует, что он был талантливым и компетентным навигатором с большим воображением и храбростью, натурой необузданной и человеком, довольно сильно подверженным власти собственных эмоций.

По возвращении в Англию после панамского набега Оксенхам снарядил судно водоизмещением приблизительно в 140 тонн и vyplыл из Плимута в 1575 году с командой, состоящей из 70 взрослых матросов и юнг. К концу года они приплыли к северному побережью Панама, где Оксенхам возобновил свой предыдущий союз с маронами – беглыми негритянскими рабами, которые жили в джунглях и вели спорадические военные действия против испанцев. Пиратское судно было вытасчено на берег и укрыто в зарослях мангровых деревьев, а Оксенхам с командой и маронами через джунгли и горы пешком преодолели путь в 12 лиг к верховью реки, несущей свои воды в залив Сан-Мигель, в Тихом океане. Здесь они провели несколько недель, строя пинас – полубаркас с 45-футовым килем, вооруженный двумя маленьким орудиями, которые пираты буксировали за собой через джунгли. Они пустили свой пинас вниз по течению и, выйдя в Южное море, взяли курс на архипелаг Жемчужных (Королевских) островов, простиравшийся прямо вдоль морского пути в Панаму с юга.

После десяти дней, проведенных в засаде, Оксенхам захватил свой первый трофей – маленькое судно, идущее из Кито в Панаму с 60 тысячами песо в золоте и большим запасом продовольствия на борту. Шесть дней спустя пираты захватили второй барк – большое парусное судно, идущее из Перу, на котором находилось 100 тысяч песо в серебряных слитках. Испанцы не были вооружены, и можно представить себе их изумление при неожиданном появлении врага. Одним из пассажиров на борту захваченного барка была женщина, в которую, со слов сэра Ричарда Хокинса, Оксенхам сразу влюбился. Хокинс в своих воспоминаниях придавал слишком большое значение этому роману, считая его основным источником всех будущих неприятностей и злоключений Оксенхама. Чарльз Кингсли (1819–1875), английский священник и писатель-романист, опираясь на версию Хокинса, сочинил весьма романтический рассказ об этой любви пирата.

Совершив набег на поселения ловцов жемчуга на архипелаге и вернувшись на материк с трофеями, Оксенхам отпустил захваченные суда и освободил всех своих узников, кроме испанской леди, которая сама пожелала остаться вместе с ним. Это стоило ему дружбы с маронами, которым он ранее обещал передать всех испанских пленников, а слухи о его милосердии быстро дошли до властей Панама, тем самым известив о его присутствии. (По словам Барни и Мазефилда, Оксенхам ограбил негров – ловцов жемчуга, которые и поведали о нем в Панаме.)

Президент аудиенции Панама снарядил четыре галиота – быстроходные парусные галеры – с сотней солдат под командованием Хуана де Ортеги, который настиг флибустьера в заливе Сан-Мигель около устья той самой реки, по которой пираты прибыли туда. Сальвадор де Мадариага в своем произведении «Падение испанской американской империи» говорит, что испанцы при Педро-де-Ортеге настигли пиратов «во вторник на Страстной неделе 1577 года», – это единственная точная дата, связанная с экспедицией Оксенхама, которой мы обладаем. Однако Дж. Мазефилд утверждает, что эта стычка произошла годом ранее. К этому моменту в команде Оксенхама царил разлад. По всей видимости, Оксенхам успел рассориться не только с маронами, но и со своими людьми, которые были недовольны дележом награбленного. Во время отступления произошло несколько стычек с перестрелками, в результате которых была убита половина англичан. Остальные же вместе с Оксенхамом бежали в глубь страны, оставив награбленные сокровища, которые позднее были обнаружены испанцами.

Тем временем власти Номбре-де-Диос обнаружили судно Оксенхама, скрытое на северном побережье, и вскоре все пираты, кроме Оксенхама и нескольких человек, которых взяли в плен и увезли в Панаму, были убиты. Некоторые были приговорены к смертной казни, а Оксенхама и трех его офицеров увезли в Лиму и передали в руки инквизиции по обвинению в ереси. К октябрю 1580 года они все еще были живы, но вскоре их казнили. Этими офицерами были Томас Ксервэль², капитан судна; Джон Батлер, лоцман; и младший брат Батлера. Единственными оставшимися в живых после этой экспедиции были пять юношей – юнг, которых, вероятнее всего, продали в рабство в Лиме.

Фрэнсис Дрейк родился в Девоншире приблизительно в 1543 году. Много трудов было посвящено изучению документов, имеющих отношение к карьере Дрейка, и в особенности к экспедиции, совершенной им в 1577–1580 годах. Двумя изданными первоисточниками являются: «Мир, покоренный сэром Фрэнсисом Дрейком» (Лондон, 1628) и «Знаменитый вояж сэра Фрэнсиса Дрейка», являющийся частью книги Хаклита «Искусство мореплавания и навигацкое дело» (Лондон, 1589).

Большое количество документов из Центральной Америки относительно вояжа Дрейка перепечатано в труде Мануэля Мариа де Пералта «Коста-Рика, Никарагуа и Панама». Не имея никакого образования и будучи почти безграмотным, Дрейк еще мальчиком вышел в море, сопровождая своего кузена, Джона Хокинса, в нескольких торговых морских рейсах в Америку и другие места. Приблизительно в возрасте двадцати четырех лет он командовал своим первым судном, которое держало курс к Мексиканскому заливу, где он чудом избежал участи быть захваченным испанцами. К 1572 году, когда Дрейк предпринял успешный поход на Панамский перешеек, он, возможно, был самым квалифицированным навигатором своего времени и полностью оправдывал славу компетентного тактика в военно-морском деле. Будучи явным лидером, он окружал себя блеском великолепия и, что наиболее важно, его сильной стороной всегда была рассчитанная дерзость, неожиданность, мастерская импровизация в ходе сражений, чем он и впечатлял надменных противников Англии. Уже к началу кругосветного плавания его окружала слава неукротимого пирата, распространившаяся по всей испанской Америке. Порой было достаточно одного слуха о его приближении, чтобы деморализовать противника.

Дрейк покинул Англию 13 декабря 1577 года на четырех маленьких судах и пинасе. Было несколько противоречивых версий относительно цели его экспедиции и степени, до которой эту экспедицию финансировала королева Елизавета и ее двор. Вагнер в своем произведении «Вояж сэра Фрэнсиса Дрейка» предполагает, что ее главной целью было открытие торгового пути между Англией и Востоком.

Вторичной целью, возможно, было открытие пролива Аниан, который, как полагали в то время, соединял Тихий океан с Атлантикой где-то на севере Калифорнии. Наименее вероятными следует признать предположения, выдвинутые некоторыми писателями о планах или инструкциях, данных Дрейку о колонизации земель для английской короны. Очевидно, что основной целью, побудившей Дрейка предпринять свой вояж, была его неутолимая жажда к обогащению и стремление нанести как можно больший урон абсолютно незащищенному тихоокеанскому побережью испанской Америки. Дрейк, безусловно, имел некоторые полномочия от своей королевы, но, вероятнее всего, они никоим образом не выходили за рамки ординарной поддержки и не давали ему полномочий предпринимать или провоцировать открытые военные действия против Испании. Он был финансово поддержан компанией авантюристов, в которых королева Елизавета, по всей видимости, не была открыто заинтересована, так как Англия официально не находилась в состоянии войны с Испанией, но получала как политическую, так и финансовую выгоду от экспедиции Дрейка. Со слов Корбетта, королева инвестировала в вояж Дрейка 1000 фунтов стерлингов.

Первоначальная численность команды Дрейка составляла 164 человека вместе с

---

² Томас Харви?

юнгам, включая нескольких выходцев из аристократических семей. Команды в основном состояли из англичан, но также было много французов, шотландцев, басков, фламандцев, несколько негров и других моряков. Некоторые из них ранее проходили морскую службу на Тихом океане на испанских судах. Флагманский корабль Дрейка «Pelican» («Пеликан»), позже переименованный в «Golden Hind» («Золотую лань»), был приблизительно 70 футов длиной и грузоподъемностью 100–120 тонн. Судно имело один ряд орудийного порта, по семь с обеих сторон, и было вооружено двенадцатью чугунными и двумя медными пушками. В носовой его части также было несколько медных орудий. Команда была вооружена главным образом аркебузами. На борту также имелись большие луки и арбалеты, к этому добавим огромное количество боеприпасов и запас продовольствия, рассчитанный на очень длительный поход. Все это вкупе с командой, насчитывающей более девяноста человек, создавало благоприятные предпосылки для длительного плавания. Для поддержания и увеличения престижа Англии «Золотая лань» была богато меблирована и декорирована, особенно та ее часть, где находились покои Дрейка, а корабельные музыканты должны были услаждать слух команды в часы досуга, во время трапез и в особо торжественных случаях. Дисциплина на борту была достаточно жесткой, и даже незначительные провинности карались с особой строгостью, но при этом Фрэнсис Дрейк, бесспорно, оставался очень уважаемым и чрезвычайно популярным капитаном.

Дрейк не любил больших флотилий, и еще в водах Атлантики два корабля по его приказу были сожжены, а их экипажи распределены между остальными. Оставшиеся три судна относительно легко прошли почти неисследованный Магелланов пролив и вошли в тихоокеанские просторы ранним сентябрем 1578 года. Впервые после Оксенхама английские суда появились в акватории Южного моря. Однако вскоре они были застигнуты несколькими штормами, которые разрушили одно судно, дав капитану другого корабля уважительную причину для возвращения назад в Англию, оставив «Золотую лань» в гордом одиночестве продолжать свой путь на север вдоль побережья Чили.

Не встретив сопротивления, Дрейк захватил и разграбил порт Вальпараисо, а затем, 5 декабря, напал на небольшое испанское поселение. Далее он поспешил на север, по пути заходя в большинство портов от Кокимбо до Кальяо, и почти всюду, используя эффект неожиданности, захватывал испанцев врасплох. Самой богатой добычей в открытом море для Дрейка стало судно «Nuestra Senora de la Concepcion» («Нuestra Сеньора де ла Консепсьон»), прозванное «Cacafuego» («Какафуэго»), груженное большим количеством серебра, золота, жемчуга и различного рода драгоценными камнями, которое он захватил у Эквадора 1 марта 1579 года.

Вице-король Перу послал вдогонку за Дрейком эскадру, но ее командующий Луис де Толедо, находясь на пути домой в Испанию, очевидно, не испытывал большого желания догонять пиратов. Во всяком случае, он приказал своим судам следовать прямо к Панаме, где «преследование» и завершилось.

16 марта 1579 года «Золотая лань» и маленький полубаркас достигли острова Кано, представляющего собой необитаемую скалу у южных берегов Коста-Рики. Со стороны небольшого залива напротив острова (по всей вероятности, бухта Сиэрпэ) у входа в залив Никоя есть еще один остров Кано, но приведенные описания больше подходят к острову, находящемуся у пункта Сан-Педро.

Дрейк приказал вытащить «Золотую лань» на пустынный берег и заделать швы на ее корпусе. Тем временем пинас с тридцатью людьми стоял на страже позади острова Кано, и 20 марта в поле его зрения попало небольшое парусное судно, идущее с севера. Как выяснилось позже, это судно покинуло Сан-Педро-де-Пальмар, что в заливе Никоя, за три дня до этого и направлялось в Панаму с командой из тринадцати матросов и грузом кукурузы, меда, сарсапарели и древесины. Пинас Дрейка, пустив в ход весла и паруса, погнался за испанским судном для перехвата. Команда, размахивающая аркебузами и стреляющая при этом в воздух, изумила врага требованиями о сдаче. Сначала испанцы не знали, как реагировать на это требование, но, когда пираты поразили двух членов их

команды из аркебузов, они быстро сдались и были взяты на abordаж. Это единственный зарегистрированный случаи, когда испанцы были ранены людьми Дрейка во время североамериканского маршрута его набега, если, конечно, не считать того, что они заставили лоцмана манильского галеона нырять в воду с борта своего судна. Люди из команды Дрейка клялись, что ни один испанец не был убит на протяжении всего похода.

Трофейное судно, доставленное в залив, было осмотрено Дрейком, который очень вежливо обращался с пленниками и был особенно рад, узнав, что среди узников находятся два штурмана манильских галеонов, Алонсо Санчес Кольчиро и Мартин де Агиерра, которые находились на борту в качестве пассажиров. Среди их багажа были навигационные карты и лоции к маршруту Акапулько–Манила, которые тут же с нетерпением конфисковал Дрейк. Испанцы были очень напуганы тем, что один из пиратов разбил распятие их судна и сбросил его в море.

Далее Дрейк, с целью разгрузить «Золотую лань» и в то же самое время облегчить ее на время ремонтных работ на ней, перенес все вооружение и часть груза вместе с балластом на борт трофейного судна. Последнее, должно быть, было очень крепким небольшим судном, поскольку Дрейк держал его у себя в течение четырех месяцев. Пираты продолжали затыкать паклей и заливать смолой швы своего судна, а также пополнять запасы воды, древесины и рыбы. 25 марта орудия были вновь установлены на борт корабля Дрейка, и «Золотая лань» с трофейным судном на буксире покинула остров Кано. Пленникам, за исключением пожилого лоцмана Санчеса Кольчиро, был передан пинас Дрейка, на котором они отправились обратно к заливу Никоя.

Слухи о присутствии Дрейка медленно распространялись по побережью. Освобожденные пленники достигли Эспарзы 29 марта. Каботажное судно, которое прибыло в порт Реалейя из Эспарзы 6 апреля, принесло туда весть о злоключениях подвергшихся нападению испанцев. Один из чиновников аудиенции Гватемалы, в это время случайно находившийся в Реалейе, взял на себя полномочия по защите территории. У входа в порт был сооружен бруствер и подготовлены бревна, для того чтобы в нужный момент заблокировать доступ судам к городу и верфи, самой стратегически важной точке на западном побережье Центральной Америки. В то же время сообщение о непосредственной близости Дрейка было переслано с судном в Акахутлу, а оттуда уже в Гватемалу, Гуатулько, Акапулько и Мехико. 14 апреля президент аудиенции Гватемалы Лесенсиадо Вельверде писал, что он снаряжает флот из трех судов с экипажем в 200 человек для поимки Дрейка, и с этой же целью отдал приказ о переплавке всех церковных колоколов Гватемалы на пушки. Он надеялся захватить Дрейка по его возвращении с юга.

Но враг оказался проворнее испанских посольных. В то время как Реалейя готовилась к нападению, Дрейк, не сумевший убедить лоцмана Санчеса Кольчиро ввести судно в гавань, уже прошел мимо нее. В наказание за неповиновение старого лоцмана сбросили с нок-реи «Золотой лани», заставив его искупаться в водах Южного моря. Санчес Кольчиро также отказался от 1000 дукатов, которые Дрейк предложил заплатить ему, если бы тот продолжил служить лоцманом на его, Дрейка, судне. Следующим деянием Дрейка был захват другого испанского судна с приблизительной грузоподъемностью 60 тонн, направляющегося из Акапулько в Перу с грузом китайских товаров. Два судна почти столкнулись друг с другом на рассвете 4 апреля в двух лигах севернее Акахутлы. Приняв «Золотую лань» за испанское судно, экипаж довольно грубо поприветствовал «земляков», на что Дрейк, вежливо ответив по-испански, тут же выслал abordажную команду, которая, не встретив сопротивления, быстро захватила их. За исключением нескольких человек, вся команда, включая владельца судна, богатого торговца и испанского гранда по имени Франсиско де Зарате, еще спала. Команду грубо разбудили, отобрали рапиры и ключи и закрыли в трюме их собственного судна. Зарате препроводили на «Золотую лань», где он предстал перед Дрейком, разгуливающим по палубе.

Дрейк вел себя весьма учтиво, даже радушно, и, пригласив своего высородного пленника в богато обставленную каюту, продолжал расспрашивать «гостя» о его грузе. Как

оказалось, золота и серебра было совсем немного, корабль вез шелка, одежду из хлопка, фарфоровую посуду, а также великолепного золотого сокола с большим изумрудом, украшавшим его грудь. Зарате был весьма впечатлен изысканными манерами и поведением своего пленителя, так же как и богатым убранством его каюты, но больше всего его поразила дисциплина и то уважение, с которым команда относилась к Дрейку. Комментируя поведение команды Дрейка относительно несколько преувеличенного уважения, оказываемого капитану (например, они «не селились или не носили шляп в присутствии Дрейка, если последний не приказывал им сделать это, порой даже несколько раз»), Зарате, подвергая этот факт сомнению, одновременно допускает, что пираты могли это делать напоказ, дабы произвести должное впечатление на испанцев. Тем же вечером Дрейк еще больше поразила Зарате, пригласив его отужинать в свою каюту в обществе Санчеса Кольчиро, полностью оправившегося после купания. Великолепные кушанья были поданы на изысканной английской посуде, а слух трапезников ублажали искусные музыканты.

«Золотая лань» тащила на буксире судно Зарате в течение двух дней и ночей. Этого времени вполне хватило команде Дрейка, чтобы перетащить весь груз, представлявший для нее интерес, на борт своего судна. Видя, как содрогается сердце Зарате при расставании с золотым соколом и многими другими вещами, Дрейк приносил вежливые извинения, объясняя свои поступки исключительно желанием привезти домой сувениры для любимой жены. Взамен он подарил Зарате изогнутый кинжал и серебряное блюдо. Утром 6 апреля Зарате было возвращено его судно, а экипажу и пассажирам в виде компенсации за причиненные неудобства была выдана горсть серебряных монет. Дрейк, оставив у себя лоцмана с судна Зарате, чтобы тот вел «Золотую лань» в Гуатулько, на этот раз отпустил и Санчеса Кольчиро. По некоторым данным, Дрейк удерживал у себя на судне негритянскую распутную девку по имени Мария, у которой позже родился ребенок то ли от капитана, то ли от пиратов и которая впоследствии была высажена на маленький остров. Затем Зарате был отпущен и благополучно добрался до порта Реалейя 15 апреля, а «Золотая лань», все еще сопровождаемая маленьким трофейным судном, захваченным около острова Кано, продолжила свой путь в северо-западном направлении вдоль залива Теуантепек.

В десять часов утра 13 апреля 1579 года (в понедельник Страстной недели) два судна Дрейка вошли в маленький порт Гуатулько. К 1579 году стратегическое значение некогда процветающего конечного пункта морского торгового пути между Мексикой и Перу – порта Гуатулько – начал затмевать порт Акапулько, и, будучи на грани упадка, первый переживал далеко не лучшие дни в своей истории. Во всяком случае, период с апреля по июнь был мертвым сезоном для перуанской торговли из-за неблагоприятных ветров. По прибытии Дрейка в порту на якоре стояло всего одно судно грузоподъемностью около ста тонн. При этом в порту было совсем немного испанцев, 400–500 индейцев, несколько соломенных хижин, пустых складов и никаких фортификационных сооружений. Кроме того, вести о том, что Дрейк бороздит окрестные воды Тихого океана, еще не достигли Гуатулько.

Алькальд-мэр Гаспар де Варгас, увидев «Золотую лань», сначала подумал, что «это корабль из Перу, которого я ждал», а трофейный пинас Дрейка принял за судно местных добытчиков жемчуга. Однако итальянский моряк, стоявший на берегу, сказал, что прибывшие больше похожи на англичан. Услышав это, испанцы вооружились и собрали нескольких индейцев для возможной стычки. Как только Дрейк бросил якорь, он спустил на воду баркас с 25 матросами, вооруженными аркебузами, мечами и щитами. Трофейный пинас следовал позади баркаса и стрелял из перьер. Увидев, что сопротивление бесполезно, Варгас быстро ретировался в ближайший лес на окраине города, оставив только священника и двух испанцев, которые вскоре стали пленниками пиратов. Затем Дрейк сошел на берег в сопровождении большого количества пиратов, которые начали грабить город. На этот раз добыча была небогатой, она составила несколько тысяч песо в золоте и серебре, немного драгоценностей. Пираты обнаружили также одежду, провиант и бочонки с водой, в которой они очень нуждались. Позже один из испанских чиновников жаловался, что англичане «вывезли из Гуатулько все найденные индейские женские блузы»! В типичной для того

времени манере пираты осквернили небольшую церковь, разбив все изображения распятия и прихватив с собой церковные ризы, украшения и даже колокола. Испанское судно, стоявшее на якоре, тоже было захвачено, тщательно обыскано, а бушприт и топсели отрезаны.

В тот же вечер Дрейк на борту «Золотой лани» позаботился о поднятии престижа Англии в глазах жителей испанской колонии. Сначала своих пленников, включая священника, он принудил присутствовать на протестантском богослужении, которое вел он сам, а его компания вместе с оркестром со вкусом и удовольствием распевала псалмы. Затем, по окончании богослужения, был дан торжественный обед, на котором для гостей танцевал юнга. Дрейк навязал пленникам беседу (он прекрасно говорил по-испански), сообщив им о цели своего вояжа: причинить королю Филиппу и вице-королю Новой Испании как можно больший урон. Дрейк не упускал ни малейшей возможности передать угрозы и оскорбления в адрес вице-королей Перу и Новой Испании. Зарате исполнил пожелание Дрейка, покорно передав все сказанное по назначению. Далее Дрейк сказал, что будет преследовать и наказывать испанцев до тех пор, пока не вернет те 2 миллиона песет, которые были отобраны у его кузена Джона Хокинса в Вера-Круз в 1568 году (в той злополучной экспедиции Дрейк командовал одним из судов). После этого пространного излияния пленники были препровождены в роскошную каюту и посажены под замок.

Следующим утром все были отпущены на берег, а Дрейк, вняв их мольбам, снабдил их небольшим количеством провизии. Вечером 15 апреля группа уполномоченных испанцев, одним из которых был комендант Гуатулько Бернардино Лопес, нанесли визит вежливости на «Золотую лань», позаботившись о том, чтобы прибыть после обеда, дабы не осквернить свой церковный пост поеданием еретической говядины. Они приятно провели время в компании Дрейка и ближе к ночи спустились на берег.

Поздно вечером в четверг 16 апреля 1579 года, в день омовения ног беднякам на Страстной неделе, два судна Дрейка снялись с якоря и покинули порт Гуатулько. Перед выходом из порта от «Золотой лани» по направлению к испанскому кораблю отплыла лодка и высадила на нем португальского лоцмана Нуньё да Силву, которого Дрейк подобрал на островах Зеленого Мыса и который хорошо служил ему в качестве навигатора. Но, попав к испанцам, он был немедленно схвачен и передан инквизиции как пират и еретик. Инквизиция обошлась с ним достаточно сурово, и да Силва, затаив обиду, несколько лет спустя, снарядив свою собственную пиратскую экспедицию в Америку, отомстил испанцам.

Согласно свидетельским показаниям да Силвы, к тому времени, когда Дрейк покидал порт Гуатулько, в его команде насчитывалось 80 взрослых мужчин и 8 подростков. Это означало, что, с того времени как Дрейк вошел в акваторию Тихого океана, он потерял лишь одного или двух членов команды. Из этого можно сделать вывод, что Дрейк знал об опасности поражения команды цингой и предпринял необходимые шаги для предотвращения этой опасности.

В день, когда Дрейк прибыл в Гуатулько, алькальд-мэр города отправил депеши в Мехико и Акапулько, и вскоре все вице-королевство было охвачено суетным беспокойством. Войска наводнили Акапулько, Гуатулько, Гватемалу и даже Вера-Круз на Атлантике. Один из выживших заключенных экспедиции Хокинса, Майлс Филипс, сопровождал две сотни солдат, направленных в Акапулько, где они были погружены на 60-тонное судно и два пинасы и направлены вдоль побережья к югу до самой Гватемалы. В пути большинство солдат сильно страдало от морской болезни, поэтому было принято решение высадить их в порту Гуатулько, с тем чтобы они вернулись по суше в Акапулько. Президент аудиенции Гватемалы Вельверде также оборудовал и укомплектовал флот, который он послал на север преследовать пиратов. А ежегодный манильский галеон вот уже несколько месяцев как находился в плавании и не смог бы возвратиться в Акапулько до ноября. Это было хорошо известно Дрейку, а так как порт Акапулько в то время не имел никаких фортификационных сооружений, слухи о близком нахождении и намерениях пиратов вызвали настоящую панику в Новой Испании. Все были уверены, что целая эскадра вражеских кораблей курсирует в опасной близости.

Тем временем Дрейк спрятал пушки в трюм и направил «Золотую лань» далеко в простор Тихого океана. Удалившись от Гуатулько приблизительно на 500 лиг в юго-западном направлении, он поймал северный ветер и продолжил путь к Верхней Калифорнии. Его желанием было как можно скорее пересечь Тихий океан, направляя при этом свое судно к Молуккским островам, но сезон благоприятных западных ветров для совершения такого круиза к тому времени уже прошел. Кроме того, «Золотая лань» была далеко не в лучшем состоянии и снова нуждалась в кренговании.

3 июня 1579 года погода внезапно испортилась, резко похолодало, и оснастка судна замерзла под морозящим дождем. Со слов Вагнера, самым северным пунктом, до которого доплыл Дрейк, была 40-я параллель северной широты приблизительно в двухстах милях к западу от мыса Мендосино. Тогда два судна направились в сторону берега и бросили якорь в незащищенном заливе, в котором шквалистые ветры и туман чередовались друг с другом. Вершины гор, видневшиеся вдаль, были покрыты снегом. Наконец, 17 июня они нашли пристанище то ли в заливе, который на сегодняшний день носит имя Дрейка, то ли, согласно более правдоподобной версии, внутри самого залива Сан-Франциско. Информация об активности Дрейка в Калифорнии слишком объемна, чтобы быть полностью приведенной на страницах этой книги. Дрейк со своей командой провели там более месяца, в течение которого они капитально отремонтировали «Золотую лань» и установили дружественные отношения с местными жителями. Индейцы, короновав Дрейка, предложили ему верховную власть. Воспользовавшись удобным случаем, Дрейк присоединил всю эту территорию к английским владениям королевы Елизаветы и назвал ее Новым Альбионом.

23 июля 1579 года «Золотая лань» покинула калифорнийское пристанище и вскоре пристала к скалистым островам (возможно, это были Фаралонские острова), где команда, чтобы пополнить продовольственные запасы, устроила охоту на тюленей и птиц. Наконец, 25 июля «Золотая лань», оставив позади трофейный баркас, продолжила свой путь по Тихому океану в юго-западном направлении. Удача сопутствовала Дрейку. Ловко используя попутные ветры, он достиг Каролинских островов уже 13 октября. В Ост-Индии он установил хорошие торговые отношения, и 26 сентября 1580 года «Золотая лань», трюмы которой были доверху забиты испанским серебром и золотом, вошла в плимутскую гавань.

Впоследствии Дрейк, который сыграл важнейшую роль в разгроме испанской Непобедимой армады, своей королевой был посвящен в рыцари. Неутомимый мореход скончался от лихорадки во время очередного плавания к берегам Нового Света на борту своего корабля в Карибском море в 1596 году.

Набеги Дрейка заставили испанцев предпринять определенные шаги для защиты своих портов и судоходства на Тихом океане, которые до его появления считались излишними. В то время как «Золотая лань» шла на всех парусах домой через Восток, возможность такой траектории никоим образом не рассматривалась всерьез правителями испанской Америки. Вице-король Перу направил Педро Сармьенто де Гамбоа на юг, к Магелланову проливу, чтобы тот перехватил неуловимого корсара на его обратном пути, а также выстроил фортификационные сооружения, дабы лишить других пиратов возможности входить в Тихий океан этим путем. К тому времени испанцы еще не знали о существовании альтернативного прохода вокруг мыса Горн несколькими милями южнее, и Сармьенто действительно в 1584 году укрепил пролив, хотя небольшая колония, основанная им, была почти уничтожена голодом и покинута всеми оставшимися жителями четыре года спустя. Другой головной болью испанских властей была защита судов, которые везли огромные количества серебряных слитков из Перу в Панаму для дальнейшей транспортировки в Испанию. Было решено конвоировать такие суда одним или двумя хорошо вооруженными кораблями эскорта. Когда эта система конвоя прижилась и укрепилась, она очень эффективно предотвращала повторение инцидентов, подобных тому, что произошел с «Casafuego». В дополнение к этому для защиты транспортировки серебра в городе Панама было установлено много пушек, направленных в сторону моря.

Однако к северу от Панамы для укрепления портов и защиты ценных грузов и серебра,

которые перевозились морским путем из Перу в Мексику, не было сделано ничего. Еще более удивительно то, что манильские галеоны оставались полностью без защиты.

Начавшись в 1573 году, торговля, которую вела Новая Испания с азиатскими странами через воды Тихого океана, активно развивалась. К 1586 году общая стоимость серебра, вывозимого из Акапулько на судах, направляющихся в Китай, составляла более 1 миллиона песо, а десять лет спустя стоимость ежегодного количества вывозимого серебра достигла 12 миллионов песо. Большая часть этого серебра шла из Перу, несмотря на неоднократные указы короля Испании, запрещающие продажу китайских товаров в этом королевстве. Можно понять, почему вице-короли не решались открыто обеспечивать королевской защитой суда с контрабандным товаром, курсирующие между Перу и Мексикой, но удивительно то, что спустя восемь лет после налетов Дрейка не было предпринято никаких шагов для защиты королевских галеонов, а также на протяжении всего западного побережья Мексики не было установлено ни одного орудия. Велось много разговоров о возведении фортификационных сооружений в Акапулько, но реально не было сделано ничего. В начале 1587 года в письме к королю вице-король Новой Испании благодарит его за известие о приближении английских военных судов к акватории Тихого океана и заверяет, что обороноспособность его королевства находится в хорошем состоянии. Более того, он отмечает, что на западном побережье Новой Испании нет ничего, что могло бы привлечь пиратов, так как он запретил кому бы то ни было селиться там! Подобная недалекость привела к тому, что манильские галеоны оставались уязвимыми. На этих судах, идущих в западном направлении, обычно было несколько солдат, следующих на Филиппины, а иногда даже несколько орудий. Но на обратном пути в Акапулько каждый дюйм палубы огромного судна был забит связками и тюками ценного груза, и для артиллерийских орудий просто не оставалось места. Учитывая тот факт, что галеоны всегда следовали одним и тем же маршрутом, пролегающим вдоль калифорнийского побережья, без сопровождения и без оружия на борту, трудно оправдать ту беспечность и спокойствие, которую демонстрировал вице-король. Тем более, что англичане знали об этом и даже имели карты и лоции китайского маршрута (факт, который был хорошо известен испанцам).

Однако нужно помнить, что в сфере его деятельности также входило обеспечение безопасности в Мексиканском заливе и Карибском море, где пиратство было гораздо большей проблемой, чем в районе Тихого океана. Фернандес Дуро в своей книге «Испанская армада» утверждает, что отсутствие в те времена каких бы то ни было защитных средств в акватории и на побережье Тихого океана было ошибкой не вице-короля, а самого короля Испании, который не желал тратить денег на укрепления и фортификационные сооружения, а также на содержание и обслуживание флота береговой охраны, так как считал иностранные пиратские вторжения в этих местах лишь временным злом.

С 1585 года Испания находилась в состоянии войны с Англией. Удачно балансируя на грани патриотизма и личного интереса, две группы авантюристов, воодушевленные феноменальным успехом Дрейка, в начале 1585 года решили последовать его примеру. Джордж Клиффорд, граф Камберлендский, снарядил два судна с командой в 200 человек, которыми командовали Роберт Витрингтон и Кристофер Листер, к ним впоследствии присоединилось еще два судна. Одно из них принадлежало сэру Уолтеру Рали. Вторая, и единственная, экспедиция, достигшая Тихого океана, была снаряжена и находилась под командованием Томаса Кавендиша (или Кендиша, как часто произносили его фамилию), молодого джентльмена, родившегося в Суффолкском графстве в 1560 году. Кавендиш был весельчаком и задирой при дворе королевы Елизаветы, жил не по средствам и решил стать капером, чтобы восстановить свое растроченное состояние. Несмотря на нежное дворянское воспитание, Кавендиш, в отличие от простолюдина Дрейка, был жесток к своим противникам. Он был компетентным навигатором и гидрографом. Его навыки в военноморском деле трудно переоценить, вряд ли можно было бы найти противника, равного ему. К началу экспедиции ему было лишь двадцать шесть, но за плечами у него был определенный опыт в навигационном деле, приобретенный во время колониционного

вояжа в Америку в 1583–1585 годах.

Кавендиш покинул плимутскую гавань 31 июля 1586 года³ на трех судах с командой в составе 123 человек, некоторые из которых были с Дрейком во время его кругосветной экспедиции. Флагманский корабль Кавендиша «Desire» («Вожеление») грузоподъемностью в 120 тонн был хорошо вооружен, имея на борту 29 медных и чугунных орудий и два перьяра, вероятно расположенные в носовой части. Второе судно, «Content» («Смысл жизни»), имело грузоподъемность только 60 тонн. Кроме того, в составе экспедиции был еще барк «Hugh Gallant» («Доблестный Хью»), впоследствии специально затопленный недалеко от берегов Эквадора из-за уменьшения численности команды. Цель экспедиции Кавендиша была очень простой: разорять порты, нападать на суда и грабить противника. Кроме того, получение дополнительной информации гидрографического характера и содействие торговым отношениям с Ост-Индией также были целями его экспедиции.

Многие члены команды Кавендиша погибли во время вспышки цинги недалеко от берегов Африки, а во время трудного перехода через Магелланов пролив вся команда страдала от недостатка продовольствия. Они вошли в воды Тихого океана 6 марта 1587 года, по пути совершая набеги на побережья Чили и Перу, но добыча была весьма скудной. Центральная Америка предстала перед их взором 11 июля. К тому моменту команда Кавендиша на обоих судах насчитывала около ста взрослых членов команды и юнг: шестьдесят – на «Desire» и сорок – на «Content».

Тем временем в конце мая вице-король Перу отправил в Панаму и Мексику срочные сообщения о том, что Кавендиш плывет на север. Президент Панамы снарядил два судна и послал своего сына, Кристобалья де Мендоса, вдогонку врагу, но последний опережал его почти на две недели. Вице-король Новой Испании получил письмо из Перу в середине октября, но к тому времени англичане уже успели напасть на его беззащитное королевство.

19 июля Кавендиш подошел к 120-тонному испанскому кораблю вблизи порта Акахутла и без особых трудностей захватил его. На этот раз пираты не могли похвастать богатой добычей, но на судне англичане пленили одного из штурманов манильских галеонов, француза, которого называли Мигель Санчес. Будучи подвергнут пытке, Санчес сообщил Кавендишу, что в этом году ожидается прибытие двух галеонов с Востока. Со слов Санчеса, галеоны никак не могли достигнуть берегов Новой Испании до ноября, что означало, что у англичан было вполне достаточно времени, чтобы выбрать удобное место и выжидать добычу. Едва Кавендиш уничтожил свое первое трофейное судно, предав его огню, как 20 июля пираты заметили на горизонте другой корабль, который также с легкостью захватили. Судно, большинство членов команды которого сбежали на берег, недавно покинуло порт Акахутла и держало курс на север, с тем чтобы распространить вест о приближении пиратов. В отличие от Дрейка, который просто отпускал трофейные корабли, Кавендиш сжигал их, и участь последнего не явилась исключением.

Будучи абсолютно уверенным в том, что вест о его приближении еще не достигла берегов Мексики, Кавендиш решил последовать примеру Дрейка и совершить набег на незащищенный порт Гуатулько. 5 августа английская эскадра бросила якорь в устье реки Копалита и снарядила пинас с 30 людьми, который на рассвете следующего дня должен был войти в Гуатулько. Хотя торгово-стратегическая значимость порта со дня посещения его Дрейком продолжала снижаться, в нем все еще проживало несколько сотен жителей и имелась небольшая сеть торговли. Помимо этого, он использовался как склад для китайских товаров, привезенных из Акапулько и незаконно переправляемых в Перу. Незадолго до прибытия Кавендиша два перуанских судна заходили в него и произвели обмен крупной партии китайского товара на серебро. Хуан де Ренхифо, новый алькальд-мэр, очевидно,

---

³ Григорианский календарь был принят Испанией в 1582 году, в Англии его приняли 170 лет спустя. Следовательно, между английским и испанским исчислениями имеется разница в десять (до 1700 года) или одиннадцать (после 1700 года) дней. Для удобства и слаженности повествования все дальнейшие даты будут приводиться согласно григорианскому календарю.

нагрел руки на этой контрабандной сделке и был обрадован, заметив еще одно судно, входящее в залив. Единственным судном, стоящим в порту в это время, был 50-тонный барк из Акахутлы, груженный какао.

Первым делом каперы захватили барк с какао, стоящий на якоре. А затем, стреляя в воздух из мушкетов и аркебуз, высадились на берег и с легкостью взяли город. В то время как большинство жителей убежали в окрестные леса, Ренхифо попал в плен. Добыча оказалась весьма скудной. Летописец Кавендиша сообщает, что в городе было около ста хижин, плетенных из соломы, церковь и большой таможенный склад, заполненный какао и индиго. Корсары предали огню город и осквернили церковь.

На следующий день, 7 августа, два судна Кавендиша вошли в порт, и вся команда высадилась на берег. Взяв с собой 30 человек, Кавендиш направился разорять и сжигать сельские поселения в радиусе нескольких миль. Перед тем как покинуть Гуатулько, англичане сожгли барк с какао и попытались уничтожить большой деревянный крест, стоявший на берегу. Согласно данным испанских историков, «Санта-Круз» чудом остался цел и невредим после того, как пираты набросились на него с факелами, топорами и пилами, а затем попытались вырвать его с помощью своего флагманского корабля и веревки.

В наши дни довольно трудно провести черту между реальностью и легендой в вопросе о судьбе креста «Санта-Круз». Претти вовсе не упоминает об этом инциденте. История подробно изложена Франсиско де Бургоа, который утверждает, что видел «*expedientes*», в своем количестве превышающие две тысячи инфолио (формат 1/2 листа), составленные приблизительно в 1610 году по просьбе епископа Оахаки и содержащие свидетельства людей, которые находились в Гуатулько во время нападения Кавендиша. Инцидент также подробно описан в повествовании Хуана де Торквемады («*Monarchia Indiana*»).

Как предполагается, крест был привезен и установлен в Гуатулько задолго до конкисты. После того как он чудом уцелел после надругательств пиратов-«еретиков», его почти полностью разобрали по частям охотники за сувенирами, после чего в 1612-м или 1613 году епископ приказал перевезти его в Оахаку. Позднее из дерева были сделаны кресты меньшего размера, одному из них, который находится в часовне собора Оахаки, и по сей день поклоняются прихожане. Этому кресту приписывается множество чудес. Как предполагалось, он помогал и был особенно эффективен при лечении патологий беременности и дефектов речи. История варварского надругательства над крестом повторялась и изменялась впоследствии многими авторами, некоторые из них даже путали Кавендиша с Дрейком и другими пиратами.

12 августа Кавендиш покинул разоренный порт и, продвигаясь вдоль западного побережья, миновал Акапулько. Этот город не представлял большого интереса для пиратов, и к тому же мог быть хорошо защищен. На самом деле Кавендиш, возможно, смог бы взять Акапулько, который к тому времени все еще оставался почти без защитников и каких-либо фортификационных сооружений. Весть о приближении англичан достигла Мехико только к середине августа, и лишь тогда вице-король предпринял некоторые шаги для защиты западного побережья. Он послал предупреждения в Гвадалахару и другие города, ввел вооруженные отряды в Оахаку и Акапулько. В начале октября мексиканская эскадра, охотившаяся на пиратов, во главе с генералом Кристобалем де Мендосой, который слыл «юнцом без какого бы то ни было опыта», наконец достигла вышеупомянутого порта. Два мексиканских судна были готовы присоединиться к ней и следовать на север вдогонку Кавендишу, но Мендоса столько мешкал и откладывал начало погони, что вице-король назначил руководить экспедицией своего собственного генерала, Диего Гарсия де Паласио, возглавлявшего аудиенцию Мексики, в результате чего началась глупая ссора между двумя испанскими генералами. Мендоса отказался сдать свои полномочия, угрожая оставить Акапулько без продовольствия. При этом он запретил Гарсия следовать за ним, желая единолично захватить пиратов, после чего покинул порт и, выбрав неправильное направление, взял курс назад, к Панаме. Днем позже Гарсия покинул Акапулько на своих двух судах и направился на северо-запад в надежде нагнать пиратов, но встречный ветер

заставил его через неделю вернуться обратно.

Сделав еще несколько попыток, он так и не смог преодолеть более 90 миль.

Тем временем Кавендиш продолжал свои опустошительные набеги, продвинувшись далеко на север. 3 сентября он послал пинас с 30 матросами в порт Навидад, следуя за ним на расстоянии нескольких часов. Навидад в то время был центром жемчужной монополии, простирающейся до Калифорнии, а также там была судостроительная верфь с небольшим поселением на берегу. Одно из суден, занимающихся жемчужным промыслом, недавно покинуло верфь и отплыло к северу, что было вполне своевременно, но на верфи оставались еще два судна грузоподъемностью приблизительно в 150 тонн каждое, которые Кавендиш уничтожил. Они принадлежали Хуану Тоскано и Антонио дель Кастильо и уже были почти готовы к спуску на воду. У входа в лагуну англичане подожгли несколько хижин, а также захватили посыльного, который вез письмо вице-королю с предупреждением о приближении пиратов. Согласно одному из документов аудиенции Гвадалахары, датированному 23 сентября 1587 года, он предписывал Луису де Карваялю с отрядом солдат направиться в Навидад, но к тому времени, когда тот прибыл туда, Кавендиш уже успел покинуть эти места.

Два дня спустя, 5 сентября, Кавендиш снялся с якоря и направился на юг к безлюдным заливам Сантьяго и Салагуа. Оставаясь там в течение недели, команда пополняла запасы воды, а затем развлекалась, плавая, ловя рыбу и ныряя за жемчугом. 13-го числа пираты взяли курс на север к заливу Малакка (по всей видимости, этот залив ныне известен как залив Тенакакита), что в одной лиге к западу от Навидада. Здесь Кавендиш, взяв 30 человек, высадился на берег и направился к деревне Акатлан, где они осквернили церковь и сожгли большинство домов местных жителей. Покинув Малакку 14 сентября, оба судна через четыре дня бросили якорь в бухте Чакала, где высадились на берег двумя группами. Одна из них обнаружила две лачуги на берегу, а другая потратила весь день, напрасно прочесывая всю окрестность в поисках провизии, в которой они очень нуждались. В конце концов они захватили несколько пленных из числа местных жителей в надежде обменять их на продовольствие. Жены несчастных доставили продукты на берег, но два пленника все же были увезены Кавендишем 20 сентября, в день, когда он покинул Чакалу.

В целях пополнения запасов продовольствия пираты сделали пятидневный привал на острове Святого Эндрю (вероятно, один из островов архипелага Лас-Трес-Мариас), где они поймали несколько игуан и птиц. 4 октября англичане с тем же намерением бросили якорь в безлюдной гавани Масатлан, где, главным образом, ловили рыбу. Обнаружив, что оба судна нуждаются в ремонте, Кавендиш взял курс на север к одному из островов вблизи гавани Масатлан. В течение двенадцати дней, проведенных там, пираты кренговали и чинили два своих судна, а пинас подвергли капитальному ремонту. Один из пленников бежал, проплыв приблизительно одну милю до материка, в то время как другой помогал пиратам в поисках воды, показывая им, где нужно копать землю, чтобы добыть воду. В какой-то момент англичане увидели отряд численностью приблизительно в 30 или 40 всадников, появившийся на противоположном берегу. Они, вероятно, были из форта Масатлан, незадолго до этого построенного в 14 милях от берега.

19 октября небольшой флот покинул свое пристанище и через пять дней пересек Калифорнийский залив, направляясь к мысу Сан-Лукас, что на самом юге Нижней Калифорнии, где Кавендиш решил ждать манильские галеоны. Они бросили якорь в небольшом заливе позади мыса, где нашли пресноводную реку, кишашую рыбой, древесину, а также много зайцев и кроликов. Одно из судов было предусмотрительно оставлено нести яхту вдоль мыса, а часовые дежурили на холмах, откуда хорошо просматривались просторы Тихого океана. Некоторые авторы выдвигали предположения, что залив, называемый Кавендишем Агуада-Сегера, на самом деле был заливом Сан-Хосе-дель-Кабо, а не заливом Сан-Лукас, но, судя по словам одного из ловцов жемчуга, посетившего и описавшего его в 1632 году, можно смело сделать вывод, что это был залив Сан-Лукас (Эстебан Карбонэль, магистр естественных наук, говорит, что там, на берегу, были найдены черепки фарфоровой

посуды, оставленные после визита» английских корсаров).

В 1587 году два галеона, шедшие из Филиппин в Акапулько, пересекли Тихий океан, это были «Nuestra Senora de Esperanza» («Нуэстра Сеньора де Эсперанса») и «Santa Ana» («Санта Ана»). Лоцману первого из этих судов – Педро де Унамуно – было поручено произвести исследования в северной части Тихого океана, с тем чтобы найти легендарные острова Рика-де-Оро, Рика-де-Плата Исла-дель-Арменьо. Он пристал у берегов Верхней Калифорнии, высадился там, совершил экспедицию в глубь материка, а затем, в начале ноября, продолжил плавание вдоль побережья в южном направлении, огибая мыс Сан-Лукас. Очевидно, он плыл слишком далеко от берега, чтобы быть замеченным часовыми, выставленными Кавендишем. 12 ноября Унамуно достиг залива Бандерас, где встретил баркас. Он шел из Навидада и должен был пересечь залив и предупредить галеоны об опасности встречи с пиратами. Однако баркас не сумел преодолеть залив.

Второй галеон, «Santa Ana», построенный в порту Реалейя, успел совершить только один рейс на Восток. Будучи очень громоздким, медлительным и маломаневренным, этот 700-тонный галеон в этом фатальном для него рейсе не имел никакого вооружения, кроме нескольких ржавых мушкетов и аркебуз. Кроме того, его палубы были настолько переполнены товаром, что едва хватало места для команды и пассажиров, числом более 300 человек. Командовал галеоном Томас де Альзола, а среди торговцев на борту находился будущий генерал и исследователь Себастьян Визкэйно.

Вечером 14 ноября 1587 года, спустя более чем четыре месяца после выхода из Манилы, «Santa Ana» медленно следовала мимо мыса Сан-Лукас.⁴ Ее дозорный заметил на горизонте два парусных судна, но Альзола принял их за испанские шхуны, занимающиеся жемчужным промыслом. Однако на следующее утро, когда испанцам представилась возможность отчетливо увидеть два корабля и пинас Кавендиша, они сразу признали в них врагов. Видя, что англичане на всех парусах несутся на его галеон, Альзола собрал всю команду, пассажиров, раздал им оружие и все, что могло таковым послужить (мушкеты, аркебузы, мечи, копья и камни), и закрепил за каждым импровизированный пост. После нескольких часов преследования «Desire» смог подойти к галеону на близкое расстояние и открыло по нему огонь из всех орудий. Затем, зацепившись за середину правого борта абордажными крюками, около сорока пиратов, несмотря на град камней, сыпавшихся на них с более высокой палубы «Santa Ana», сумели пробиться на ее борт. На судне завязалась рукопашная схватка, во время которой Альзола застрелил одного из офицеров Кавендиша, вскарабкавшегося на основную мачту и пытавшегося перерубить оснастку и такелаж. Потеряв двоих людей убитыми и нескольких ранеными в ходе ожесточенного сражения, англичане были вынуждены временно отступить.

«Desire» отплыл, чтобы перезарядить свои орудия, и, развернувшись, флагман снова пошел в атаку. На этот раз пираты не предпринимали попыток взять жертву на абордаж. Они просто подошли к галеону и произвели одновременный залп из всех орудий борта, а так как расстояние до жертвы было небольшим, повреждения оказались весьма значительными. Много испанцев было убито и покалечено. В третий раз «Desire» подошел к «Santa Ana» уже со стороны носа галеона. Англичане снова штурмовали манильского исполина, и опять, после тяжелой борьбы, были отброшены назад. Теперь уже Кавендишу стало окончательно ясно, что справиться с «Santa Ana», на борту которой не было орудий, намного легче при помощи артиллерии, нежели в рукопашном бою. И четвертый заход стал решающим. Включена была вся мощь бортовой артиллерии, и после часа бойни беззащитная «Santa Ana» была вынуждена капитулировать. Расколотые мачты и разодранное оснащение были разбросаны на ее палубе, а вода через зияющие дыры на уровне ватерлинии поступала внутрь галеона. Многие из испанцев были убиты, почти вся команда имела ранения, а запасы

---

⁴ В английской и испанской версиях относительно этого сражения имеются некоторые незначительные несоответствия. В том, где версии разнятся, автор следует описаниям событий, изложенным испанским источником, который составлялся с детальных описаний Альзолы.

пороха иссякли. С галеона была спущена шлюпка, и с белым флагом на борту она пошла на веслах к «Desire». Кавендиш в послании к Альзоле потребовал, чтобы тот убрал уцелевшие паруса и прибыл на борт его корабля со своими офицерами. Капитан был вынужден подчиниться требованиям.

Кроме традиционных китайских товаров – шелк, ткани, духи, специи, фарфор, вина и провиант, – «Santa Ana» перевозила огромное количество серебряных и золотых монет. На борту было 122 тысячи песо золотом и огромное количество отборного жемчуга. 17 ноября галеон отбуксировали в залив Сан-Лукас, где был произведен тщательный подсчет несметных сокровищ. 19 ноября всех оставшихся в живых испанцев (приблизительно 190 человек, включая женщин) пираты лишили всего личного имущества, «...не оставив ни единой булавки», и высадили на берег. В качестве одеяния им достались лишь их разодранные паруса. Также Кавендиш снабдил их небольшим количеством продуктов. Позднее был освобожден и сам Альзола. Его высадили на берег, снабдив оружием и порохом, чтобы он мог защитить себя от индейцев, которые издали наблюдали за странным поведением белых людей. Также ему оставили грузовой регистр «Santa Ana» и вручили приходный ордер на товар и деньги, аккуратно подписанный Кавендишем! В плену оставалось восемь узников: лоцман с галеона, португальский торговец, два японских мальчика, три молодых филиппинца и священник по имени Хуан де Альмендарис. Все они были взяты на борт «Desire», кроме священника, нанесшего оскорбление Кавендишу. Он был повешен на грот-мачте, а затем его тело было выброшено за борт.

В тот же день (19 ноября) английские моряки подняли бунт. Команда «Content», практически не принимавшая участия в схватке, шумно выражала свое недовольство относительно дележа награбленного. Но вскоре волнения улеглись – согласно данным, дошедшим до нас из испанских источников тех времен, добыча была разделена на три равные части, две трети из которых достались Кавендишу, а треть была распределена между членами команды. Больше недели пираты тщательно обыскивали «Santa Ana» в поисках наиболее ценных вещей, и все же многое (по некоторым данным, около 500 тонн) им пришлось оставить на ее борту.

29 ноября 1587 года англичане разрушили остатки мачт «Santa Ana» и подожгли судно. После чего, дав единовременный залп гордости из нескольких орудий, «Вожделение», сопровождаемое «Смыслом жизни» и с пинасом на борту, покинуло свое пристанище. «Смысл жизни» отстал от флагмана, взял курс немного севернее, и с тех пор о его судьбе ничего не было известно. Кавендиш же лег на обычный западный курс, которым шли манильские галеоны, и достиг острова Гуам только через 45 дней. Далее он продолжил свой путь через Филиппины, Ост-Индию, обогнул Южную Африку, и 20 сентября 1588 года его корабль целым и невредимым вошел в плимутскую гавань с сокровищами на борту.

Та часть команды и пассажиров «Santa Ana», которые были высажены на берег в Сан-Лукасе, чувствовала себя достаточно уязвимой, оказавшись в окружении нецивилизованных индейцев. В течение двух дней они наблюдали, как полузатонувший остов их разбитого судна продолжал гореть, дрейфуя недалеко от берега. Целыми оставались лишь небольшая часть корпуса и киль. Проявив чудеса ловкости и изобретательности, испанцы спасли то, что осталось от некогда величественного галеона, удалили балласт и смогли привести его в состояние, в котором он мог совершить еще одно плавание. Они покинули Сан-Лукас 21 декабря, взяв с собой двух калифорнийских индейцев (мужчину и женщину). Им удалось не только достичь материка, но и продолжить свой путь к берегам Акапулько, куда они прибыли 7 января 1588 года.

Потеря манильского галеона была весьма существенным и оскорбительным ударом для Испании. Это стало причиной разорения многих торговцев и глубокой депрессии, распространившейся по территории всей Новой Испании. Незадолго до возвращения Кавендиша в Плимут могучая испанская Непобедимая армада была наголову разгромлена англичанами в проливе Ла-Манш. И, учитывая, что Англия «стала править морями», угроза вторжения с ее стороны в акваторию Тихого океана оставалась достаточно велика, но,

несмотря на эту опасность, западное побережье Новой Испании в течение еще более тридцати лет по-прежнему оставалось полностью незащищенным. Пока память о набегах Кавендиша была еще свежа, вице-король в одном из своих писем настоятельно требовал от своих подчиненных укрепить берега и перетащить туда орудия, но ничего подобного сделано не было.

Через десять лет товарооборот, осуществляемый посредством манильских галеонов, вырос в десять раз, но, тем не менее, неуклюжие исполины оставались беззащитными на обратном пути в Мексику. Они даже игнорировали разумное предупреждение вице-короля, настоятельно рекомендовавшего не приближаться на опасное расстояние к берегам до тех пор, пока они не достигнут широт Акапулько. Многие вице-короли даже считали необходимым максимально сократить численность населения вдоль береговой линии Тихого океана, за исключением Акапулько, с тем чтобы сделать пиратские набеги бессмысленными. Эта практика настолько прижилась, что, вполне возможно, стала одной из причин того, что западное побережье Мексики и на сегодняшний день остается малозаселенным. В Центральном архиве индейской культуры имеется большое количество свидетельств о том, что галеоны продолжали следовать курсом, находившимся в пределах видимости с острова Седрос и мыса Сан-Лукас, а затем шли вдоль побережья от мыса Корриентес до Акапулько.

В июне 1588 года, когда слухи о том, что пираты находятся у берегов Чили, достигли Мексики, вице-король направил два судна к острову Седрос, с тем чтобы они встретили и сопроводили манильские галеоны. Слухи оказались ложными. Но в следующем году английская эскадра действительно покинула Англию, взяв курс к Южному морю. Во главе эскадры находился Эндрю Мерик, он покинул плимутскую гавань в августе 1589 года, но встречные ветра в Магеллановом проливе заставили его повернуть назад.

Томас Кавендиш тоже предпринял очередную попытку достичь этих мест в 1591 году, но его судно также столкнулось с трудностями в проливе. Знаменитый капер умер в возрасте тридцати двух лет по пути домой через Атлантику.

Весной 1594 года последний пират-елизаветинец Ричард Хокинс, преодолев пролив, направился к берегам Чили и Перу, с тем чтобы совершать разорительные набеги. Его судно с чисто английской иронией было названо «Dainty» («Гостинец»). Предупреждение о его приближении было переслано в Мексику, и в конце августа вице-король приказал Алонсо де Арельяно взять судно и пинас из Акапулько и следовать на север, с тем, чтобы предупредить и сопроводить галеон, идущий из Китая. Между тем в июле того же года Хокинс был схвачен испанцами недалеко от берегов Эквадора.

Поскольку война с Англией затягивалась, слухи о нахождении вражеских кораблей в Тихом океане продолжали беспокоить испанцев. В октябре 1597 года индейские рыбаки сообщили, что они видели недалеко от Масатлана три английских судна, направлявшиеся к мысу Сан-Лукас. И снова вице-король незамедлительно отправил генерала Себастьяна Визкэйно на защиту галеонов. Визкэйно не без труда добрался до Сан-Лукаса, но не застал там ни пиратов, ни галеонов, которые благополучно добрались до Акапулько в феврале следующего года. В 1598 году команда манильского галеона «San Geronimo» («Сан-Херонимо»), возвращающегося из очередного рейса, заметила три парусных судна. Пассажиры и команда буквально клялись в том, что они отчетливо видели корабли, находясь приблизительно в двух лигах от них. Они были уверены, что это те самые пиратские суда, которые были замечены недалеко от острова Седрос в начале октября прошлого года. Немного погодя на горизонте появилось еще одно судно – манильский галеон «Santa Margarita» («Санта-Маргарита»). Испанцы предположили, что галеон был захвачен пиратами, так как «San Geronimo» преследовали все четыре судна до тех пор, пока он не обогнал их. Когда эти тревожные вести дошли до вице-короля, он отправил два отряда солдат в Акапулько и приготовился выслать флот, чтобы спасти город. Но до того как флот вышел в море, «Santa Margarita», целая и невредимая, прибыла в порт назначения. Ее капитан заявил, что, следуя приказу, он даже не приближался к острову. И все-таки вице-король предположил, что, возможно, за корабли были приняты густые облака.

Англичане еще много лет не подходили к западному побережью Новой Испании, но вскоре новая напасть в лице дерзких голландских навигаторов, также являвшихся врагами испанской короны, должна была обрушиться на эти края.

Печелинги

Начиная со времени восстания против испанского господства на своей территории в 1566 году Голландия объединила усилия с Англией и Францией в борьбе с испанцами на море, как в Европе, так и в Америке. Северные Нидерланды с интенсивно развивающимся производством превратились в сильную промышленную страну с большой потребностью в дополнительных рынках сбыта. Кроме того, голландцы были яркими протестантами и ожесточенно сопротивлялись жестким мерам, которые Филипп II применял для подавления их восстания. В 1570-х годах опытные и выносливые голландские моряки, называвшие себя «морскими плутами», начали завоевывать славу, и вскоре крошечная страна заимела свой торговый флот, белокурые капитаны и моряки которого успешно конкурировали, а кое в чем даже превзошли другие европейские страны в навигационном навыке и плавании к далеким уголкам нашей планеты. В Европе, а позже и в испанской Америке голландские пираты стали известны как флекселинги или печелинги. Эти названия пришли с их родины – из порта Влиссинген. В 1595 году Голландия заключила союз с Францией и Англией против Испании, намереваясь внести свою лепту в процесс дестабилизации и расшатывания испанской колониальной власти в акватории Тихого океана. Первая экспедиция, направленная к западному побережью Америки, была вооружена и наделена полномочиями непосредственно самим государством, а финансировалась компанией голландских торговцев. Джекоб Маху и Саймон де Кордес, совместно командовавшие флотом из пяти судов (некоторые обладали грузоподъемностью в 600 тонн), имели в своем подчинении почти 500 человек. Этот флот вез с собой большое количество контрабандного товара и обладал огневой мощностью более ста орудий. Эскадра покинула Роттердам в конце июня 1598 года и вошла в воды, омывающие западное побережье Африки. Далее она проследовала к Магелланову проливу, где были вынуждены перезимовать. Человеческие жертвы от цинги, голода и холода к тому времени, когда они достигли Тихого океана, в сентябре 1599 года, были так велики, что численность команды сократилась до 300 человек.

Маху умер в Атлантике, а Кордес вместе с 50 своими людьми был убит арауканами на юге Чили. Заключительным ударом по планам голландцев стало то, что вице-король Перу был заранее предупрежден о грозящей опасности. Он имел в своем распоряжении пять военных кораблей, готовых в любой момент отразить атаку пиратов.

Самое маленькое голландское судно добровольно сдалось испанцам. Два других покинули берега Чили в ноябре 1599 года, с тем чтобы пересечь Тихий океан, а оставшееся судно, перед тем как покинуть побережье Перу в июне 1600 года и взять курс в азиатском направлении, успело захватить несколько испанских судов.

Несколько более успешной была другая экспедиция во главе с Оливье ван Ноортом, которая вышла из Роттердама в сентябре 1598 года, спустя три месяца после Маху и Кордеса. Его эскадра состояла из двух больших судов и двух пинасов (или судов преследования), оснащенных и экипированных голландским торговым концерном «Magellan» («Магеллан»). Цинга вспыхнула почти сразу в начале рейса, а плохая погода подвергла команду суровому испытанию. Когда ван Ноорт достиг Тихого океана в конце февраля 1600 года, его флот состоял из флагманского корабля «Mauritius» («Маврикий»), судна «Hendrick Fredrick» («Хендрик Фредрик») под командованием Питера Эсайаса де Линта и пинаса «Eendracht» («Эндрахт»). Грузоподъемность каждого большого судна была около 250–300 тонн, а пинаса – 50 тонн. «Mauritius» имел на своем борту 24 орудия, а команда насчитывала приблизительно 70 взрослых мужчин и юнг, среди которых был лоцман-англичанин, служивший в свое время у Кавендиша. Судно де Линта было немного меньше, численность команды составляла 60 человек, а на борту было 17 орудий, 10 из

которых были чугунными, а 7 – медными.

Ван Ноорт и де Линт расстались друг с другом 12 марта 1600 года около южного побережья Чили, и больше их пути не пересекались. К тому времени как весть о том, что вице-король снарядил эскадру для защиты своих берегов, достигла ван Ноорта, «Mauritius» успел захватить несколько судов у Вальпараисо и уже находился в акватории Перу. Ван Ноорт решил изменить свой первоначальный план, согласно которому он должен был плыть к берегам Калифорнии, и решил держаться как можно дальше от берегов, дожидаясь попутных ветров, которые подхватили бы корабль и помогли ему пересечь Тихий океан. По всей вероятности, «Mauritius» после тщетных поисков Кокосового острова, будучи на широте Панама, повернул на запад в мае и поплыл к Филиппинским островам. Там ван Ноорт потопил испанское судно, которое было послано перехватить его, и в конечном итоге достиг берегов Голландии в августе 1601 года.

В то время, когда ван Ноорт находился на широте города Кальяо, племянник вице-короля Хуан де Веласко собирался перевозить несколько миллионов песо серебром на пяти военных кораблях из этого порта в Панаму. Интересно заметить, что *almiranta* (в испанском флоте второе по величине после флагманского судно) флота Веласко было старое судно Хокинса «Dainty» («Привередливый»), ныне переименованное в «La Inglesa». Веласко ждал до тех пор, пока слитки не были благополучно переправлены через перешеек, а затем на трех хорошо вооруженных галеонах и шлюпе с командой в 400 человек медленно поплыл вдоль побережья на север. По прибытии в Акапулько 26 июля Веласко написал письмо вице-королю Новой Испании, в котором выражал свою уверенность в том, что пираты уже находятся на пути через Тихий океан. Он писал, что, «исследуя каждый камень вдоль побережья» от Панама и севернее, не нашел никаких следов пребывания врага.

Однако, несмотря на это, ему было приказано следовать к мысу Сан-Лукас. Повинуясь приказу, 13 августа эскадра покинула Акапулько и провела десять дней у берегов Калифорнии. На обратном пути флот Веласко был настигнут ураганом у берегов Салагуа. Ураган сильно повредил военные корабли, а самого Веласко и его судно больше никто и никогда не видел.

Оставшиеся «покалеченные» суда, лишённые своего флагмана, с большим трудом добрались до Акапулько в конце сентября. Их капитально отремонтировали, и 4 ноября команда вновь вышла в открытые воды на поиски Веласко и пиратов. После восьми недель тщетных поисков эскадра вернулась в Акапулько, а позднее, в феврале 1601 года, она отплыла назад в Перу. Нельзя сказать, что ее вояж потерпел полное фиаско, поскольку она привезла домой огромное количество контрабандного китайского товара.

В то время как перуанский флот патрулировал западное побережье, вице-король Новой Испании предпринял собственные шаги для защиты трех манильских галеонов, которые должны были прибыть в Акапулько. Он отдал приказ нескольким судам выйти в море и предупредить потенциальные жертвы об опасности. Среди них было маленькое судно из Чакалы, которое достигло мыса Сан-Лукас 1 декабря 1600 года, в тот самый день, когда первый из манильских галеонов вошел в порт Акапулько. Другие же два пришвартовались в порту в январе 1601 года. Они, уже будучи предупрежденными об опасности, обошли мыс Сан-Лукас, держась на расстоянии 30 лиг от него.

Тем временем одна из причин всего этого переполоха – де Линт – на втором по значимости после флагмана судне «Hendrick Fredrick» грабил суда между Чили и Перу и в начале августа 1600 года бросил якорь у необитаемого острова Коиба. Там он провел несколько дней, пополняя запасы воды, собирая бананы, лекарственные растения и запасаясь дровами. 11 августа де Линт подошел к небольшому судну, заштиленному у острова Кано, которое везло кукурузу из Никой в Панаму. С целью захвата он выслал к нему две лодки. Испанцы, понимая безвыходность своего положения, попытались бежать с судна, пересев на лодку, но вскоре были настигнуты. На борту испанского барка в качестве пассажира находился священник-францисканец по имени Агюстен де Каваллос, который оставил небольшое письменное свидетельство о своем пребывании среди «еретиков». Согласно

этому свидетельству, голландская команда насчитывала 54 человека, многие из которых хорошо говорили на испанском языке. Де Линт, имея копию бортовых записей Кавендиша, объявил, что собирается плыть на север к мысу Сан-Лукас, с тем, чтобы кренговать там свое судно. Также в его планы входило встретиться там с ван Ноортом, по возможности захватывать в тех краях галеоны, а затем, взяв курс на Молуккские острова, пересечь Тихий океан и направиться в Китай. Весьма вероятно, что де Линт предоставил эту информацию Каваллосу, с тем чтобы ввести испанцев в заблуждение.

27 августа, после своего второго визита на остров Коиба, де Линт снова проходил мимо острова Кано и захватил небольшой барк, идущий из Коста-Рики с грузом продовольствия, принадлежащий португальцу Педро Гонсалесу. Команда барка состояла из шестнадцати человек, включая одного голландца и трех негров, которых де Линт оставил на своем судне. Остальных пленников, среди которых был и францисканец Каваллос, де Линт велел раздеть, отобрал у них все личные вещи и 29 августа высадил на берег к югу от Реалейи.

Где находился «Hendrick Fredrick» в течение нескольких последующих месяцев после высадки на берег своих пленников, остается тайной. Фрегат не был замечен ни на побережье Новой Испании, ни где-нибудь еще в акватории Америки. Только в апреле или мае 1601 года де Линт появился в городе Тернат, что на Молуккских островах. Путь через Тихий океан не должен был занять более трех или четырех месяцев, и интересно поразмышлять, где же де Линт находился все это время. Возможно, что он и не заходил ни в один из укромных заливов Нижней Калифорнии, ни на Кокосовый остров для кренгования судна, прежде чем начать свой долгий путь через Тихий океан. Пятнадцать лет спустя Спеилберген безуспешно искал Кокосовый остров «по причине, что этот остров очень удобен и дает преимущества всем тем, кто хочет пополнить запасы продовольствия, так как некоторые из наших людей испытали это на своем собственном опыте». Эти слова указывают на то, что де Линт действительно бывал там и что часть его команды позже бороздила морские воды вместе с командой Спеилбергена.

После отъезда де Линта Мексика получила передышку длительностью в пятнадцать лет, прежде чем печелинги вновь стали бороздить воды Тихого океана. Филипп III был слишком занят войнами в Европе, чтобы думать о защите или укреплении тихоокеанского побережья, но вице-король Новой Испании взял инициативу в свои руки и в 1601 году отправил кое-какую артиллерию из города Пуэбло длинной дорогой через залив Теуантепек в Акапулько. Два года спустя голландский капитан с живописным уменьшительно-ласкательным именем Swarthy Tony (Смуглый Тони), или по кличке Черный Энтони, совершил набег на юге Чили, но мы не знаем наверняка, достигла ли весть об этом его деянии Мексики.

В 1609 году война между Голландией и Испанией официально завершилась, и лица, которые несли ответственность за безопасность перуанских судов и манильских галеонов, груженных серебром, вздохнули с облегчением и позволили себе некую долю беспечности. Также была официально признана невозможность прекращения сверхрентабельной торговли между Мексикой и Перу, и после 1609 года двум судам, перевозящим серебро на общую сумму 300 тысяч песо, было разрешено раз в год легально совершать круизы без охраны и сопровождения из Кальяо в Акапулько. Кроме того, еще перевозилось значительное количество контрабандного китайского товара, который в основном оплачивался перуанскими слитками драгоценных металлов. И в этот самый момент голландцы, в нарушение перемирия с Испанией, готовились выслать большую военную экспедицию в воды Тихого океана.

Весть о нависшей опасности достигла Мехико в конце 1614 года. В августе того же года голландская Ост-Индская компания послала флот из четырех больших военных кораблей и двух пинасов «с торговой миссией» вокруг Земли через Южное море. Официально объявленной целью этой экспедиции была продажа голландских товаров в испанской Америке. В случае же если испанские власти откажут им в предоставлении благоприятных условий для свободной торговли (что они безусловно бы сделали),

голландцы были проинструктированы защитить свои национальные интересы силой и принимать адекватные меры к любому проявлению враждебного акта. Мирному характеру этого предприятия противоречило и мощное вооружение голландских судов, и было ясно, что испанские колонии стоят на грани начала нового раунда пиратского разгула в акватории Тихого океана.

Командующим голландской эскадрой был опытный навигатор и старый морской волк адмирал Джорис ван Спеилберген. К тому времени Спеилберген, который родился в 1568 году, уже имел солидный опыт морского охотника и промышлял каперством у берегов Африки, Америки и Дальнего Востока, а также сыграл видную роль в нанесении поражения испанцам при сражении у Гибралтара в 1607 году. На своих судах он поддерживал строгую дисциплину и больше чем кто-либо заботился о здоровье и благосостоянии своих подчиненных. Подобно Дрейку, он был отменным дипломатом и умел преподнести себя и окружающих его людей с определенным шиком и лоском, что создавало впечатление богатства и силы, внушало уважение и увеличивало престиж его страны в иностранных портах. Его флагманское судно было со вкусом экипировано и хорошо снабжено разными сортами вин и большим количеством деликатесов, а оркестр и хор моряков услаждал слух офицеров во время трапез. В церемониальных случаях команда одевалась в элегантную, красивую и яркую униформу.

В начале экспедиции общая численность команды на всех шести судах составляла около 800 взрослых мужчин и юнг. Личный состав, главным образом, состоял из голландцев из Зеландии и Фризских островов, также были немцы, французы, англичане и ирландцы. Все «национальные меньшинства» были приблизительно равномерно распределены между моряками и солдатами.

Флагман Спеилбергена «Groote Sonne» («Грооте Сонне») и второе по величине судно эскадры «Groote Maane» («Грооте Маане») имели приблизительную грузоподъемность по 600 тонн каждое. Первым заместителем командира и вторым человеком в командной иерархии эскадры был Клаес Мартенс Товелинг. Каждое из этих судов было вооружено 28 орудиями, большинство из которых были чугунными и лишь небольшая часть медными, обычными перьярами и имело на борту множество боеприпасов и стрелкового оружия. Последнее включало в себя новые мушкеты, зажигательные ядра, гранаты, длинные и короткие пики и палаши. Другие два судна – «Morgensterre» («Моргенстерре») и «Aeolus» («Эолус») – обладали грузоподъемностью в 400 тонн каждое и имели на борту по 24 орудия. Пинасы «Jager» («Ягер») и «Meeuwe» («Мёве») имели грузоподъемность по 100 тонн и несли на борту от 8 до 12 орудий каждый.

На каждом из больших судов был свой штурман, четыре лоцмана, капитан солдат, картограф и один или более торговых представителя. На палубах были зачехлены и убраны по десять баркасов, каждый из которых был способен перевозить по 50–60 человек и которые в случае надобности использовались как галеры. В носовой части кораблей на лафетах и вертлюгах было установлено по два-три маленьких орудия. Со слов Суитера, большие суда по своим размерам были соизмеримы с испанскими галеонами, но уступали им в высоте кормы и отсутствием носовых кубриков. Двойная обшивка корпусов защищала суда от корабельных червей.

То, что экспедиция Спеилбергена действительно отчасти была торговым предприятием, свидетельствуют загрузочные накладные его судов, в которые, помимо обычных продовольственных запасов, было внесено большое количество разнообразного товара и серебряных монет. Однако этот груз не был предназначен для торговли в испанской Америке, а предназначался для обмена на восточные товары в Ост-Индии, где Голландия начинала развивать торговые отношения. Основная же цель этой экспедиции заключалась в том, чтобы с помощью силы флота Спеилбергена пополнить мощь голландского присутствия на Молуккских островах для отражения удара испанской эскадры, который в то время готовился на Филиппинских островах, с тем чтобы вытеснить голландцев из Индонезии.

Задолго до того, как Спеилберген достиг территории испанских колониальных вод, в

его судовом журнале была сделана запись о подготовке к ведению военных действий против испанских «врагов». Вероятно, в его секретные намерения, по мере возможности, входили как захваты манильских галеонов или любых других испанских судов, так и совершение набегов и разграбление портов Новой Испании. Спеилберген был наделен всеми полномочиями своего государства, данными ему лично принцем Мауритиусом. Приказ последнего, одновременно с назначением адмирала на высший командный пост экспедиции, предусматривал создание «широкого совета», в который входили высшие офицерские чины эскадры и который должен был часто собираться и действовать как консультативный орган. При необходимости он также должен был взять на себя функции адмиральского суда.

Покинув Голландию в августе 1614 года, флот направился к берегам Бразилии и вошел в воды Тихого океана через Магелланов пролив в начале мая следующего года. По пути к водам Тихого океана пинас «Мееuwe» дезертировал, а дальнейшие потери от цинги и в результате стычек с португальцами довели численность голландской команды приблизительно до 700 человек на четырех судах и одном пинасе. Находясь недалеко от берегов Чили, Спеилберген узнал, что испанцы, которые были предупреждены о его приближении, основательно подготовились к этой встрече и собрали мощную эскадру у берегов Перу. В состав этой эскадры, которой командовал дон Родриго де Мендоса, входило 8 судов, на борту которых было около 1300 офицеров, солдат и матросов, но она уступала голландцам в количестве орудий. Вместо того чтобы избежать столкновения, Спеилберген и его совет решили атаковать этот огромный флот. В бою, который длился двадцать четыре часа у берегов города Канете (Перу) с 17 по 18 июля 1615 года, испанцы потерпели полное поражение, потеряв два судна и около 4500 человек убитыми. Спеилберген же потерял только около 40 человек убитыми, в то время как все его суда практически оставались целыми и невредимыми.

Последствием этого сражения явилось то, что все западное побережье Америки осталось беспомощным перед голландцами. Взяв курс на север, Спеилберген завел свои корабли в порт города Паита, который сжег до основания. А жители города, заметив врага, успели покинуть его, впопыхах собрав свое имущество. В конце августа 1615 года голландский флот покинул Южно-Американский материк, тщетно надеясь отыскать Кокосовый остров, и 20 сентября их взорам впервые предстало побережье Центральной Америки в районе города Амапала.

Как уже было упомянуто выше, к концу 1614 года власти Новой Испании были в курсе относительно того, что Спеилберген покинул Европу, и им также был известен его предположительный маршрут. В январе следующего года вице-король приказал алькальд-мэру Акапулько укрепить порт и повысить обороноспособность города. В городе были вырыты траншеи. На северной стороне внутренней гавани, на холме Эль-Морро, к трем старым пушкам, которые являлись единственной защитой гавани, дополнительно установили еще четырнадцать. Генерал дон Мельчор Фернандес де Кордоба, дворянин и родственник вице-короля, был ответствен за обороноспособность берегов и безопасность в акватории Южного моря. В марте он вместе с войсками прибыл в Акапулько и оставался там до тех пор, пока два галеона находились на пути к Филиппинским островам. Когда в сентябре молва о «подвигах» пиратов в Перу достигла Мексики, Акапулько, к тому времени покинутый Фернандесом, снова оказался без защитников, но вскоре генерал вернулся с отрядом в 400 солдат и кабальеро, которые добровольно вызвались сражаться с голландцами.

Тем временем флот Спеилбергена был сильно потрепан настигнувшим его у берегов Гватемалы ураганом и медленно следовал вдоль побережья в поисках провизии, в которой очень нуждался. Численность команды к тому времени сократилась до 650 человек, большинство из которых страдали от цинги. Для исследования побережья в поисках провизии были спущены баркасы. Один или два из них 2 октября подошли к порту Гуатулько, который все еще оставался малонаселенным. Местные жители с берега приветствовали голландцев и обещали предоставить им провизию, но команда не рискнула высаживаться на берег такими скромными силами. Неблагоприятные ветры, не позволившие

флоту войти в Гуатулько, возможно, спасли город от очередного разорения. Название самого города Гуатулько в дневнике Спеилбергена не упоминается, но с его слов «это был очень удобный залив... где мы могли спокойно бросить якорь» явствует, что имеется в виду он, и нужно заметить, что на протяжении многих миль в обе стороны от Гуатулько нет другого подобного порта. Кроме того, вице-король в своем письме от 28 октября пишет, что в порт Гуатулько вошло два вахелес.

Выдавшееся безветренным, что является обычно посреди сезона ураганов, утро 11 октября застало голландский флот заштиленным у города Акапулько. Суда грозной тучей спокойно входили в гавань и вскоре после полудня смело бросили якорь прямо перед импровизированным фортом. Испанцы получили хорошую возможность проверить свои орудия и дали несколько залпов, которые не причинили абсолютно никакого вреда грозному противнику. Спеилберген, которого отчаянная потребность в продуктах питания полностью настроила в случае необходимости уничтожить весь город, не дал ответного залпа, а вместо этого отослал на берег баркас с белым флагом, который был встречен лодкой с представителями испанских властей. Было объявлено перемирие, и двое испанцев поднялись на борт флагманского судна, где были гостеприимно приняты адмиралом. Этими людьми были Педро Альварес и Франсиско Менендес, которые хорошо говорили по-голландски, так как в прошлом несколько лет находились на службе у своего государства в Нидерландах. Спеилберген поставил на обсуждение вопрос об обмене испанских узников, захваченных в Перу, на провиант, и оба чиновника в свою очередь пообещали сделать все возможное для выполнения этой договоренности. Они возвратились на берег, а голландцы спокойно подвели свои суда еще ближе к городу и бросили якорь прямо перед орудиями противника, где они, по всей видимости, провели довольно беспокойную ночь.

На следующий день ощущение того, что испанцы предпримут недружественные шаги, заставило Спеилбергена выйти из порта и направить свои орудия на укрепленную часть гавани, но вскоре напряженность была снята появлением на борту флагмана Менендеса и Альвареса, которые предложили себя в качестве заложников. В результате переговоров было достигнуто соглашение продлить перемирие на то время, пока флот будет снабжаться продовольствием, а по окончании загрузки голландцы должны были освободить узников и покинуть город.

На неделю Акапулько превратился в довольно редкое место мирного сосуществования голландцев с испанскими чиновниками, причем каждая из сторон соблюдала наивысшую степень церемониальности. Многие из испанских «капитанов и кабальеро» посещали пиратские суда, где их принимали с отменной голландской гостеприимностью и разрешали даже осматривать оборудование судов и их вооружение. 15-го числа с визитом к Спеилбергену пришел испанский командующий Фернандес де Кордоба. В честь такого почетного гостя голландский адмирал вырядил всю свою команду в парадную униформу со шпагами и мушкетами. В то же время, чтобы гарантировать безопасность Фернандеса, молодой сын Спеилбергена сошел на берег и провел весь день с алькальд-мэром, который его «очень хорошо принимал и развлекал».

Между тем голландские моряки, работая бок о бок с местными жителями, были заняты тем, что переносили на свои суда бочки с пресной водой, древесину для приготовления пищи, пополняли запасы продовольствия, преимущественно мясом и домашней птицей, а также овощами, апельсинами и лимонами... 16 октября, в то время как работа по загрузке провизии все еще продолжалась, голландцы, следуя условиям договора, освободили 20 испанских пленников. На следующий день, закончив погрузку и получив все оговоренное количество продовольствия, пираты с выражениями чувств взаимного уважения попрощались со своими новыми друзьями. Ранним утром 18 октября голландская эскадра подняла якоря и, уносимая попутными ветрами, покинула берега Акапулько.

Дружественная атмосфера перемирия в Акапулько шла вразрез с последующими приключениями Спеилбергена в Новой Испании. В то время как стороны обменивались любезностями в порту Акапулько, вице-король приказал всем судам на побережье следовать

к острову Седрос, чтобы предупредить об опасности и защитить манильские галеоны, прибытие которых ожидалось в скором времени. Полагая, что пираты могут навестись в Салагуа и Навидад, вице-король послал отряд численностью в 200 солдат во главе с Себастьяном Визкэйно для защиты этих портов. Со своей стороны губернатор Нуэва-Визкайи также направил другой отряд под командованием Бартоломео Жуарэ де Виллальва к побережью Синалоа с целью предупредить галеоны о грозящей опасности и предотвратить высадку врага в этом районе.

После того как голландская эскадра покинула Акапулько, она бросила якорь у берегов города Закатула. Утром 26 октября она подошла к довольно большому судну, стоявшему на якоре у берега, и, несколько раз выстрелив в воздух из аркебуз, быстро захватила его. Это судно, под названием «San Francisco» («Сан-Франциско»), имело грузоподъемность в 200 тонн и было недавно спущено на воду. Оно находилось под командованием Николаса де Кардена, промышленно добывшей жемчуга и на этот раз держало путь из Калифорнии в Акапулько. Кардена и другие члены его команды вплавь бежали с судна, но голландцы взяли в плен 11 человек, среди которых было два францисканских священника, сержант-мэр Педро Альварес де Расалес и лоцман, который плавал на манильских галеонах и имел большой опыт в навигации и торговле. Кардена утверждал, что у него отняли много жемчуга, но Спеилберген отрицал это. Последний, высказывая свое мнение о захваченном судне, сказал, что оно «больше подходит для ведения боевых действий, нежели для рыболовного промысла», поскольку имело на борту четыре орудия, два метательных орудия, а также стрелковое оружие и большое количество боеприпасов. Голландцы переименовали судно, дав ему новое название «Perel» («Жемчужина»), и вместе с лоцманом и одним из священников взяли его с собой в Ост-Индию.

Пленники, видимо со злым умыслом, сказали Спеилбергену, что он может пополнить запасы продовольствия в Салагуа, и голландская эскадра направилась туда и вечером 10 ноября, бросив якорь у города, высадила на берег две лодки с хорошо вооруженными людьми. По всей видимости, 200 солдат под командованием Визкэйно, прибыв за два дня до этого, скрывались в близлежащих лесах, но они небрежно оставили большое количество следов на берегу. Это насторожило пиратов, и те в срочном порядке вернулись на свои суда. До наступления сумерек Спеилберген послал на берег одного из заключенных по имени Алварес с письмом, в котором говорилось об исключительно мирных намерениях голландцев и их желании пополнить запасы продовольствия. На самом деле голландцы не очень нуждались в пополнении запасов продовольствия, скорее всего, эта задержка была вызвана желанием захватить манильский галеон.

Ранним утром следующего дня 7 лодок, на борту которых находилось около 200 человек, отчалило от голландских судов и пристало к берегу. Визкэйно утверждал, что высадившийся на берег отряд голландцев насчитывал 400 человек. К ужасу Визкэйно, который всю ночь провел со своими людьми в хорошо подготовленной засаде недалеко от следов, оставленных пиратами, те, изменив свой маршрут, причалили и высадились на берег в совершенно другом месте. Испанцы быстро перегруппировались и атаковали противника. Со слов Визкэйно, сражение длилось с 8 часов утра до 2 часов дня. За это время у обеих сторон иссякли запасы пороха, и они были вынуждены разойтись. Когда голландцы, пополнив запасы боеприпасов, вернулись на берег, испанцы уже растворились в близлежащем лесу. Спеилберген не придавал серьезного значения этой стычке, ссылаясь на то, что она носила непродолжительный характер. Трудно поверить, что это столкновение продолжалось в течение шести часов; ведь за это время голландцы успели бы получить подкрепление. Возможно, Визкэйно в своем рапорте вице-королю несколько преувеличил значение этого события. Спеилберген пишет, что враг бежал от его людей, в то время как Визкэйно признает, что, когда пираты получили значительное подкрепление, он дал приказ об отступлении.

В этом сражении, как утверждал Спеилберген, потери со стороны голландцев составляли два человека убитыми и шесть или семь ранеными, в то время как испанцы

понесли «гораздо больший урон». Если же верить рапорту Визкэйно, то испанцам удалось пленить семь человек, и столько же убитых пиратов они насчитали на берегу после сражения. В качестве доказательства своих слов к письму, адресованному вице-королю, Визкэйно приложил отрезанные уши одного из несчастных пиратов, которому было суждено погибнуть в этом бою от рук испанцев. В этом же письме он признавал потерю четырех человек убитыми и троих ранеными. Далее он писал, что его победа была бы более убедительной, имей он в своем распоряжении более опытных бойцов и современные мушкетеры, как у пиратов, в то время как его люди были вооружены старыми аркебузами и кремневыми ружьями, из которых, в большинстве случаев, невозможно было попасть в цель. Визкэйно описывал своих пленных печелингов как «юнцов благородных кровей, некоторые из которых были ирландцами с пышными чубами и серьгами в ушах». Все пленники заявляли, что они были добропорядочными католиками, которых обманным путем заманили на суда Спеилбергена, убедив их, что экспедиция носила исключительно мирный характер с торговой миссией. Сразу же после битвы в Салагуа Спеилберген направил свои суда в соседнюю гавань Сантьяго. 15 – 16 ноября эскадра приблизилась к берегу и вошла в порт Навидад или, что более вероятно, в порт, который в настоящее время носит название Тенакатита, где на берег высадилось большое количество хорошо вооруженных людей во главе с самим адмиралом. Местность оказалась заброшенной, люди покинули ее, и отряд Визкэйно, миновав эти места, направился к северу. На берегах тихого и красивого залива пираты провели пять дней, наслаждаясь его теплой и прозрачной водой, они пополнили также запасы дров и питьевой воды из небольшой речки. Один из францисканских священников был направлен в глубь материка в индейскую деревню, с тем чтобы договориться о пополнении запасов продовольствия. Вскоре он вернулся с несколькими цыплятами и свежими фруктами. Есть некоторые сомнения в том, вошли ли голландцы именно в порт Навидад или же в близлежащий залив Тенакатита. Порт Навидад подробно описан в бортовом журнале пиратов, датированным 1602 годом. В Навидаде в то время находилась судовая верфь, Спеилберген же не упоминает о верфи, а его карта «Нативидаета» больше напоминает залив Тенакатита, нежели Навидад.

20 ноября голландская эскадра покинула гавань и вдоль побережья проследовала к мысу Корриентес. Здесь Спеилберген собрал совет по поводу дальнейших действий флота, на котором мнения разделились. Некоторые считали необходимым дождаться манильских кораблей в Сан-Лукасе, в то время как другие полагали, что это может обернуться слишком долгой задержкой флота в здешних краях и что в любом случае галеоны уже предупреждены и будут держаться подальше от берега, что делает их захват почти невозможным. В конце концов было принято решение не терять больше времени в акватории Мексики, и 2 декабря 1615 года флот покинул мыс Корриентес, взяв курс на юго-запад, чтобы пересечь Тихий океан. Это решение обернулось большой удачей для испанской стороны, так как несколько дней спустя первый из двух манильских галеонов, направляясь в Акапулько, миновал мыс Корриентес. Первый галеон вошел в порт Акапулько 24 декабря 1615 года, второй – 1 января 1616 года.

Семь месяцев спустя Спеилберген добрался до берегов Голландии через Ост-Индию. Он достиг почти всех намеченных целей, и больше ему не доводилось принимать участие в важных экспедициях. В 1620 году Спеилберген умер в абсолютной нищете.

В течение месяца после отъезда Спеилбергена на базе замка Сан-Диего-де-Акапулько началось строительство укреплений и фортификационных сооружений. Вице-король планировал собрать деньги на этот проект путем ввода специального двухпроцентного налога на все виды товаров, ввозимых в этот порт в течение последующих шести лет. А для патрулирования побережья от Магелланова пролива до мыса Сан-Лукас и эскортирования галеонов, груженных сокровищами, он предложил оснастить и содержать постоянный военный флот из четырех боевых кораблей. Король согласился на строительство форта (к тому времени оно было почти уже завершено), но идея оснащения и содержания флота не нашла его поддержки из-за больших расходов. Он предпочел сократить объем морских

перевозок между Перу и Мексикой. Указом от 1620 года король ограничил торговлю между этими вице-королевствами до одного судна в год, а также напомнил о своем запрете на продажу китайских товаров в Перу. Однако торговля контрабандным товаром продолжалась, причем в крупных масштабах.

В феврале 1616 года в Мехико состоялась встреча со всеми капитанами манильских галеонов, где обсуждалось изменение в маршруте движения судов, с тем чтобы обезопасить галеоны, сделав их захват как можно более трудным. Было решено, что на обратном пути своего торгового вояжа они будут держаться на расстоянии ста лиг от Калифорнии и берегов Новой Испании и входить в порт Акапулько со стороны открытого моря, а не со стороны побережья. Но приказ этот зачастую игнорировался, а мыс Сан-Лукас стал даже якорной стоянкой манильских гигантов на несколько последующих лет.

Несмотря на некоторое затишье в действиях пиратов, грозившую опасность нельзя было недооценивать. В 1616 году голландец Джекоб ле Мэр обнаружил новый проход в воды Тихого океана южнее Огненной Земли, по проливу, который и по сей день носит его имя. В 1620 году поступило сообщение о продвижении двенадцати вражеских судов вдоль берегов Перу, которые якобы направлялись в сторону Панамы. Об этой фантомной эскадре неизвестно ничего, кроме того, что она нигде более не была замечена. Затем в 1621 году настал конец так называемому перемирию между Голландией и Испанией, и голландцы снарядили самый мощный военный флот, который когда-либо появлялся на западном побережье Мексики.

На этот раз в намерения принца Голландии Мауритиуса Нассаусского, когда он посылал в воды Тихого океана мощный военный флот, известный как нассаусский флот, более, чем контрабандная торговля, входило разграбление испанских портов и захват судов. Впервые было принято решение бросить вызов испанскому господству на Южно-Американском материке. В инструкции, переданные флоту специальным параграфом, было включено положение, дающее ему право на учреждение голландской военной и торговой колонии в Перу или Чили. Этого предполагалось добиться путем консолидации сил с аборигенными индейскими племенами, которые, как считалось, легко было побудить к выступлению против их испанских хозяев. Сама идея не была лишена здравого смысла, поскольку жестокие арауканы не без успеха боролись с испанцами уже в течение многих лет.

Ответственным за столь амбициозное предприятие адмирал назначал Джекоба л'Еремита. Но к глубокому прискорбию голландцев, л'Еремит умер на побережье Перу, и командование перешло к молодому вице-адмиралу Хьюго Шапенаму. В целом флот состоял из десяти судов и одного пинаса, с общим количеством орудий в 292 ствола и личным составом в 1637 человек, 600 из которых были солдаты. В команде, почти полностью состоящей из голландцев, было всего несколько англичан и французов. Соответствующие данные и названия судов приведены в нижеследующей таблице.

Корабль	Тоннаж	Личный состав	Число орудий
«Amsterdam» (флагман)	800	237	42
«Delf»	800	242	40
«Orangien»	700	216	40
«Hollandia»	600	182	30
«Eendracht»	600	170	32
«Arend»	400	144	28
«Mauritius»	360	169	32
«David»	360	99	16
«Griffoen»	320	78	14
«Verwachting»	260	80	14
«Windhond» (пинас)	60	20	4

Эта огромная эскадра покинула Голландию в конце апреля 1623 года. Она потратила много времени на западном побережье Африки, прежде чем пересекла Южную Атлантику, и в феврале 1624 года, пройдя проливом, недавно открытым Ле Мэром, обогнула мыс Горн и вошла в Тихий океан. Неизменно плохая погода поневоле разделила флот, но все 11 судов воссоединились в апреле у островов Хуан-Фернандес.

Враг подошел к берегам Кальяо 8 мая, спустя всего лишь пять дней после того, как предупрежденный вице-король отослал в Панаму флот, груженный сокровищами. Корабли уносили в своих трюмах запасы серебра, накопленные за два года. Вместо того чтобы преследовать богатую добычу, голландцы впали в состояние замешательства и нерешительности, которое, возможно, было обусловлено потерей их командующего. Плохо спланированное нападение на Кальяо испанцы легко отразили, но все же пиратам удалось разрушить большое количество торговых судов, стоящих в порту. В это время совет флота формально назначил Хьюго Шапенама адмиралом. Команда в отношении оценки характера Шапенама, по всей видимости, была далека от единодушия. По описанию капитана морских пехотинцев, он был «человеком весьма любезным и приятным в обхождении», в то время как голландский командор, плененный испанцами, охарактеризовал его как «надменного и очень жестокого молодого человека». Последующие события дают нам возможность прийти к выводу, что Шапенама мучила нерешительность, обусловленная неспособностью управлять своими подчиненными. Юность и недостаток опыта сделали его весьма неудачной кандидатурой для командования столь амбициозным предприятием.

Нассауский флот у берегов Перу провел более четырех месяцев, в течение которых он добился лишь бессмысленного разрушения Гуаякиля и из-за неоправданной жестокости обращения с заключенными снискал себе дурную славу. 21 испанский пленник был повешен в Кальяо, так как вице-король отказался обменять их на голландских дезертиров и выплатить выкуп, а 17 испанцев, захваченных в Гуаякиле, были брошены за борт далеко от берега. Шапенам покинул залив Гуаякиль в середине сентября 1624 года и 20 октября подошел к побережью Новой Испании. В это время его флот был все еще в сохранности, а команда насчитывала более 1300 человек.

Восемь дней спустя голландский флот вошел в гавань Акапулько и бросил якорь в пределах видимости нового форта. Подражая примеру своего прославленного предшественника Спеилбергена, Шапенам отправил кастеляну (смотрителю форта) сообщение с предложением перемирия. Он нуждался в пополнении запасов продовольствия, которые надеялся получить в обмен на нескольких выживших испанских пленников. К

полному разочарованию голландцев, кастелян предложил только денежный выкуп, отказавшись снабжать врага продовольствием, и заявил, что не желает обменивать заложников. У Шапенама было достаточно орудий и людей, чтобы разрушить Акапулько, но он не решался идти на этот шаг. Бросив оценивающий взгляд на оцетинившиеся стволы орудий форта, адмирал весьма резонно предположил, что у местного населения, по всей видимости, будет мало чем поживиться и добыча до прибытия манильского галеона обещает быть весьма скудной. 1 ноября могучий нассаусский флот поднял паруса и, позорно крадучись, вышел из гавани под грохот нескольких орудийных выстрелов, выпущенных ему вслед из крепости Сан-Диего с чувством гордости и удовлетворения. Комментируя эту ситуацию, Джеймс Барни писал: «Таким образом, испанцы отделались легким испугом от самой грозной силы, когда-либо угрожавшей их могуществу в Южном море».

Впопыхах покидая гавань, голландцы даже не смогли пополнить истощающиеся запасы воды. После того как эскадра покинула Акапулько, она разделилась: некоторые суда взяли курс на северо-запад, чтобы ждать галеон в открытом море, а остальные встали неподалеку от гавани, которую недавно покинули. 3 ноября и в последующие дни несколько лодок с голландцами вошли в Пуэрто-Маркес, что недалеко от Акапулько, и сумели наполнить водой несколько бочек, прежде чем были атакованы испанцами, которые убили четырех людей из их команды. Позднее два судна обнаружили на побережье место, где команда смогла пополнить запасы питьевой воды. С большими трудностями, преодолевая прибой, они успели погрузить бочонки с водой, прежде чем большой отряд испанцев появился на горизонте.

Команда Шапенама, которая жестоко страдала от цинги и испытывала сильное недовольство нерешительными действиями своего адмирала, которые приписывали его трусости, теперь полностью была деморализована. Как минимум, 30 человек из команды предпочло испытать свою судьбу в стане врага, перейдя на его сторону. В середине ноября флот воссоединился у берегов Зихуатенейо, и 29-го числа того же месяца голландцы перестали ждать манильские суда и покинули побережье Мексики, с тем чтобы пересечь Тихий океан. Впоследствии эскадра расформировалась в акватории Молуккских островов. Шапенам умер у берегов острова Ява в конце 1625 года. Голландцы связывали большие надежды с нассаусским флотом и, соответственно, инвестировали большие суммы денег в этот поход. Но после полного краха надежд, возложенных на эту экспедицию, они изменили приоритеты, перенесли зону своих интересов в акваторию атлантической Америки, и в 1628 году смогли захватить там мексиканский флот, груженный серебром. Неуклюжие же манильские исполины, груженные сокровищами, некоторое время в полной безмятежности курсировали в водах Тихого океана. В 1631 году король своим указом запретил единственный ежегодный рейс торгового судна, легально курсировавшего между Новой Испанией и Перу. Это привело к тому, что значительное количество серебра и контрабандных товаров должно было перевозиться между этими двумя вице-королевствами без какой-либо поддержки со стороны испанской монархии. После визита Шапенама вице-король Перу укрепил обороноспособность Кальяо, переоснастил два галеона и небольшое судно, хорошо вооружив их, а также взял множество галер на вооружение для защиты порта и сопровождения серебряных морских «караванов», идущих в Панаму.

В Новой Испании вице-король усовершенствовал укрепления и отремонтировал замок Сан-Диего в Акапулько, который после 1616 года был единственным легально открытым для торговли морским портом на западном побережье Мексики.

Осенью 1632 года Новая Испания снова была приведена в состояние «боевой готовности» из-за опасности вторжения пиратов. Весть о том, что пять вражеских судов обогнули мыс Горн и вошли в Южное море, пришла из Перу. Позднее три судна, принятые за голландские, были замечены около одного из портов аудиенции Гвадалахары. Наибольшее из них описывалось как судно с приблизительной грузоподъемностью в 300 тонн, а два других – по 100 тонн. Вице-король направил к манильским галеонам несколько кораблей с требованием держаться подальше от берегов Нижней Калифорнии. Вновь были

мобилизованы вооруженные отряды, но тревога оказалась ложной. Возможно, замеченные суда принадлежали одной из нелегальных «жемчужных» экспедиций.

Последней серьезной попыткой голландцев бросить вызов испанскому господству на тихоокеанском побережье Америки была экспедиция Хендрика Брауера. Голландская Западно-Индийская компания, директором которой и являлся Брауер, решила предпринять еще одну попытку основать торговую колонию в Чили. Эскадра из трех судов покинула Голландию в ноябре 1642 года. У берегов Бразилии к ней присоединились еще несколько судов, и объединенный флот, обогнув мыс Горн, подошел к острову Чилоэ в мае 1643 года. Брауер умер несколько месяцев спустя, но его люди, оставшись в Вальдивии, построили форт и воевали с испанцами.

Когда эти вести достигли Мексики в начале декабря 1643 года, в Акапулько не оказалось ни одного судна, которое смогло бы защитить побережье или эскортировать манильские галеоны. Поэтому эта обязанность была возложена на дона Педро Портера Казанэйта, имевшего небольшое, хорошо вооруженное судно, стоящее на приколе в устье Рио-Гранде-де-Сантьяго, которое он планировал использовать для исследования Нижней Калифорнии. Судно Портера пересекло Калифорнийский залив и прибыло в Сан-Лукас, где оставалось в течение месяца, ожидая галеон. Последний же уже проследовал мимо и достиг Акапулько без каких-либо происшествий.

Тем временем в своем холодном, по-спартански обустроенном поселении далеко к югу от этих мест голландцы уже исчерпали все запасы продовольствия, а индейцы были непоколебимы в своем решении не оказывать им поддержку в их борьбе за Чили. В конце октября 1643 года они покинули Вальдивию, вернувшись в воды Атлантики.

В другой раз весть о пребывании вражеских судов в Тихом океане достигла Мехико в ноябре 1649 года. Кастаньян Акапулько срочно воззвал о помощи в живой силе, которая была ему необходима для защиты порта от пяти больших неприятельских судов, замеченных на побережье. Они, как предполагалось, принадлежали некоему португальцу, который «совершил зверские поступки» в Буэнос-Айресе, украл корабли и вышел в открытое море с целью совершать набеги и грабить встречные суда. Уже в который раз вооруженные отряды поспешно были стянуты к побережью, разосланы предупреждения всем морским портам, а Портер Казанэйт был снова отправлен, с тем чтобы предупредить судно, идущее из Китая. И вновь фантомные суда пиратов растворились в воздухе.

После подписания Вестфальского мира эра печелингов в 1649 году формально закончилась. Голландские пираты, которых было достаточно много в Карибском бассейне, более не возвращались на тихоокеанское побережье испанской Америки, кроме как под видом невинных торговцев много лет спустя.

Буканьеры ⁵

Практически все вторжения в испанские воды Тихого океана до 1643 года осуществлялись в период войн и были инициированы правительствами Англии и Голландии или, по крайней мере, косвенно спонсировались ими, исходя из национальных интересов этих стран для расширения подконтрольных рынков и укрепления престижа. В этой части нашего повествования мы столкнемся с врагом, к которому термин «пират» может быть приписан без всяких колебаний или сомнений. К джентльменам удачи, бороздившим воды Карибского моря, правительства Англии, Франции и Голландии сначала относились достаточно терпимо и даже в какой-то степени поощряли их действия, так как они наносили значительный ущерб их общему врагу – Испании. Иногда власти наделяли их определенными полномочиями, но это носило лишь формальный характер. Они были очень

---

⁵ Буканьеры – первоначально жившие на Антильских островах охотники и заготовители мяса – настоящие пираты, нападавшие на всех без исключения.

жестокими и независимыми представителями морской братии, заинтересованными лишь в наживе и удовлетворении своих собственных сиюминутных прихотей. Ради достижения своих целей они мучили, насиловали и совершали всевозможные злодеяния. Летописец экспедиции Сокинса-Шарпа цинично признает, что «золото послужило приманкой, соблазнив нашу свору веселых ребят... являющихся солдатами фортуны, они перевербовались и поступили на службу к одному западному могущественному монарху индейцев, императору Дарьену». На самом деле он не был столь могуществен и не обладал никакой властью, тем более властью над буканьерами – он просто всячески оправдывал их разбойные деяния и набеги.

В основном пиратские команды формировались по этническому и языковому признакам, но встречались и смешанные отряды, в число которых наряду с французами, англичанами и голландцами входили и представители других национальностей, а также довольно часто пиратские банды одной этнической группировки объединялись с представителями другой для совершения определенных набегов. На их судах практически не было никакой дисциплины. Дезертирство и мятежи были обычным делом, а когда капитан терял «расположение» своей команды, его просто «лишали полномочий», большинством голосов избирая нового лидера. Серебро и золото, награбленное во время буканьерских набегов, обычно делилось между членами команды согласно установленной системе раздела добычи. (Для того чтобы узнать подробности о жизни буканьеров и их организации, читайте «Буканьеры Америки» Джона Эскмелинга.)

В 1640-е годы пираты в союзе с москитами и другими индейскими племенами взяли под свой контроль обширную часть восточного побережья Центральной Америки, которая все еще оставалась не завоеванной испанцами. Затем они обратили свои жадные взоры на процветающие испанские поселения на западе. Первые сообщения о пиратских набегах внутрь материка на город Матагальпа, в западной части Центрального Никарагуа, датированы 1643 годом.

В 1654 году большое количество пиратов по реке Сеговия (Кокосовой реке), буксируя свои каноэ вдоль стремнин, поднялось от мыса Грасьяс-Дьос и разграбило шахтерский городок в Нуэва-Сеговии. Согласно источникам, дошедшим до наших дней, капитан пиратов по имени Мансвелт, вместе с небольшой бандой перейдя через перешеек, захватил судно и приблизительно в 1660 году некоторое время совершал грабительские набеги на западном побережье Никарагуа. Вскоре он был вынужден вернуться в воды Карибского моря, так как из-за малочисленности своей команды считал дальнейшее пребывание в этих местах бесперспективным.

Путь по реке Сан-Хуан и озеру Никарагуа (маршрут Десагвадеро) был относительно легким маршрутом, соединяющим Карибское и Южное моря, и использовался испанцами на протяжении многих лет. Когда пираты, оккупировав этот естественный канал, закрыли его для торговли и стали использовать в своих собственных целях, власти Никарагуа построили крепость в городе Сан-Карлос, ставшую «восточными воротами» для сообщения между Карибским и Южным морями. Согласно сохранившимся источникам, некая пиратская экспедиция в 1665 году, поднявшись по течению реки, захватила форт и пересекла озеро Никарагуа. Далее их путь пролегал через города Гранада, Леон, Реалейя. На пути следования к Тихому океану они совершали грабежи и разбои. Согласно же другой версии, пираты, преследуемые испанской армией, вернулись в Карибское море с трофеем в 50 тысяч песо. Один из источников приписывает этот набег команде во главе с Хуаном Дэвисом, который «пытался взять Гранаду» в июне 1665 года; он же говорит о втором вторжении во главе с Голлардилло, который захватил форт в 1670 году. Эскмелинг, не упоминая даты, говорит о набеге Джона Дэвиса с командой в 80 человек на трех каноэ, когда «город Никарагуа» (современный Ривас) был разграблен. Банкрофт же утверждает, что набег в 1665 году совершила команда во главе с Голлардилло, которая захватила и сожгла Гранаду, а также разграбила Реалейю.

В следующем, 1666 году капитан Мансвелт с только что прибывшим Генри Морганом

и с 700 или 800 пиратами предприняли попытку захватить Коста-Рику. Они были встречены испанскими войсками у города Турриальба и вынуждены были отступить назад, к Карибскому морю. Но Морган взял реванш, захватив город Порто-Бело, который летом 1668 года он удерживал некоторое время.

Вскоре присутствие пиратов в тихоокеанских водах крайне болезненно отразилось на испанских колониях. Но для того чтобы проследить развитие событий в хронологическом порядке, мы должны немного отступить от темы, чтобы сообщить о другой, еще одной ложной тревоге, которая в очередной раз взбудоражила западное побережье. Дело в том, что в 1669 году капитан Джон Нарбро на двух судах с экипажем в 100 человек был направлен британским адмиралтейством с торговой и научной миссией для тщательного исследования западного побережья Америки; при этом ему было предписано избегать возможных столкновений с испанцами. Он прошел через Магелланов пролив и подошел к берегам Вальдивии на юге Чили в декабре 1670 года. Весть о прибытии «нового врага» тут же распространилась вдоль побережья и достигла Мексики в мае следующего года, что вызвало волнение и некоторую панику среди населения. Невинные же планы капитана Нарбро были разрушены после того, как испанцы захватили нескольких из его людей, и, проведя всего одну неделю в Чили, он вернулся в Атлантику.

Генри Морган, родившийся приблизительно в 1635 году в добропорядочной уэльсской семье, возможно, был самой неприятной личностью из всех пиратов, когда-либо промышлявших в водах и у берегов Тихого океана. В юности он попал в руки испанцев, и в будущем их плохое отношение к нему послужило поводом для жестокой мести с его стороны. В 1670 году у него зародилась идея пересечь перешеек и разграбить город Панаму. Для осуществления этого амбициозного плана, замаскированного под патриотическое предприятие (якобы для предотвращения предположительного нападения Испании на Ямайку), Морган бросил клич о наборе добровольцев, на который, со слов Мансфелда, откликнулись «все головорезы и негодяи Индии».

Сначала для обеспечения своей безопасности и прикрытия «тылов» пираты напали на крепость Сан-Лоренсо в устье реки Чагрес, и после жестокой и кровавой битвы команда приблизительно численностью в 1400 пиратов в середине января 1671 года начала свой трудный переход вдоль перешейка. Будучи вполне осведомленными о планах врага, испанцы устроили многочисленные засады и уничтожили все съедобные припасы по пути его следования, поэтому буканьеры подошли к городу Панаме в особенно дурном расположении духа.

Панама в то время была одним из самых богатых торговых центров Америки и насчитывала 15–20 тысяч жителей, включая рабов и мулатов. Как мы уже упоминали, старая Панама имела небольшое фортификационное сооружение, охранявшее город со стороны моря, но со стороны суши она все еще оставалась практически беззащитна. В ожидании врага население поспешно возводило брустверы, а для защиты главного входа в город туда было перемещено несколько орудий. Но Морган, войдя в город с другой его стороны, свел все старания горожан на нет. 29 января пираты были встречены большими силами испанцев под командованием дона Хуана Переса де Гузмана, президента аудиенции Панамы, за чертой города. Весь личный состав испанских сил насчитывал около 2 тысяч, включая конницу из 200 человек, и состоял в основном из негритянской милиции. В жестоком двухчасовом сражении люди Моргана разбили противника, убив приблизительно 400 человек. Потери же пиратов составили около 200 человек убитыми. И несколько часов спустя, после ожесточенных уличных боев, пираты взяли город.

Морган и его банда оставались в городе более месяца, грабя и применяя самые жестокие пытки к пленникам ради того, чтобы захватить как можно больше золота. Большинство деревянных зданий было сожжено. Капитан Серльз на судне, захваченном пиратами, был послан в воды залива к острову Табога и вскоре вернулся с еще четырьмя трофейными судами. Другие пиратские команды уже на захваченных судах взяли курс на Жемчужные острова и, тщательно исследовав их, разграбили все прибрежные поселения.

Кое-кто из буханьеров изъявил желание остаться и пуститься в пиратский рейд по Тихому океану, но, когда Морган услышал об этом, он сжег некоторые из трофейных судов, а на остальных демонтировал и привел в негодность все их орудия.

6 марта 1671 года пираты, взяв с собой 600 невыкупленных пленников и награбленное имущество, приблизительная стоимость которого составляла по, разным оценкам, от 150 тысяч до 750 тысяч песо, оставили Панаму. Морган добрался до Карибского моря 19 марта, а затем, к ярости и бешенству своих товарищей, оставив их на берегу в одном из портов, тайно уплыл с добычей на корабле. Последний подсчет стоимости награбленного добра, который, по всей

135 вероятности, был сделан и оставлен Морганом, гласит, что общая стоимость трофеев составила всего лишь 30 тысяч песо и была справедливо поделена между всеми пиратами. Позже он стал лейтенант-губернатором Ямайки, был возведен в рыцари и внес большой вклад в дело подавления пиратского движения. В 1688 году Морган умер.

В конце 1671-го – начале 1672 года неизвестная флотилия появилась у западного побережья Южной Америки. По всей видимости, это была торговая экспедиция из Амстердама, снаряженная компанией голландских и английских предпринимателей, которым каким-то образом удалось получить у испанских властей специальное разрешение на ведение торговли в американских колониях. На сегодняшний день мало что известно об этой довольно необычной экспедиции, данные же относительно численности и состава флота крайне противоречивы. Барни утверждает, что был один 400-тонный корабль и маленькое 80-тонное одномачтовое судно. В то время как испанские источники говорят о количестве от 5 до 14 судов, но нет никакой уверенности, что речь идет об одной и той же экспедиции. Она не была пиратской, но появление судов у кромки берега сеяло панику и приводило в смятение прибрежное население Новой Испании.

Большая часть товара была продана в Гуаякиле и Реалейе. Затем, по всей вероятности, флотилия направилась в сторону Акапулько. Впервые вице-король услышал о «пяти пиратских судах», когда они встали на якорь у берегов Туланчинго, что около Джамилтепека, 13 июля 1672 года. Кастилян Акапулько, который в то время из-за изнурительной жары покинул город и находился в Куэрनावаке, внезапно сильно захворал и был не в состоянии возвратиться в порт. Власти для защиты города незамедлительно направили вооруженные отряды под командованием Диего Сентено, «генерал-лейтенанта всех южных морских побережий». Несколько дней спустя, 23-го числа, вблизи Акапулько было замечено еще 6 судов, идущих на север. В августе же они появились у берегов провинции Мотинес, а в сентябре 14 английских судов вошли в залив Салагуа.

Поскольку флотилия, по всей видимости, не собиралась встать под юрисдикцию властей, аудиенция Гвадалахары назначила одного из своих оидорес, дона Херонимо де Луну, возглавить вторую армию, продвигавшуюся к побережью, для отражения возможного вторжения врага. Также был издан приказ, согласно которому весь рогатый скот следовало вывести с побережья в глубь страны на расстояние 20 лиг от берега.

Вице-король был настолько заинтересован в получении информации об этих «пиратах», что пообещал награду тому, кто первым возьмет в плен одного из врагов: если человек, поймавший врага, окажется рабом, то он получит свободу; если же им окажется свободный человек, то его ждала награда в 300 песо. 4 октября вражеская флотилия, теперь в составе семи судов, вошла в гавань Тиакапан, что к югу от Масатлана, и похитила несколько голов рогатого скота. Роблес, вводя нас в некоторое заблуждение, пишет, что в Салагуа, «что около городка Копала, где производятся горные работы, в епархии Гвадиана», вошло 14 судов. Копала находилась далеко к северу от Салагуа, около Масатлана. Затем странные суда внезапно исчезли так же загадочно, как и появились. Из последнего письма вице-короля касательно этих событий можно сделать вывод, что он довольно скептически относился ко всему происшедшему. Торговцы, если они и были таковыми (как говорится в письме), после очень успешного похода возвратились в Голландию.

В 1674–1676 годах по крайней мере две эскадры чужестранных судов появлялись в

водах Тихого океана, и две разные банды пиратов вторгались в Центральную Америку.

Антонио де ла Рош, лондонский торговец французского происхождения, загрузив в Гамбурге два судна разнообразным товаром, обогнул мыс Горн в сентябре 1674 года. Официально политика Испании, ограничивающая торговлю на территории своих колоний, не претерпела никаких изменений, но сама Испания никогда не была в состоянии удовлетворить потребности своих колоний в европейских товарах, и торговля контрабандным товаром в этом регионе приобрела широкий размах. Поэтому де ла Рош, не столкнувшись с какими-либо проблемами в реализации своего товара, сбыв его в Перу и возвратился в Европу тем же маршрутом. А в январе 1676 года до Мексики дошли вести о «проходе множества вражеских судов через Магелланов пролив». Вероятно, это и были суда де ла Роша.

Томас Печ был английским пиратом, в течение нескольких лет бороздившим воды Карибского моря, до того как совершил свой знаменитый поход 1673–1677 годов. Он отплыл из Англии на трех судах; флагманский корабль грузоподъемностью в 500 тонн имел на борту 44 орудия, а два фрегата соответственно по 150 тонн каждый несли по 18 орудий. Обогнув мыс Горн, Печ пересек южную часть Тихого океана, дошел до Молуккских островов, захватил испанское судно на Филиппинах, а затем лег на курс манильских галеонов вдоль северной части Тихого океана с намерением возвратиться в Англию через пролив Аниан. Со слов Джеймса Барни, встречные ветры и инверсные течения помешали ему войти в этот мифический пролив. По всей видимости, в конце 1675-го – начале 1676 года, на обратном пути, Печ подошел к берегам Новой Испании и сделал короткую остановку в Гуатулько. 28 января 1676 года в Мехико из Гуатулько пришла весть, что туда вошли два «вражеских» судна, но власти решили, что это были суда контрабандистов из Перу. До берегов Англии Печ добрался через Магелланов пролив лишь в следующем году.

Согласно воспоминаниям Вильяма Дампье, французский пират по имени Лессон в 1675 году с отрядом в 120 человек вторгся внутрь Панамы и смог дойти до поселения Чепо, расположенного к востоку от города Панамы, и разграбить его до того, как был оттеснен испанцами назад. В следующем году другой, более многочисленный отряд пиратов численностью до 800 человек, включая их союзников из индейских племен, поднялся от мыса Грасьяс-Дьос вверх по реке Сеговия, и 12 мая 1676 года старое поселение, занимающееся горным делом, в Нуэва-Сеговии вновь было разграблено. Затем, вернувшись в Карибское море, пираты 30 июня вторглись в долину Матина. Они намеревались изгнать испанцев из Коста-Рики, чтобы получить удобный плацдарм в Южном море. Однако губернатор Коста-Рики дон Хуан Франсиско Саенс одержал победу над буканьерами в девятнадцатидневной военной кампании, в которой, как он утверждал, было убито более 200 джентльменов удачи.

Теперь испанцам стало ясно, что успешный набег Моргана на Панаму стал заразительным примером для других пиратов. Карибское море уже было переполнено пиратами, и теперь настал черед Тихого океана испытать этот бич в своих водах. Имелось несколько сухопутных маршрутов, по которым можно было добраться из Атлантической части Центральной Америки до Тихого океана. Одним из них был путь по реке Сеговия, по которой нужно было подняться несколько сотен миль на каноэ сквозь земли, населенные дружественными или нейтральными индейскими племенами, но у истоков реки пиратов окружали уже хорошо вооруженные испанцы. Та же самая проблема возникала и на водном маршруте через Никарагуа, вдоль которого на реке Десагвадеро (ныне Сан-Хуан) было построено несколько мощных фортификационных сооружений. Пути через Коста-Рику и Верагуа таили в себе еще большие трудности из-за высоких и труднопроходимых гор, а «серебряный» маршрут из Порто-Бело до Панамы после набег Моргана был очень хорошо охраняем. Однако несколькими милями восточнее Панамы земли, ранее занимаемые испанскими поселениями, оказались покинуты, и обширная дикая территория находилась под контролем индейских племен, которые были враждебно настроены к испанцам. Горы здесь были относительно низкими, и почти незаметные индейские тропинки проходили

сквозь болота и густые джунгли. Этому маршруту суждено было стать межokeанским «шоссе» для пиратов.

В апреле 1680 года случилось одно из самых массовых вторжений пиратов на побережье Тихого океана. Семь английских пиратских судов встретились у Золотого острова, одного из островов архипелага Сасарди на северном побережье Панамы. Эти пираты, завладев большим количеством испанского золота, недавно ретировались из Порто-Бело. Когда индейцы рассказали им о богатом новом руднике в Санта-Марии, непосредственно у перешейка, они сразу же решили испытать там свою удачу.

Небольшой отряд остался охранять суда, в то время как большая часть пиратов в количестве 331 человека, вооруженных мушкетами и неся на себе необходимые запасы продовольствия, начали свой путь вдоль горного хребта, ведомые своими индейскими союзниками. Почти все пираты были вооружены новыми французскими мушкетами, которые технически значительно превосходили устаревшие аркебузы, все еще находящиеся на вооружении испанцев. Предводителем пиратов был Ричард Сокинс, а его подручными – капитаны Бартоломео Шарп, Джон Коксон, Питер Харрис и Эдмунд Кук. Также среди пиратов находились Вильям Дампье, Бэзил Рингроуз и Лайонел Уофер; позднее каждый из них оставил интересные и содержательные воспоминания о своих приключениях. 24 апреля, после утомительного девятидневного перехода через джунгли, буханьеры вышли к заливу Сан-Мигель, открывающему выход в воды Тихого океана.

На следующий день пираты с 50 индейцами на 68 каноэ поднялись по реке до Санта-Марии. Передовая группа во главе с Сокинсом прорвала укрепление и в бою победила испанцев, которые потеряли 26 человек убитыми. Потери же пиратов составили только 2 человека ранеными. Но к великому сожалению пиратов, испанцы уже были предупреждены об их планах, и алькальд-мэр этого населенного пункта, увозя с собой 150 килограммов золота, уже был на пути в город Панаму. Пятьдесят заключенных индейцы убили с особой жестокостью, а выживших испанцев пытали до тех пор, пока они не отдали то небольшое количество золота и серебра, которое осталось после отъезда алькальд-мэра.

27 апреля, после того как командование экспедицией перешло от Сокинса к Коксону, пираты предали поселение огню и поплыли вниз по течению реки к Тихому океану. На реке они нашли небольшой барк и в течение нескольких дней смогли захватить несколько пирог, обычно приводимых в движение парусами. Имея плавательные средства различной быстроходности, пираты договорились встретиться около Панамы и разделились: в то время как одна часть взяла курс на Жемчужные острова, другая продолжала путь вдоль побережья. Ранним утром 3 мая команда из 68 человек на нескольких каноэ под командованием Сокинса, Коксона и Харриса первой подошла к Панаме. Неподалеку от порта у острова Перико в их поле зрения попало пять больших судов и три барка, которыми командовал дон Хасинто де Барахона, назначенный испанцами ответственным за обороноспособность города Панамы.

Испанская флотилия, насчитывавшая 228 человек и преимущественно состоявшая из негров и мулатов, полностью находилась на барках, в то время как большие суда были пустыми. Со слов Айрэса, в этом сражении принимало участие 200 буханьеров и 280 испанцев. После кровавого пятичасового боя один из барков успел ретироваться, другие же вынуждены были сдаться пиратам. Потери англичан в бою у острова Перико составили 20 человек убитыми, в числе которых оказался и капитан Харрис. Испанские же потери были более многочисленны – 100 или более человек убитыми, среди которых был их командующий дон Хасинто де Барахона. После сражения три больших судна также были захвачены пиратами без особых трудностей. Наибольшее из них – «Trinidad» («Тринидад») грузоподъемностью в 400 тонн – было переоборудовано во флагманское судно пиратов. Кроме продовольственного груза и нескольких орудий, на его борту больше не было ничего, но пираты перетаскивали орудия с других судов и смонтировали их на борту своего нового флагмана.

Зарагоза, цитируя президента аудиенции, говорит, что пираты захватили на борту судна

«Trinidad» 50 тысяч песо, но, очевидно, он имел в виду другое судно, захваченное 20 мая. Рингроуз говорит, что «Trinidad» был захвачен немного позже в Пуэбло-Нуэво.

Теперь англичане стали обладателями всех судов и установили свою власть над всеми морскими путями Панамы, что было более чем достаточно для того, чтобы беспрепятственно плыть куда им заблагорассудится. Их отговорили штурмовать город в связи с малочисленностью команды и наличием крепких городских фортификационных сооружений, хотя такое нападение вполне могло быть успешным, так как силы испанской обороны были подорваны внутренней борьбой с индейцами и остро ощущалась нехватка солдат для обслуживания многочисленных орудий.

5 мая капитан Коксон, рассорившись с другими главарями пиратов, взял один из трофейных барков и с 70 своими соратниками отправился к заливу Сан-Мигель, с тем чтобы вернуться обратно в Карибское море. Лидерство над командой снова перешло к Ричарду Сокинсу. 12 мая пираты на борту своего флагмана «Trinidad» и еще одного судна грузоподъемностью в 180 тонн отправились на остров Табога, при этом до своего отправления они сожгли все оставшиеся трофейные суда. 20 мая по пути к острову капитан Шарп атаковал и захватил невооруженное королевское судно, идущее из Перу. На его борту была 51 тысяча испанских монет, каждая достоинством в восемь реалов, и большое количество продовольствия. Вскоре пиратами были захвачены еще два судна, включая 100-тонный барк, на который Шарп пересадил всю свою команду.

23 или 25 мая, после того как пираты тщательно обыскали остров, пополнили запасы продовольствия плодами его благодатных садов и обменялись письмами с президентом Панамы, эскадра ушла к острову Коиба. Будучи все еще необитаемым, этот остров был прекрасным плацдармом для набегов на материк и кренгования судов. В пути один из пиратских барков был унесен течением к заливу и присоединился к команде Коксона на их пути к Карибскому морю, а другой был захвачен и возвращен испанцами. В то время как его несколько уменьшенный флот стоял на якоре у острова Коиба, Сокинс 1 июня с 60 матросами направился к южному побережью Верагуа к поселению Пуэбло-Нуэво. Испанцы уже были предупреждены о его планах и на берегу реки несколько ниже селения построили деревянный бруствер. Во время штурма этого импровизированного форта Сокинс и двое людей из его команды были убиты, а пираты вынуждены были ретироваться. По дороге на остров им удалось захватить 100-тонное судно, груженое зерном, которому позднее дали красивое английское имя «Mayflower» («Майский цветок»).

Новым капитаном пиратов был избран Бартоломео Шарп. Диссидентскому меньшинству из 63 человек, отказавшемуся быть под началом нового капитана, выделили барк для обратного возвращения тем же путем, которым они прибыли в воды Тихого океана. 16 июня 1680 года, после двух недель, проведенных на островах Коиба и Куикара (или Джикорон), в течение которых пираты кренговали свои суда и пополняли запасы питьевой воды, древесины и продовольствия, они отплыли в Южную Америку. Теперь их эскадра состояла из двух судов, а команда насчитывала 146 человек. Шарп командовал на «Trinidad», а капитан Джон Кокс – на «Mayflower». Эдмунд Кук из-за участия в бунте был смещен с должности капитана.

В течение следующих десяти месяцев Шарп и его команда совершали набеги на поселения, расположенные вдоль западного побережья Южной Америки. Они разграбили города Ило и Ла-Серена (ноябрь-декабрь 1680 года), кренговали свои суда на островах Хуан-Фернандес (январь 1681 года) и потеряли 28 человек убитыми во время набега на город Арика (февраль 1681 года). Шарп был лишен своего капитанского поста, но позднее, когда его преемник был убит во время набега на Арику, снова восстановлен в своей должности. 44 человека подняли бунт, и 27 апреля, оставив своих товарищей на острове Плата недалеко от берегов Эквадора, направились назад к Карибскому морю через перешеек.

Капитан Шарп на «Trinidad» остался всего лишь с 65 пиратами. До сих пор его вояжи не были особенно удачливы, но вскоре после того, как команда разделилась и часть пиратов покинула ее, удача улыбнулась ему, и он захватил судно с большим количеством серебра и

золота в монетах и слитках. 5 мая 1681 года пираты подошли к острову Кано, а 16-го числа вошли в залив Никоя. Там они провели три недели, в течение которых полностью отремонтировали суда, разграбили и предали огню Эспарзу и захватили несколько маленьких судов. 9 июня Шарп покинул Эспарзу, вновь подошел к острову Кано и 16-го числа поспешил ретироваться в залив Далс.

Так как на протяжении многих миль вокруг не было испанцев, пираты получили возможность спокойно кренговать и ошкуривать свои суда. 8 июля буханьеры подняли якоря и снова отправились на юг. У берегов Перу им вновь улыбнулась удача, и они захватили судно, на борту которого был еще более ценный груз, чем в первый раз, хотя позднее пираты были очень огорчены, узнав, что на борту этого судна они оставили несколько сотен серебряных слитков, приняв их за оловянные. Далее «Trinidad» без каких-либо происшествий обогнул мыс Горн и достиг Барбадоса 7 февраля 1682 года.

С точки зрения испанцев, вояж Шарпа и его команды обернулся для них сплошным бедствием. Полный ущерб, причиненный этой сравнительно небольшой бандой пиратов, оценивался испанцами более чем в 4 миллиона песо. Было разрушено и сожжено 25 судов, ощутимый урон понесла торговля, а потери в живой силе составляли более 200 человек убитыми. Столкнувшись с этим бичом, последствия которого были куда более плачевными, чем от любых других предыдущих вторжений на тихоокеанское побережье, испанские колонисты проявили большую храбрость, но оказались неспособны эффективно бороться с этим злом. Власти были вынуждены признать как свою беспомощность перед лицом врага, так и тот факт, что западное побережье было фактически не защищено от вражеских набегов.

Старый метод предупреждения манильских галеонов и политика незаселения тихоокеанского побережья оказались несостоятельны и явно не способствовали поддержанию испанского доминирования в испанских «частных морях». В июне 1681 года, в то время как Шарп находился в Никое, власти были проинформированы о том, что вражеские корабли замечены на побережье немного восточнее Акапулько. Но никаких дополнительных мер, кроме незначительного усиления гарнизона города, предпринято не было, так как прибытие манильского судна не ожидалось еще в течение нескольких месяцев. Испания, возглавляемая и управляемая глупым королем, находилась в упадке, а колониальные власти могли только жаловаться и надеяться, что пиратские вторжения лишь временное и мимолетное зло.

Позднее по настоянию испанского посла в Лондоне Шарп и несколько его людей были отданы под суд за пиратство, но впоследствии оправданы за отсутствием улик. Пираты стали настолько серьезной проблемой, особенно в Карибском бассейне, что, согласно Рэтисбонскому соглашению, подписанному в 1684 году, даже традиционные враги Испании согласились не использовать пиратство как средство для нанесения тайных ударов. Многих из буханьеров либо схватили и повесили, либо они были вынуждены сменить профессию на более честную. Но эта новость достигла берегов Америки как раз тогда, когда последнее и самое многочисленное вторжение буханьеров в Тихий океан уже шло полным ходом.

Три английских судна вошли в воды Тихого океана в марте 1684 года; два из них проследовали через Магелланов пролив, а третье попало туда, обогнув мыс Горн. «Nicholas» («Николас») был пиратским судном из Лондона, на борту которого находилось 26 орудий, а его команда под началом Джона Итона насчитывала 70 человек. Другим судном под названием «Cygnet» («Молодой лебедь»), тоже шедшим из Лондона, командовал капитан Чарльз Сван. Это судно было снаряжено компанией английских торговцев для ведения контрабандной торговли на территории испанских колоний. Его команда в основном состояла из англичан, за исключением нескольких голландцев и представителей других национальностей, и в общей сложности насчитывала 60 человек. На его борту находилось 16 орудий и огромное количество товаров из Европы на общую сумму 5 тысяч фунтов. Третье судно под названием «Batchelor's Delight» («Восторг холостяка») было недавно захвачено у берегов Западной Африки бандой пиратов в 70 человек, возглавляемых Эдмундом Куком. Оно имело 36 орудий и обладало грузоподъемностью в 180 тонн. Этот поход был не первым

плаванием Кука к водам Тихого океана, он и его пиратская команда, среди которых были журналисты Дампье, Рингроуз и Вафер, уже совершили подобный круиз в 1680–1681 годах.

Уильям Амброзия Коулей был владельцем и лоцманом «Batchelor's Delight» и тоже оставил воспоминания об этом путешествии. Очень подробный и читабельный рассказ о вояжах этих пиратов был оставлен Дампье («Новый вояж»). Дампье был с Куком и Дэвисом до сентября 1685 года, а затем перешел в команду Свана. Другие воспоминания были оставлены Лайонелом Вафером, который оставался с Дэвисом на протяжении всей его экспедиции. Дневник же Коулея описывает вояж «Batchelor's Delight» до сентября 1684 года, когда Коулей перешел на судно Итона.

Капитан Сван на торговом судне «Cygnet» подходил к берегам Чили и Перу, но команда повсюду сталкивалась с враждебным отношением испанцев к себе. Некоторые из ее членов были убиты во время перестрелки в Вальдивии. Позднее Сван использовал этот факт как оправдание за то, что он стал пиратом. Вице-король Перу выслал флот для поимки злоумышленников и послал предупреждения в Панаму и Мексику. К июню 1684 года все западное побережье было приведено в боевую готовность в ожидании встречи с врагом.

Итон и Кук, чьи пиратские замыслы были идентичны, плавая вдоль побережья Южной Америки, посетили острова Хуан-Фернандес (апрель), Лобо-де-Афюера (май) и Галапагоссы (июнь). За это время им удалось захватить четыре судна, груженные древесиной и продовольствием, но на борту каждого из них не оказалось ни денег, ни драгоценных металлов. Понимая, что испанцы уже должны были предпринять шаги для защиты транспортировки своего серебра, буканьеры решили обратить внимание на прибрежную часть Центральной Америки. В середине июля 1684 года они вошли в залив Никоя на двух своих и одном трофейном судах, именно здесь и скончался капитан Кук.

Когда буканьеры везли его тело для захоронения, на берегу залива им удалось поймать двух метисов, пообещавших им указать дорогу к ферме, где разводили рогатый скот. Отряд в 12 человек отправился на «ферму», для того чтобы пригнать скот, но по дороге был внезапно атакован и едва сумел избежать захвата испанцами, численность которых достигала 40–50 человек.

Буканьеры, проведя в заливе около двух недель, пополнили запасы древесины, питьевой воды, а также успели тщательно исследовать местность. 29 июля, согласно пиратским правилам и порядкам, команда корабля «Batchelor's Delight» избрала себе капитана. Выбор пал на Эдварда Дэвиса, который до этого был старшим рулевым судна.

На следующий день все три судна покинули залив и взяли курс на Реалейю, куда прибыли 2 августа. Намереваясь захватить город, буканьеры бросили якоря и на лодках вошли в гавань. Но вскоре они обнаружили, что испанцы хорошо подготовились к встрече с ними, возведя брустверы вдоль двух речных подходов к населенному пункту, и, понимая, что их затея обречена на провал, вернулись на свои суда.

5 августа, покинув Реалейю, Дэвис и Итон взяли курс к заливу Амапала (или заливу Фонсека). На следующий день Дэвис, посадив нескольких своих людей в шлюпку судна, высадился с ними сначала на острове Менгерра, а затем на острове Амапала. На одном из них он захватил священника, чем вызвал гнев и негодование местных индейцев. В течение последующих пяти недель, проведенных буканьерами на острове Амапала, чувствуя себя в полной безопасности, они кренговали и ремонтировали свои суда и пополняли запасы продовольствия. Итон и Дэвис, которые не смогли согласовать друг с другом маршрут дальнейшего следования, решили разделиться. Первый 12 сентября, подняв паруса на «Nicholas», взял курс на юг от острова Амвала. (Согласно Коулею, Итон покинул остров во второй половине августа.) Зайдя на Кокосовый остров и сделав короткий привал, он продолжил свой путь вдоль побережья Перу, а затем, в конце ноября 1684 года, пошел на запад. Дэвис же на «Batchelor's Delight» покинул Амапалу 13 сентября, взяв курс к берегам Перу.

Тем временем контрабандист Сван на «Cygnet», который не смог реализовать свой товар в Южной Америке, подошел к Никое приблизительно в то же самое время, когда Дэвис

и Итон кренговали свои суда около острова Амапала. Там он встретился с еще одной пиратской бандой, которая недавно добралась до западного побережья по суше со стороны Карибского моря и по пути разграбила рудник в Санта-Марии и ретировалась оттуда со 120 фунтами золота. Эта группа находилась под командованием Питера Харриса, племянника пирата, убитого в Панаме в 1680 году и носившего ту же фамилию. Харрис и его люди в надежде захватить хоть какое-нибудь судно курсировали на пирогах вдоль берега.

Дампье, описывая Чарльза Свана, писал, что это был жирный, темпераментный, придирчивый и трусливый человек, которому не хватало смелости для пиратской деятельности, хотя он и бывал до отвращения жесток, когда имел превосходство над кем-либо. В рядах его буйной команды практически отсутствовала дисциплина, и всякий раз, когда команда объединялась ради достижения какой-либо цели, он всегда покорялся ее воле. Теперь же, находясь под влиянием людей Харриса, команда «Cygnet» настаивала на том, чтобы тоже примкнуть к рядам джентльменов удачи. Пойдя навстречу пожеланиям своих людей, Сван отдал Харрису небольшой барк, захваченный им ранее, и в середине октября оба судна направились на юг, чтобы присоединиться к команде Дэвиса на острове Плата. Объединившись, три буканьерские банды совершили несколько безуспешных набегов в Эквадоре, а затем в январе 1685 года снова взяли курс на север, к берегам Панамы.

Тем временем еще одна небольшая группа пиратов долгое время удерживала в страхе часть западного побережья Центральной Америки. Уильям Найт с командой пересек Панамский перешеек ориентировочно в сентябре–октябре 1684 года и на пирогах курсировал вдоль берега, пока не захватил испанское судно недалеко от Акахутлы. Найт продолжал нападать на порты, грабить и захватывать суда у берегов Центральной Америки вплоть до февраля – марта 1685 года, а затем направился в сторону Гуаякиля. Его команда состояла из 45 англичан и 12 французов. Позднее Найт вернулся на север и примкнул к Дэвису и другим буканьерам.

Первые месяцы 1685 года Сван, Дэвис и Харрис вместе провели в Панамском заливе в ожидании подхода «серебряного» флота из Перу. Они приводили в порядок и очищали днища своих кораблей на Жемчужных островах. Флот не перевозил серебро уже несколько лет, но теперь вице-король снарядил эскадру из семи судов под совместным командованием своего зятя – дона Томазо Палависино, дона Педро Понтехоса и дона Антонио де Беаса. Испанская флотилия состояла из двух больших судов, на борту которых было по 40 орудий, двух судов меньшего тоннажа, с вооружением соответственно по 26 и 14 пушек, и трех военных кораблей, переоборудованных под торговые, на борту которых не было орудий. Личный состав испанского флота насчитывал более 2 тысяч человек. Однако Дампье говорит, что испанцы имели 14 парусных судов плюс пироги, с общим количеством орудий в 174 ствола и личным составом команды в 3 тысячи человек. Люссан же пишет, что у испанцев было 156 пушек. Барни в своей «Хронологической истории» пишет, что личный состав испанского флота составлял 2500 человек и большая его часть была представлена индейцами или рабами.

В то время как в стане испанцев полным ходом шли военные приготовления, к буканьерам присоединилось долгожданное подкрепление из Карибского моря. Здесь после подписания Рэтисбонского соглашения для джентльменов удачи настали трудные времена, поскольку они не могли больше рассчитывать на попустительство и молчаливое согласие своих правительств на их действия. Франсуа Гронье с 200 французами и 800 англичанами по суше пересек перешеек в феврале–марте 1685 года. Там он захватил пироги и на них приблизительно 10 марта присоединился к Дэвису и Свану у острова Табога. На острове Гронье получил в свое распоряжение барк, и пиратский флот поплыл вдоль залива, навстречу недавно прибывшей группе из 180 английских буканьеров под командованием капитана Тоунлея. Пересекая перешеек, Тоунлей по пути посетил к тому времени уже разграбленные и пустующие шахты Санта-Марии и успел захватить два барка, идущие из Перу. 21 апреля третья группа пиратов в количестве 264 человек, большинство из которых было французами под командованием капитанов Роза, Дезмерэ и Ле Пикарда, также

примкнула к пиратскому флоту, пройдя через перешеек несколькими днями ранее.

От пленников, захваченных на трофейных судах, буканьеры узнали, что испанский флот продвигается на север. К тому времени пиратская эскадра состояла из пяти больших судов, пяти барков и множества пирог, а ее личный состав насчитывал 960 хорошо вооруженных людей, две трети из которых составляли англичане и одна треть, соответственно, французы. Однако только два судна – «Cygnet» и «Batchelor's Delight» – были хорошо оснащены орудиями, на оба корабля в целом приходилось 52 пушки.

7 июня 1685 года испанская эскадра появилась на горизонте Жемчужных островов, но предусмотрительные испанцы заранее тайно выгрузили из трюмов своих кораблей на материк все серебро, которое перевозил их флот (по оценкам Дампье, стоимость серебра составляла 12 миллионов мексиканских долларов или испанских монет достоинством в 8 реалов каждая). Пираты находились с наветренной стороны и до самой темноты преследовали испанцев, но ночью последние, используя свет как приманку, обошли буканьерский флот так, что на следующее утро уже сами были с наветренной стороны, получив, таким образом, преимущество над противником.

Пиратам, не обладающим достаточным количеством орудий, ничего не оставалось другого, как обратиться в бегство. Испанские военные корабли преследовали противника почти весь день и причинили его судам немалый ущерб, обстреливая их из своих пушек. Но в конце концов, после долгой погони пиратам удалось уйти от преследователей. В этом бою ни одна из сторон не понесла значительных человеческих потерь. Англичане объясняли свое поражение утратой позиционного преимущества и тем, что судно Гронье не принимало участия в бою. Согласно же испанской версии, только недостаточная скоординированность действий их генералов помешала им полностью уничтожить врага.

После боя пиратская флотилия покинула Панамский залив и в конце мая собралась вновь на пустынном острове Коиба. Там она оставалась немногим более месяца, ремонтируя свои разбитые суда, строя дополнительные пироги, пополняя запасы воды и продовольствия и обсуждая планы на будущее. В начале июля отряд в составе 150 человек был послан пиратами на материк для совершения набега на населенный пункт Пуэбло-Нуэво, но эта вылазка не принесла им значительных результатов. 15-го числа того же месяца к буканьерам присоединился Уильям Найт, который со своей командой только что возвратился из рейда вдоль побережья Перу.

На этом этапе между английской и французской частью пиратов произошел разлад, и первые, будучи обиженными на своих «братьев по оружию», молча удалились на противоположную часть острова. Дампье утверждает, что ссора произошла из-за трусливого поведения капитана Гронье в последнем бою, в то время как французский пират де Люссан обвинял во всем англичан и говорил, что всему виной – их надменное отношение к французам и кощунственное разграбление церквей, которое оскорбляло религиозные чувства французских пиратов-католиков. В большинстве своем английские буканьеры-протестанты были набожны и соблюдали религиозные обычаи и обряды.

Французская команда под началом Гронье, насчитывавшая 340 человек, оставалась на острове Коиба вплоть до октября 1685 года, используя его в качестве плацдарма для набегов на побережье Верагуа. Тем временем 30 июля восемь судов, на борту которых было 640 человек, под предводительством капитанов Дэвиса, Свана, Тоунлея и Найта покинули остров и взяли курс на север. Англичане, понимая, что тактика ожидания проходящих судов и их разграбление не принесет желаемой прибыли, решили переключиться на прибрежные поселения Никарагуа. Подойдя к Реалейе, они оставили часть команды присматривать за кораблями, стоящими на якоре, в то время как отряд из 470 пиратов спустился на берег и пешком направился к городу Леону, главному населенному пункту провинции, находящемуся на расстоянии 20 миль от берега.

Несмотря на то что Леон был защищен превосходящими силами испанцев, буканьеры после непродолжительного сражения, которое произошло 21 августа, прогнали испанцев и заняли город. Ввиду того что добыча не была богатой, а губернатор медлил с выплатой

требуемого пиратами выкупа, последние после трехдневной оккупации предали город огню и вернулись на побережье. 27 августа этот же отряд почти без сопротивления со стороны испанцев захватил город Реалейя. Войдя в него, буханьеры нашли его опустошенным и не смогли ничем поживиться, кроме небольшого количества продовольствия и некоторой утвари. Они обыскали все близлежащие фермы и скотные дворы, а затем подожгли город и 3 сентября возвратились на свои суда.

В Реалейе пираты вновь разделились. Дэвис, Найт и Харрис на четырех судах с командой в 300 человек 7 сентября покинули город с намерением возвратиться к берегам Перу, но разразившаяся эпидемия сыпного тифа, очевидно занесенная на корабли после последнего набега, заставила их встать на якорь в заливе Амапала. Там пираты провели несколько недель. Пристав к небольшому острову, они высадили на берег больных, которые составляли почти половину команды, многие из которых вскоре умерли. Во время своего вынужденного привала буханьеры совершили несколько набегов на материк и пригнали небольшое количество рогатого скота.

В конце сентября флот покинул свое временное пристанище и взял курс на юг, к Кокосовому острову, где пополнил запасы питьевой воды и набрал большое количество кокосовых орехов. Далее Харрис на двух судах, покинув Кокосовый остров, взял курс на запад, чтобы пересечь Тихий океан, в то время как Найт и Дэвис еще в течение года вместе бороздили акваторию Южной Америки. Они вместе кренговали свои суда на Галапагосских островах, вместе участвовали в ряде сражений с испанцами в Перу, вместе захватили несколько судов, а в ноябре 1686 года их пути разошлись на островах Хуан-Фернандес. Найт возвратился в Атлантику, а Дэвис с командой из 80 человек на старом «Batchelor's Delight» продолжал бороздить воды у побережья Перу еще в течение целого года. В конце 1687 года он в последний раз кренговал судно в Тихом океане у островов Хуан-Фернандес, а затем, обогнув мыс Горн, вернулся в Карибское море.

Тем временем капитаны Сван и Тоунлей на двух своих судах с командой в 340 человек решили плыть на север, в надежде перехватить манильский галеон. Еще будучи в Реалейе, их команды были инфицированы той же самой эпидемической лихорадкой, которая поразила Дэвиса и других пиратов. Однако они не могли более задерживаться в густонаселенном стане врага, и 13 сентября 1685 года команды, подняв паруса, легли на курс в западном направлении вдоль побережья. В начале октября Тоунлей со 106 членами команды сошел на берег недалеко от Теуантепека, чтобы пополнить запасы продовольствия, но был атакован отрядом из 200 человек, состоящим из испанцев и индейцев. Дампье, который не участвовал в этом сражении, пишет, что испанцы быстро были обращены в бегство «и убежали назад гораздо быстрее, чем до этого шли в атаку». Испанские же источники лаконично заявляют, что пираты «были вынуждены искать пристанище в другом месте». Судя по сведениям, дошедшим до наших дней, в этой стычке ни одна из сторон не понесла потерь.

13 октября пиратский флот бросил якорь в тогда уже заброшенном и пустынном порту Гуатулько. Там они оставались более недели. Больных переправили на берег, а Тоунлей с частью команды обыскивал окрестности в поисках добычи. Во время одной из таких «вылазок» они вошли в индейскую деревню (по всей видимости, это была деревня Санта-Мария-Гуатулько), но среди ее жителей испанцев не оказалось. Во время своего пребывания в Гуатулько буханьеры чинили паруса, пополняли запасы питьевой воды, заготавливали дрова и ловили черепах. 22 октября они покинули порт и вышли в море.

Восстановившись после лихорадки, буханьеры проследовали вдоль побережья за пирогами, которые были посланы вперед в надежде заполучить пленных. В период с 1 по 6 ноября пиратский флот зашел в Пуэрто-Анхель, где в двух лигах от берега буханьеры нашли скотный двор, поспешно оставленный людьми. Там они досыта наелись говядины, свинины и мяса птицы, а оставшуюся часть продовольствия перенесли на свои суда. Два пиратских каноэ достигли Акапулько в конце октября, где и были замечены испанцами. По пути назад для воссоединения со своими судами пироги два раза приставали к берегу во время сильного прибоя. Первый раз это произошло в устье реки (по всей видимости, Ометепек), где они,

пополняя свои бочонки питьевой водой, были обстреляны наблюдавшими за ними испанцами. Второй же раз пираты пристали к берегу в лагуне, в которой усилиями испанцев, расположившихся у выхода из нее, оказались блокированными на два дня.

13 ноября большая группа буканьеров пришла на помощь своим товарищам по оружию, подойдя к берегу в районе дельты реки Ометепек, и прогнала испанцев, укрывающихся за импровизированным бруствером. Группа пиратов, высадившаяся на берег, захватила мулата, который рассказал о том, что недавно в порт Акапулько зашло некое судно. Услышав об этом, Тоунлей, который был недоволен своим кораблем, стал строить амбициозный план по его захвату. Вечером 17 ноября Тоунлей в пределах видимости очертаний города на 12 каноэ со 140 людьми отчалил от своего судна и на следующий день высадился в Пуэрто-Маркес. В ночь с 19 на 20 ноября пираты на веслах прошли мимо внутренней гавани Акапулько и собственными глазами увидели желанное судно, стоящее на якоре прямо напротив замка Сан-Диего.

Тоунлею стало ясно, что увести корабль, не будучи при этом атакованным со стороны форта, было невозможно, так что он был вынужден довольствоваться тем, что увидел предрассветный ландшафт города и замка перед возвращением на борт своего корабля. Затем пираты в непосредственной близости от берега проследовали вдоль побережья к западу от Акапулько, совершили набег на деревню Петатлан, прошли мимо Зихуатенейо (23 ноября), а в Икстапе они пополнили свои запасы говядиной и захватили караван с провизией. В Икстапе буканьеры также взяли мальчика-мулата, которого в дальнейшем Сван оставил себе в качестве слуги. Роблес в своем дневнике говорит, что весть о том, что враг находится у Колимы, достигла Мехико 19 ноября. Возможно, буканьеры выслали вперед каноэ.

Между тем в Мехико вице-король был проинформирован о действиях пиратов и предпринял шаги для защиты манильского галеона. Он приказал адмиралу Исидру Атондо Антильону, который только что возвратился из экспедиции по добыче жемчуга в Нижней Калифорнии, незамедлительно выйти в море навстречу галеону, ожидаемому из Китая, и эскортировать его. Атондо 25 ноября вышел из порта Матанчел и через три дня подошел к мысу Сан-Лукас, где по удивительному совпадению уже стоял только что прибывший манильский галеон «Santa Rosa» («Санта-Роза»). Два судна пересекли залив, 8 декабря достигли берегов Салагуа, затем 18 декабря они подошли к Зихуатенейо и 20 декабря прибыли в порт Акапулько. Как им удалось избежать встречи со Сваном и Тоунлеем, которых они должны были обойти с юга от Салагуа, по сей день остается тайной. По всей вероятности, они под покровом ночи с 9 на 10 декабря смогли друг за другом незаметно проскользнуть мимо этих мест. В Мексике спасение манильского галеона считали чудом.

11 декабря пиратский флот вошел в Салагуа, и утром следующего дня 200 человек, высадившихся на берег там же, в рукопашном бою наголову разбили «большой» отряд противника. Взятые в плен испанцы, давшие врагу практически бесполезную информацию о сельской местности, ни словом не обмолвились о том, что манильский галеон всего три дня назад покинул залив. Несмотря на то что буканьерам не доставало хорошего дознавателя и они не получили информацию о галеоне, от мысли о богатой добыче, поджидавшей их в городе, они были в прекрасном расположении духа. 16 декабря пираты покинули Салагуа и, выстроив свои суда вереницей на расстоянии 30 миль от берега, взяли в блокаду мыс Корриентес. Тоунлей с частью команды на четырех каноэ направился на поиски продовольствия в Валь-де-Бандерас.

На берегу десант был атакован испанцами и в завязавшейся схватке потерял четырех человек убитыми, уничтожив при этом 18 противников. 28 декабря буканьеры были вынуждены снять блокаду и спуститься к заливу Чамела для пополнения запасов питьевой воды и древесины, в то время как Тоунлей с 60 соратниками оставался на берегу и обыскивал местность в поисках добычи. 11 января 1686 года флот вернулся на север и вошел в Валь-де-Бандерас.

После шести дней, проведенных в Бандерасе, в течение которых пираты забивали и солили говядину на глазах у «прекрасной компании» испанцев, буканьеры разделились на

две группы. Сван и его люди, полагая, что манильский галеон уже успел миновать эти воды, избежав, таким образом, встречи с ними, необоснованно возлагали вину на Тоунлея за то, что тот напрасно потерял драгоценное время в Акапулько, вместо того чтобы провести его в поисках продовольствия. Сван планировал совершать набеги на побережье к северу от Бандераса, в то время как Тоунлей полагал, что более продуктивными будут рейды на юге. Не придя к единому мнению, два капитана разошлись и 17 января покинули залив Бандерас, направив свои суда в противоположные стороны. Каждый из них имел по одному кораблю и небольшому барку. При этом команда Свана насчитывала 200 человек, а Тоунлей имел в своем распоряжении 120 пиратов.

С точки зрения пиратов, выбор Свана плыть на север был серьезной ошибкой. 30 января 1686 года его суда бросили якорь за островами Масатлан (неверно названные острова Чаметли, но достаточно точно описанные Дампье в его воспоминаниях («Новый вояж вокруг света»)). Там Сван, взяв 100 человек из своей команды и рассадив их по каноэ, направился вдоль побережья на север и прошел около 30 лиг. Они высаживались в нескольких пунктах, но, к сожалению, вопреки их ожиданиям, здесь не было ни богатых шахт, ни городов, а весь рогатый скот был уведен в глубь материка.

12 февраля 80 пиратов высадились на берег в устье реки Чаметла (или Балуартэ) и пешком проследовали в Росарио, где украли 80 или 90 бушелей⁶ кукурузы. 21-го числа 70 пиратов были посланы в Рио-Гранде-де-Сантьяго и от схваченного там испанца узнали о существовании города Сентикпак, находящегося в 15 милях в глубь страны. Сван, который все еще очень нуждался в пополнении запасов продовольствия для своего предстоящего круиза через Тихий океан, на восьми каноэ с командой в 140 человек поплыли вверх по реке и далее сухопутным путем добрались до города Сентикпак и 26 февраля захватили его, не встретив сопротивления. Там они нашли большое количество кукурузы, начали перевозить ее на лошадях к своим каноэ. Пока пираты перевозили кукурузу, большой отряд испанцев из засады перестрелял 50 буханьеров, что составляло четвертую часть всей команды Свана. Те же, кому посчастливилось выжить, добрались до каноэ и на веслах вернулись к своим кораблям. Сван еще до сражения освободил 20 пленников, но еды не было, и пираты умирали от голода и ели собак, кошек и лошадей.

3 марта Сван покинул материк, взяв курс на Нижнюю Калифорнию. Однако его отнесло к островам Лас-Трес-Мариас, где он провел почти три недели (с 17 марта по 5 апреля) и кренговал два своих судна в восточной части острова, носящего имя Марии Магдалены. Далее команда вернулась в Валь-де-Бандерас, чтобы пополнить запасы воды, и 10 апреля 1686 года пиратские суда покинули мыс Корриентес, начав длительный путь через Тихий океан. Команда Свана подняла мятеж на Филиппинах, и вскоре после этого Сван был убит. Дампье и другие члены команды достигли берегов Англии на другом судне.

После того как Тоунлей расстался со Сваном, он был замечен испанцами у берегов Закатулы в начале февраля 1686 года. Несколько дней спустя в 20 лигах от Акапулько он высадил на берег пленных и сжег свой барк. Возможно, он сделал это потому, что тот был в плохом состоянии, либо потому, что больше не нуждался в нем из-за уменьшения численности команды. Четверо из людей Тоунлея где-то в районе этих мест были захвачены испанцами и в апреле переправлены в город Мехико. В следующий раз Тоунлей и его команда попадают в поле нашего зрения в марте 1686 года, когда они вошли в залив Никоя.

Франсуа Гронье, которого мы оставили с 340 французскими буханьерами на острове Коиба в июле 1685 года, возможно, был одним из самых неудачливых капитанов за всю историю пиратства. Когда англичане покинули его, у Гронье было три небольших судна и несколько пирог. Проблема, беспокоившая его больше всего, заключалась в том, чтобы вовремя найти достаточное количество продовольствия, дабы избавить свою команду от голода. Несколько испанских поселений вдоль побережья Верагуа привели в боевую

---

⁶ Бушель – мера емкости, равная 36,3 литра.

готовность, по берегу выставили наблюдательные посты, а весь рогатый скот с побережья вывели внутрь страны. Всякий раз, когда наблюдатели замечали буханьеров на горизонте, местные жители в спешке покидали свои жилища, унося все продовольствие и ценные вещи и уничтожая все, что вынуждены были оставить.

Гронье не разрешал своим людям тратить драгоценный порох на охоте, и, по всей видимости, они не были искусными рыбаками, поэтому всегда находились на грани голодания, так что вопрос продовольствия для них всегда был актуален.

В августе–сентябре 1685 года Гронье со 120 пиратами команды совершили набег на ранчо, расположенное на побережье, и увезли с собой два барка, груженные зерном, которое голодные пираты ценили выше золота. Во время отсутствия этой группы их товарищи второй раз за два месяца напали на Пуэбло-Нуэво, но не нашли там ничего, что представляло бы для них ценность. В начале сентября пираты разграбили фабрику по переработке сахарного тростника около Сантьяго-Верагуа. 8 октября, после того как буханьеры отремонтировали и очистили свои суда, они покинули остров Коиба и через две недели подошли к Реалейе.

До 1 ноября плохая погода не позволяла им войти в гавань на своих каноэ. Позже, войдя в нее, они увидели полуразрушенные брустверы вдоль берега, а затем их взору предстала покинутая и опустошенная Реалейя – результат недавнего набега англичан. Они продолжили свой путь. По дороге к Леону пираты были предупреждены, что город находится под защитой 2 тысяч солдат, поэтому решили вернуться к своим судам и 10 ноября покинули гавань. В течение нескольких последующих дней команда совершала набеги на опустошенные фермы вдоль побережья.

14 ноября отряд численностью в 150 человек после непродолжительного сражения захватил Пуэбло-Визйо (маленький городок к северу от Реалейи), где они обнаружили большое количество провизии. Во время же следующего рейда они взяли заложников, а позже, не получив требуемого выкупа, в качестве которого требовали продовольствие, убили некоторых из них. 24 ноября французы получили письмо от испанцев, в котором говорилось, что непродолжительная война между их странами закончилась, и им предлагалось покинуть акваторию Южного моря и под охранным свидетельством проследовать в Карибский бассейн. Без сомнения, Гронье был бы рад принять это предложение, но вынужден был отвергнуть его, так как некоторые из его людей опасались оказаться в западне, даже не предполагая, что между их странами шла война. (Война между Испанией и Францией началась за год до описываемых событий.)

28 ноября пираты, высадив на берег 30 пленных испанцев, покинули побережье Никарагуа. Их набеги в этом регионе обернулись полной неудачей. Испанцы всюду были во всеоружии и фактически не оставляли ничего, что могло бы представлять для врага хоть какую-то ценность. В декабре Гронье послал отряд из 71 человека на трех каноэ на поиски продовольствия в залив Кулебра, что выше Никои, но эта вылазка тоже не принесла желаемых результатов.

Четыре дня спустя пираты обогнули залив Никоя и бросили якорь в бухте Кальдера, но отряд, снаряженный ими для разграбления Эспарзы, узнав, что город очень хорошо защищен, вернулся с пустыми руками. Затем команда, испытывающая жуткий голод, поймала несколько лошадей и съела их, а позднее им посчастливилось найти бананы, которые росли недалеко от берега.

Из Никои французы, терзаемые голодом, поплыли на юг, к Чириките (по всей вероятности, имеется в виду поселение Сантьяго-Аланье или Чирики в провинции Верагуа). Пиратский десант, высадившийся на берег 22 декабря, был обращен в бегство отрядом испанцев, значительно превосходящим его своей численностью. На время ретировавшись на остров Коиба, пиратский десант пополнил свою численность до 230 человек и на рассвете 9 января 1686 года предпринял вторую попытку захвата Чирикиты, что увенчалось успехом. В схватке было убито много испанцев, город был предан огню, а оставшиеся в живых жители были взяты пиратами как заложники. Через неделю продовольствие, которое буханьеры

запросили в качестве выкупа, было им выдано, и десант вернулся на остров Коиба. К концу месяца испанская карательная экспедиция высадилась на острове у лагеря пиратов и сожгла их единственное большое судно. Французы же на двух маленьких барках скрывались в это время совсем неподалеку. Барки, оставшиеся у буканьеров, теперь были практически бесполезны, поскольку они не имели парусов.

Отчаявшийся Гронье решил совершить еще один рейд к берегам Никарагуа. 14 марта 1686 года он с 300 уцелевшими пиратами на двух барках, галиоте в 40 весел и нескольких пирогах покинул остров Коиба. Пиратский десант снова был направлен на берег с целью овладеть городом Пуэбло-Нуэво, но в бою с испанским кораблем, стоявшим в устье реки, они потеряли 4 человек и 33 человека были ранены.

Другие набеги, совершенные пиратами западнее вдоль побережья, носили преимущественно спонтанный характер. Войдя в Эспарзу, они нашли ее опустошенной и заброшенной людьми, которые, забрав весь свой скарб, ушли в город Картаго. 23 марта команда Гронье, пребывающая в заливе Никоя, встретила с капитаном Тоунлеем, только что с капитаном Сваном вернувшимся из длительной экспедиции вдоль побережья. Две пиратские банды объединились и отправились на своих каноэ к берегам Никарагуа в запланированные набеги, оставив несколько человек охранять свои суда.

Команда, состоявшая из 345 человек, причалила к берегу, выбрав для этого пустынное место, а далее проследовала пешком в Гранаду. 10 апреля 1686 года, несмотря на энергичное сопротивление местных жителей, пираты взяли город. Здесь было установлено большое количество укреплений и брустверов, а его защитники имели в своем распоряжении более дюжины орудий. В этом сражении буканьеры потеряли четырех человек, а враг, по их утверждению, как всегда, «понес большие потери». После сражения набожные пираты или, по крайней мере, их «французская часть» отслужили в соборе победный благодарственный молебен. Но в конечном счете эта победа оказалась бессмысленной и не принесла пиратам желаемых результатов.

Испанцы загодя вывезли все ценные вещи и пищевые запасы на остров в озере Никарагуа, и пираты обнаружили в городе лишь немного продовольствия. Так как пиратам не приходилось рассчитывать на какой-либо выкуп, они сожгли город. 15 апреля пиратский десант покинул город таким же голодным и столь же бедным, как и вошел в него, и направился к побережью через Масайю по дороге, досаждаемый «двумя тысячами пятьюстами испанцами». К 26 апреля последняя часть пиратов, отставших от основного отряда, добралась до берега и, сев на свои суда, отправилась в Реалейю, где команда бросила якорь два дня спустя. 28 апреля пираты во второй раз захватили Пуэбло-Визйо, а 5 мая ими был разграблен и сожжен город Чинандега. Но как обычно, испанцы успели вывезти или уничтожить все продовольственные запасы и ценные вещи еще до прихода буканьеров.

Возвратившись на свои суда, стоящие в гавани Реалейи, пираты, согласно неписаным законам, раздали по 7600 песо десяти своим товарищам, ставшим инвалидами во время набегов. Де Люссан в очерках о своем походе пишет, что это были «фактически все деньги, которыми обладала команда», что, нужно заметить, являлось довольно скудным «уловом» за более чем год пиратства. Кроме того, что у буканьеров был общий фонд, пираты оставляли себе лично награбленные ценные вещи и ювелирные изделия, которыми расплачивались в ходе азартных игр и за развлечения. Де Люссан говорит, что серебро не было в цене среди пиратов и часто игнорировалось буканьерами и в опасности оставлялось из-за своего веса.

На этой низкой отметке их благосостояния Тоунлей и Гронье решили расстаться. Половина французов – 148 человек – решила идти вместе с Тоунлеем и его командой, насчитывавшей 115 пиратов. Около 145 французов осталось с Гронье, который решил переждать сезон дождей в заливе Амапала, а затем следовать в Карибское море. 19 мая 1686 года пиратские флотилии отчалили от берегов Реалейи и разошлись по выбранным маршрутам. Когда команды разошлись, де Люссан покинул Гронье и перешел в команду Тоунлея.

Нам мало что известно о действиях Гронье в течение следующих восьми месяцев.

Очевидно, большую часть этого времени он провел на одном из островов в заливе Амапала. Вскоре после того, как пираты прибыли туда, 112 человек из их команды вошли внутрь страны и захватили 450 фунтов золота на одном из золотодобывающих рудников на полпути к Тегусигальпе. Позднее, сев на каноэ, они поднялись по реке к Пуэбло-Визйо, что в Никарагуа, который и был ими разграблен в третий раз. В июне или июле 1686 года большая часть людей Гронье дезертировала и уплыла на север на одном барке и нескольких пирогах. Часть этой группы осталась на островах Лас-Трес-Мариас и провела там более трех лет. Так как это были последние из пиратов, оставшиеся в акватории Тихого океана, их история будет поведена читателю в конце этой главы.

Тоунлей на своих двух судах с командой в 260 человек провел три дня в заливе Кулебра, где на трех фермах, находящихся неподалеку, наконец смог раздобыть большое количество продовольствия. Затем команда подняла якоря и направилась на юг к острову Коиба, где пополнила запасы воды и древесины. 13 июня пираты покинули остров и спустя десять дней высадились на берег в западной части Панамского залива и захватили, а затем сожгли поселение Виллия (Вилла-де-лос-Сантос). Там они нашли 15 тысяч песо в золоте и серебре, но позднее все эти деньги были потеряны, когда несколько пиратов попали в засаду, устроенную испанцами. В целом потери пиратов после стычки составили 14 человек убитыми. В отместку за это буканьеры на месте отрубили голову четверем пленникам, а затем, когда алькальд-мэр начал пререкаться с ними по поводу выкупа, казнено было еще двое испанцев. По всей видимости, эти меры впечатлили испанцев, которые за оставшихся заложников выдали грабителям 11 тысяч песо, 100 фунтов гвоздей и немного продовольствия.

4 июля 1686 года Тоунлей и его флот покинули окрестности Вилла-де-лос-Сантос и пустились в поиски безопасного места для пополнения запасов воды. 22-го числа в районе Жемчужных или Королевских островов они захватили небольшой барк. В начале августа они захватили еще одно судно в Панамской гавани и в поисках добычи обыскали остров Табога; в это же время пиратский галиот вошел в реку Чепо и захватил испанский барк. Далее на период последующих нескольких месяцев буканьеры фактически блокировали Панаму, парализовав всю торговлю.

Пираты с острова Табога отправили письмо президенту аудиенции Панама с требованием освободить захваченных ранее испанцами одного французского и четырех английских пиратов в обмен на 50 испанцев, схваченных ими. Не дождавшись ответа, часть пиратов осталась на Жемчужных островах чинить суда, в то время как другая группа в период с 9 по 14 августа была направлена в залив Сан-Мигель, где захватила испанский барк. Результатом столкновения, со слов де Люссана, явилось паническое бегство испанцев, бросивших «много раненых и убитых».

За несколько месяцев до рассматриваемых событий испанские власти в Панаме смогли заключить мир с индейцами, живущими в диких краях за городом Чепо. Тем самым они добились того, что маршрут, недавно используемый пиратами для перехода от берегов Карибского моря к Тихому океану, был для них надежно закрыт. Несколько отрядов, попытавшихся вторгнуться в эти края, были захвачены испанцами и их новыми союзниками.

Тем временем в Панаме испанцы для борьбы с пиратами подготовили и снарядили два судна и один баркас, которые вскоре вышли в море, и на рассвете 22 августа 1686 года встретились с врагом у острова Табога. Завязавшийся бой завершился лишь во второй половине дня. Буканьеры выиграли сражение, захватив оба испанских судна и посадив на мель баркас. Со слов де Люссана, около 100 испанцев было убито и ранено. У пиратов же был убит всего один человек и 22 ранено, но большинство из них умерло вскоре после сражения. Причиной такой высокой смертности среди раненых, опять же со слов де Люссана, стало то, что испанцы отравили свои пули! Среди раненых также был и капитан Тоунлей, который умер 9 сентября.

Оправившись после сражения, пираты с острова Табога послали еще одно письмо президенту Панама с требованием немедленно освободить пять плененных пиратов. На это

президент ответил холодным отказом, в то время как в письме от епископа Панамы, которое имело более примирительный характер, говорилось, что пленники, будучи римскими католиками, не желали быть освобожденными. Команда Тоунлея, приведенная в ярость выжидательной тактикой испанцев, отрубила голову 20 испанским пленникам и послала их президенту с предупреждением о том, что если в течение двадцати четырех часов пираты не получат свободу, остальных испанских пленных в количестве 90 человек постигнет та же участь. Напуганный президент тут же выполнил их требования, после чего пираты, освободив 12 испанцев, потребовали 20 тысяч песо в качестве выкупа за остальных. 4 сентября состоялся обмен, хотя сумма выкупа была уменьшена до 10 тысяч мексиканских долларов.

После смерти Тоунлея капитаном пиратской эскадры был избран француз Ле Пикард. После непродолжительной остановки на острове Оток 10 сентября флот взял курс на Жемчужный архипелаг, где, проведя более месяца, команда кренговала суда и пополняла запасы продовольствия. За это время буханьеры захватили еще одно судно с грузом продовольствия из города Ната. Затем, совершив набеги на сахарный завод около Панамы и на город Лос-Сантос в конце октября, флот покинул Панамский залив и 16 ноября 1686 года снова бросил якорь у острова Коиба.

К тому времени пиратский флот состоял из нескольких барков, одного галиота, большого количества пирог и небольших каноэ. Эскадра, у которой было всего четыре бортовых орудия и несколько носовых пушек, испытывала явный недостаток в артиллерии. Личный состав пиратской команды уменьшился приблизительно до 240 человек, около 50 из них составляли англичане, а остальные, соответственно, французы. Что же касается морских сил испанцев в Панаме, то, со слов де Люссана, они имели в своем распоряжении два трехпалубных судна с 18 орудиями на каждом и одну галеру с 52 веслами и 5 пушками, установленными на вертлюгах.

20 ноября пиратская братия покинула остров Коиба и отправилась в Верагуа, где, войдя в глубь материка, они захватили еще пленных и в поисках добычи обыскали несколько небольших поселений. То, что между французской и английской частью пиратов существовали определенные трения и разногласия, подтверждает тот факт, что последние настаивали на разделе лодок и артиллерии, что и было сделано. 11 декабря 1686 года пиратский флот вошел в залив Бока-дель-Торо (согласно описанию де Люссана, это был залив Дульче) на юге Коста-Рики. Осмотрев окрестности, буханьеры не нашли там никого, кроме индейцев, враждебно настроенных к испанцам. Здесь они остановились и провели три недели, в течение которых кренговали свои суда и мастерили лодки, выдалбливая их из цельных стволов деревьев.

Следующим местом, которое пираты удостоили своим вниманием, был залив Никоя. 6 января 1687 года флот подошел к берегу, от которого его отделяла топь с мангровыми деревьями, и когда пираты спрыгнули на землю с лодок, то оказались по горло в грязи. Покинув это место, они вошли в реку, а далее пешком проследовали пять лиг и 7 января подошли к городу Никоя. После непродолжительного сопротивления, оказанного пиратам, они взяли город и разграбили его. Кроме серебра и продовольствия, найденного в городе, буханьеры взяли заложников, за которых затребовали выкуп, и вернулись на свои суда. В период с 22 января до середины февраля, пока одна часть команды кренговала суда на маленьком острове в заливе, другая совершила набег на Эспарзу и в поисках добычи рыскала по округе. 16 февраля грабители сожгли Никую, так как местные жители не смогли собрать требуемый выкуп. 26 января к команде Ле Пикарда присоединился Франсуа Гронье со своим отрядом немногим более 50 человек, которые в это время совершали рейд вдоль побережья вниз от залива Амапала на трех каноэ.

Полностью исчерпав донорскую способность Центральной Америки, буханьеры решили переключить свое внимание на ее южную часть и совершить набег на Гуаякиль. Во время обсуждения этого проекта между двумя группировками произошел разлад, в результате которого к Гронье примкнули все англичане и 50 французов из команды Ле

Пикарда. 24 февраля 1687 года обе группы, на небольшом судне каждая, покинули залив Никоя. Группа Гронье насчитывала 142 человека, а команда Ле Пикарда – 160. Во главе английской группы пиратов стоял Жордж д'О, он же Джордж Хафф.

Западное побережье Центральной Америки, понесшее большой ущерб в результате разграблений и пиратского разгула, было на четыре месяца избавлено от пристального внимания последних. В Эквадоре буканьеры совершили успешный набег на Гуаякиль, Гронье был убит, а большинство англичан перешло в команду Эдварда Дэвиса, который подошел к тем местам на своем «Batchelor's Delight». Под командованием Ле Пикарда теперь уже находилось около 260 пиратов, включая 20 французов, которые до этого времени входили в состав команды Дэвиса.

Пять маленьких судов Ле Пикарда (к тому времени он захватил несколько судов) были серьезно повреждены в бою с испанцами в конце мая у берегов Эквадора. Не желая рисковать, совершая длительный круиз вокруг Южной Америки, пираты решили возвратиться в центральную ее часть, с тем чтобы при первой же возможности сухопутным путем добраться до Карибского моря. 16 июля 1687 года горный ландшафт позади Реалейи снова предстал взорам джентльменов удачи, и эскадра, взяв курс на залив Амапала, 23 июля бросила якорь у острова Тигре. Все острова в заливе теперь были покинуты людьми, а последние, согласно политике, проводимой властями, не оставляли за собой ничего, что могло представлять ценность для пиратов. Две недели спустя к Ле Пикарду присоединились 30 пиратов, за год до этого покинувшие Гронье. В окрестностях Акапулько они развернули свой барк и за несколько месяцев до рассматриваемых событий вернулись в залив Амапала. После боя с испанцами буканьеры укрылись на одном из многочисленных островов залива, в то время как большая военная галера и несколько испанских пирог скитались в их поиске в водах залива.

Теперь, откренговав свои суда, Ле Пикард решил плыть на северо-запад, с тем чтобы найти французских пиратов, которые все еще находились на побережье Мексики. 10 августа 1687 года пиратский флот покинул залив, прошел мимо Акахутлы и 27 августа подошел к Теуантепеку. Десант в 180 человек на каноэ во время прибою пристал к берегу и направился к городу Теуантепек, который и был взят ими после непродолжительной стычки 30 августа. Но пираты не получили требуемого выкупа и 3 сентября покинули город.

Между тем суда вошли в покинутую гавань Гуатулько, а их команды в поисках добычи разорили и опустошили близлежащие окрестности. По всей видимости, буканьеры использовали Гуатулько в качестве плацдарма для своих грабительских вылазок в течение почти трех месяцев. Радиус их набегов простирался до 20 лиг западнее Акапулько, а к востоку достигал города Хуамелула. 20 ноября пираты, которые так и не смогли отыскать своих товарищей и найти богатую добычу, подняли якорь и поплыли назад к заливу Амапала. На обратном пути одна из пирог в устье подошла к берегу на 15 лиг с подветренной стороны к городу Сонсонат, где стояла судовая верфь. 10 декабря после непродолжительной потасовки с испанцами пираты удрали с награбленным продовольствием и разной утварью. Где-то в середине декабря 1687 года флот в очередной раз бросил якорь в заливе Амапала.

На этот раз пираты уже были преисполнены решимости идти обратно через Центральную Америку к Северному морю. Они провели много времени в подготовке к этому трудному переходу, а также пытали пленных в надежде получить информацию, которая помогла бы им наиболее удачно спланировать маршрут. 24 декабря они затопили свои суда, и 2 января 1688 года 280 буканьеров начали путь в глубь материка к истокам реки Сеговия. После двухмесячного перехода большинство из них достигли мыса Грасьяс-Дьос в Карибском море.

Единственными пиратами, остающимися к тому времени в бассейне испанских тихоокеанских вод, была небольшая банда, которая, если помнит читатель, покинула Гронье в июне или июле 1686 года, чтобы испытать свою удачу в калифорнийских водах. Мы уже знаем, что 30 из них, приведенные в полное уныние, возвратились в залив Амапала.

Оставшиеся же 55 человек на своем «маленьком гнилом барке, который вряд ли смог бы уплыть далеко, не развалившись надвое», плыли по ветру, пока не пристали к островам Лас-Трес-Мариас осенью 1686 года.

Роблес, подтверждая и дополняя утверждения де Люссана о том, что буханьеры высадились на берег в южной части Мексики всего один раз, говорит, что три вражеских судна появились у берегов Гуатулько в июле 1686 года. В декабре 1686 года властям было доложено о неких трех судах, замеченных неподалеку от берегов Нуэва-Галисии.

Вести о прибытии в регион еще одного врага вызвали вполне предсказуемую реакцию в Новой Испании. Гарнизоны в нескольких прибрежных городах были усилены, а владельцам ранчо был отдан приказ немедленно увести весь рогатый скот в глубь страны. Вице-король отправил небольшое судно, чтобы предупредить об опасности манильский галеон, который в 181 то время должен был отправляться на Восток. Это судно подошло к Сан-Лукасу и 25 февраля 1687 года вернулось обратно в Акапулько, не встретив ни пиратов, ни галеона, так как поход последнего был отменен.

Пираты на островах Лас-Трес-Мариас нашли для себя прекрасное убежище, а также использовали их как плацдарм для набегов на материк. Острова были необитаемы и редко посещались испанцами, у которых к тому же было недостаточно судов для таких вояжей. На островах была пресная вода, огромное количество рыбы, дичи и «густые рощи из больших кедровых деревьев», которые можно было использовать для построения пирога. Там же были удобные гавани и подходящие берега для кренгования судов. Мыс Корриентес, расположенный прямо по курсу следования манильских галеонов, находился на расстоянии 70 миль от островов. Буханьеры могли преодолеть это расстояние всего за один день.

Очевидно, ремонтируя свое небольшое судно и пополняя флот пирогами, пираты провели на островах несколько месяцев. Есть сведения, указывающие на то, что на острова прибыло еще одно судно с группой пиратов и присоединилось к ним. По всей видимости, около 40 французских буханьеров, обогнувших Южную Америку в начале 1687 года на 100-тонном судне, в сентябре присоединились к группе пиратов с островов Лас-Трес-Мариас. Более поздние испанские источники оценивают количество буханьеров от 80 до 100 и более человек. Первые активные действия со стороны пиратов в источниках, дошедших до наших дней, были датированы 1687 годом, то есть через год после их прибытия. Эти источники упоминают о двух набегах, один на Масатлан (точная дата неизвестна), а другой на Навидад в сентябре того же года. «Более ста» пиратов (согласно испанской версии) высадились в порту Масатлан и пошли в сторону форта. Маленький гарнизон отступил, а буханьеры, овладев поселением, находились в нем еще в течение трех дней. В ответ на отказ испанцев выплатить требуемый выкуп пираты перед возвращением на свои суда сожгли церковь и все дома поселения. Это противоречит частым утверждениям де Люссана, что французские пираты уважали религию и церкви. Возможно, в этой группе буханьеров находилось несколько англичан. Второй набег произошел в заливе Навидад в середине сентября. Восемь пирога с пиратами вошли в порт и взяли несколько заложников, потребовав за их освобождение 40 коров.

Узнав о набегах, вице-король на поимку пиратов направил три судна, на борту которых находилось 207 солдат и офицеров. Эта эскадра покинула Акапулько 15 ноября 1687 года и, не добившись намеченной цели, возвратилась в начале января следующего года. Ввиду того что властям не было известно о том, что вояж манильского галеона, который должен был плыть на восток, был снова отложен, два из этих судов вышли в море, чтобы охранять его. Они дошли лишь до мыса Корриентес и возвратились в Акапулько 13 февраля.

В июне 1688 года буханьеры, войдя в Калифорнийский залив, проследовали в Нижнюю Калифорнию, в залив Ла-Пас, где и провели три месяца, кренгуя свои суда. 14 ноября того же года они напали на город Акапонета. Согласно испанским источникам, в нападении участвовало около 80–90 пиратов, высадившихся с одного судна среднего размера, одного маленького судна с одной палубой и одной мачтой и баркаса. Затем они прошли в глубь материка и напали на город. Они убили несколько человек и покинули город с добычей в 20

каргас, что соответствует эквиваленту веса груза, поднимаемого одним осликом, серебра, а также увели с собой пленников. Среди них было 40 женщин и два священника. Затем буханьеры спрятались на близлежащем острове Палмито и запросили выкуп за заложников в размере 100 тысяч песо.

Вице-король снова решил прибегнуть к силе. На этот раз для поимки пиратов он выслал один корабль, на борту которого находилась команда из 143 солдат и офицеров под командованием генерала Антонио де Мендосы. Покинув Акапулько 17 декабря, испанцы встретили один из манильских галеонов под названием «Nuestra Senora del Pilar» («Нuestra Сеньора дель Пилар») и узнали, что вслед за ним шел еще один галеон, который значительно превосходил последний своими размерами. 23 января 1689 года корабль Мендосы подошел к пиратскому судну. Завязавшийся бой длился с 9 утра до 2 часов дня, после чего в течение двух дней испанцы преследовали пиратов, пока те не скрылись из вида. Затем Мендоса вошел сначала в Матанчел, а затем в Навидад, где встретил только что прибывший из Манилы второй галеон под названием «Santo Christo de Burgos» («Санто Кристо де Бургос»). Несмотря на то что Мендоса знал, что пираты скрывались на островах Лас-Трес-Мариас, он решил сопровождать галеон на его пути в Акапулько, куда они и прибыли 15 февраля. Пиратский источник говорит, что 22-орудийный испанский военный корабль скрылся после сражения, в котором французы потеряли 2 человек убитыми и 18 ранеными.

Тем временем пираты подошли к городу Росарио и оставили там сообщение о том, что, если власти без промедлений не выплатят им выкуп, они казнят всех заложников. В начале мая 1689 года до Гвадалахары дошло душераздирающее письмо от падре Агуилара, который был одним из заложников. Буханьеры отрезали ему уши и нос, и несчастный священник просил, чтобы его пленителям выдали то, что они просят: деньги и табак. Остальные же испанцы, которых пираты держали в заложниках на островах, сумели бежать в лес, где они построили лодку и добрались до Чамелы. Один из них находился в плену у пиратов в течение года и восьми месяцев. С его слов, команда буханьеров насчитывала 92 человека и имела маленькое судно с 8 орудиями и большое каное с 24 веслами. Пираты сказали ему, что были посланы в эти края королем Франции, также им был подслушан разговор, из которого он узнал, что буханьеры собираются вернуться в Перу, а затем плыть на Филиппины.

Но, судя по данным, дошедшим до нас, пираты сконцентрировали свое внимание на небольшом регионе, находящемся в непосредственной близости от островов Лас-Трес-Мариас. В середине 1689 года епископ Гвадалахары писал, что их набеги опустошили провинции Акапонета и Сентикпак, которые «теперь почти разрушены, хотя прежде они были очень богаты и процветали», и что они причинили большой ущерб руднику в Росарио.

В мае 1689 года французы покинули берега Акапонеты, освободив всех пленников, за исключением трех мужчин, одним из которых был францисканский священник. Нам неизвестно, получили ли они требуемый выкуп. Позднее в том же месяце они подошли к берегам Салагуа, где освободили францисканца и еще одного заложника.

18 июля 1689 года флот вице-короля снова вышел из Акапулько. На этот раз эскадра состояла из трех судов, на борту которых под командованием генерала Андреса де Арриолы находилось 327 солдат и моряков. Флоту был дан приказ захватить пиратов любой ценой. Они зашли в Салагуа и Навидад, 18 августа подошли к мысу Корриентес, затем вошли в воды залива Бандерас и поплыли к островам Лас-Трес-Мариас. Здесь они провели три дня, тщательно осматривая гавани, но буханьеры исчезли. 24 августа в Матанчеле до Арриолы дошли слухи, что незадолго до этого пиратов видели на реке Яки и что затем те направились в Ла-Пас, в Нижнюю Калифорнию. Испанский флот устремился на север и в середине сентября подошел к реке Яки. Там он был настигнут ураганом и отнесен назад к реке Синалоа. Вероятно, Арриола решил не преследовать пиратов в Калифорнии. Он возвратился на юг, еще раз подошел к островам Лас-Трес-Мариас в конце октября, а 20 ноября бросил якорь в Акапулько. Он пришел к мнению, что пираты уже покинули эти края и находятся на пути к Перу. Манильский галеон, по всей видимости, без всякого эскорта достиг берегов Акапулько 19 декабря 1689 года.

Нам мало что известно о дальнейших действиях пиратов с Лас-Трес-Мариас. Они были слишком малочисленны для того, чтобы предпринять попытку захвата манильского галеона. В округе уже не было мест, на которые можно было бы совершать набеги, и теперь, когда их было так мало и они находились одни среди враждебного моря, у них не было никакого желания сражаться с испанским флотом. Вполне вероятно, что буханьеры поплыли в Нижнюю Калифорнию, чтобы кренговать свое судно, перед тем как направиться на юг. Иезуит П. Сигизмундо Тараваль, который, по всей видимости, писал в 1740-х годах, говорит, что остров Пичелингов (около Ла-Паса) был назван в честь пирата, который «давным-давно, еще до завоевания», кренговал там свое судно. Под завоеванием, вероятно, имеется в виду захват Калифорнии иезуитами, начиная с 1697 года.

В начале 1691 года некие рыбаки, посетившие острова Лас-Трес-Мариас, нашли остатки верфи и тай-ник с провизией, оставленный пиратами, что может указывать на то, что они выплыли непосредственно из Ла-Паса, не желая рисковать и еще раз появляться на своей старой базе. По всей видимости, они покинули акваторию Мексики в начале 1690 года, далее поплыли к островам Хуан-Фернандес, где поделили награбленное добро, которое составляло по 8 или 9 тысяч песо на человека. Затем добрались до Перу и захватили несколько судов, на борту одного из которых находилось большое количество золота и серебра.

Фроджер говорит, что, прежде чем достичь островов Хуан-Фернандес, пираты находились в Тихом океане уже семь лет. Барни в «Хронологической истории» сообщает, что английский капитан Стронг, находясь у берегов Гуаякиля 21 августа 1690 года, «узнал, что некий французский привати́р⁷ причинил огромный ущерб этому побережью за последние шесть недель». При попытке возвратиться в Атлантику они потерпели кораблекрушение в Магеллановом проливе, потеряв большую часть своих сокровищ. Далее они провели десять холодных месяцев, строя лодку из тех обломков, которые остались после крушения их судна. Менее двадцати буханьеров, которые остались в живых, кое-как добрались до Вест-Индии в 1692 году. Фроджер в своем произведении говорит, что они достигли Кайенны, и одна из групп вернулась во Францию до 1695 года и предоставила информацию, которую он смог использовать в своих произведениях.

Английские привати́ры и контрабандисты

После Рэтисбонского соглашения, подписанного в 1684 году, карибским буханьерам день ото дня становилось все труднее заниматься своим гнусным ремеслом. Теперь во многих портах вместо радушного приема, некогда оказываемого им, их ждала виселица. Однако в это время Европа переживала запутанный период заключения союзов и войн, который позволял некоторым пиратам продолжить свою деятельность под видом законных привати́ров. К концу 1688 года голландец Вильям Оранский делил английский престол, и традиционные враги Испании – Голландия и Англия – объединились с ней в борьбе против Франции. Этот союз, на несколько лет лишивший окруженную врагами Францию возможности направлять своих привати́ров в воды Тихого океана, почему-то не помешал компании английских торговцев отправить капитана Джона Стронга в Южное море под предлогом борьбы с французским присутствием в этом регионе.

У Стронга было хорошо вооруженное судно и большое количество разнообразного европейского товара для ведения контрабандной торговли с испанскими колониями. Он вошел в Тихий океан через Магелланов пролив в мае 1690 года, и, несмотря на то что в некоторых портах англичанам оказывался враждебный прием, ему удалось довольно быстро реализовать большую часть своего товара в Перу и Эквадоре. Каково же было удивление Стронга, когда он узнал, что в Тихом океане действительно побывало французское судно. Это было крохотное судно, на котором пираты с островов Лас-Трес-Мариас возвращались

---

⁷ Привати́р – разбойник на службе у государства.

домой. Стронг вернулся в Атлантику в конце 1690 года.

Тем временем Новая Испания, наконец, начала предпринимать реальные шаги для защиты своего тихоокеанского побережья. Исключительно с целью защиты мексиканских портов от пиратских набегов и обеспечения безопасности судоходства в этом регионе в Реалейе было построено два небольших галиота или галеры. Флагманскому судну было дано удивительное имя «Jesus Nazareno Santo Domingo y San Caspar». («Хесус Насареньо Санто Доминго и Сан Гаспар»). Меньшее судно под названием «Nuestra Seftora de la Soledad y San Francisco de Paula» («Нуэстра Сеньора де ла Соледад у Сан Франсиско де Паула»), длиной в 46 футов, имело 28 весел, а личный состав, не считая гребцов, насчитывал 50 солдат.

Эти суда не могли быть укомплектованы большим количеством артиллерии, скорее всего, на своих бортах они несли несколько легких орудий на вертлюгах, но их маневренность делала их незаменимыми для нанесения внезапных и молниеносных ударов. Первый из галиотов достиг Акапулько в декабре 1690 года, а второй – в марте 1691 года. В течение нескольких последующих лет они патрулировали побережье от Гуатулько до Нижней Калифорнии и эскортировали манильский галеон.

Последний теперь был уже лучше оснащен для самообороны. На его борту находилось от 10 до 30 тяжелых пушек и большое количество перьер, которые поднимались из трюма и монтировались к борту, когда судно по дороге на Восток подходило к побережью Верхней Калифорнии. Старый приказ держаться как можно дальше от берегов вплоть до приближения к Акапулько в 1690-х уже не выполнялся. Обычно в эти годы манильские суда при подходе к материка, до пересечения Калифорнийского залива и подхода к мысу Корриентес, сначала появлялись у мыса Сан-Лукас. Один или оба галиота береговой охраны ждали их около одного из этих мысов, а затем сопровождали до Акапулько. Вест о том, что пираты находятся у побережья Перу, заставила вице-короля осенью 1692 года направить оба галиота навстречу манильскому судну. Однако никаких следов пребывания пиратов в этих местах ими обнаружено не было. А ожидание манильского гиганта двумя судами береговой охраны у вод Калифорнийского залива оказалось напрасным, так как он во время своего обратного похода в западном направлении потерпел кораблекрушение. В ноябре–декабре 1694 года у берегов Салагуа, Акапулько и на побережье Соконуско были замечены суда, принятые ошибочно за пиратские, о чем сразу же было доложено властям. Вице-король снова направил свои галиоты на перехват врагу, один из которых дошел до островов Лас-Трес-Мариас. Позднее было установлено, что это три перуанских судна с грузом какао, сопровождаемые самим манильским галеоном, который намеренно обошел Акапулько, чтобы незаконно продать товар в Перу.

Когда в июне 1695 года война против Франции, которую вел король Вильям, завершилась, французы наконец получили долгожданную возможность направить свой флот в Тихий океан. Мощная эскадра из шести судов под командованием де Женне вышла из Ла-Рошеля с целью совершать набеги на испанские порты и грабить суда в Южном море. Однако эта кампания потерпела полное фиаско. Погода в Магеллановом проливе показалась де Женне настолько ужасной, что он оставил свою затею и весной 1696 года вернулся в воды Атлантики.

Рисвикский мир, заключенный в 1697 году, положил конец военным действиям между Испанией и Францией. В следующем году французская компания «Compagnie royale de la mer du sud» снарядила два корабля с 50 орудиями на каждом и несколько судов меньшего размера для ведения контрабандной торговли в Южной Америке. Командование экспедицией было возложено на офицера военно-морских сил де Бошес Гуана. Два больших судна в январе 1700 года вошли в Тихий океан через Магелланов пролив и продолжили свой путь на север, но, подойдя к побережью Вальдивии, были встречены залпами испанских орудий и вынуждены были ретироваться. Как только вице-королю Перу сообщили о появлении незваных гостей, навстречу им был выслан флот из Кальяо. Но, несмотря на это, де Бошес Гуану удалось продать весь свой товар в городах Арика и Ило, до того как он нашел убежище на Галапагосских островах в июне 1700 года. А в январе следующего года

он вернулся в Атлантику.

Во время войны Большого альянса (в который входили Англия, Голландия, Дания, Австрия, а позднее и Португалия) против Франции, Испании и нескольких маленьких княжеств Италии и Германии в 1702–1713 годах Испания была полностью блокирована англичанами и не имела возможности поддерживать связь со своими колониями. На протяжении всего периода ведения военных действий и даже в течение нескольких лет после ее окончания новый союзник Испании – Франция – получила возможность вести выгодную торговлю с испанскими колониями в Америке.

От 10 до 20 французских судов ежегодно подходили к западному побережью Перу, а некоторые из них даже достигали тихоокеанских берегов Новой Испании. Несмотря на то что эти рейды вряд ли можно было назвать пиратскими или даже контрабандистскими, хотя они и были не совсем законны, мы все же рассмотрим историю нескольких французских вояжей к мексиканским портам в Тихом океане. Вильям Дампье родился в 1652 году в графстве Сомерсет в семье вполне преуспевающего фермера. Впервые выйдя в море в возрасте семнадцати лет, он принимал участие в голландских войнах, помогал владельцам плантаций на Ямайке справляться с хозяйством, работал лесорубом в провинции Кампеш в Мексике и, наконец, в 1676 году стал пиратом. В течение последующих тридцати четырех лет он плавал по всему миру в основном в качестве простого моряка, выполняя свою часть тяжелой работы на судне и сражаясь бок о бок с другими моряками.

В свободное время Дампье вел очень занятный дневник. Его повествования – это довольно интересная смесь наблюдений и впечатлений о местах, которые он посетил, о жизни животных, о растениях, ветрах, приливах и отливах, о разных морских течениях и тысячах деталей, представляющих подлинно научный интерес. Судя по тому, что и как он писал, можно сделать вывод, что этот пират был довольно образованным, приятным и великодушным человеком.

В основном благодаря публикациям Дампье о совместных приключениях с капитанами Шарпом, Дэвисом, Сваном и другими пиратами в 1699 году ему было предложено возглавить экспедицию, снаряженную для исследования Австралийского континента. Экспедиция завершилась полным провалом. Вернувшись в Англию, Дампье был отдан под трибунал и объявлен лицом некомпетентным для командования судами. Нельзя сказать, что обвинение было полностью необоснованным. Дампье, конечно, вне всякого сомнения, был квалифицированным лоцманом и навигатором, но недостаточность его успеха как лидера может быть только отчасти приписана его невезению и неудачливости. Тем не менее, в 1703 году, когда Англия находилась в состоянии войны с Испанией и Францией, Дампье был жалован командованием каперского судна под названием «Saint George» («Святой Георгий»), получил каперское свидетельство и полномочия от лорда – верховного адмирала «плыть в воинственной манере» против неприятеля в Тихом океане.

«Saint George» снарядила компания лондонских торговцев-авантюристов. Судно было укомплектовано 26 орудиями, а его команда насчитывала 120 человек. Приватеры не получали никакой зарплаты: им просто обещали долю от награбленного имущества. Такое соглашение было обычным и вполне приемлемым в пиратской практике, но для приватера, тем более приватера-неудачника, оно было мало приемлемо. Корабль Дампье покинул Ирландию в сентябре 1703 года, в сопровождении 90-тонной галеры «Cinque Ports», по имени группы портовых городов – Дувр, Сандвич, Ромни, Гастингс и Хаит – в Юго-Восточной Англии, пользовавшихся особыми привилегиями в сборе пошлин, на борту которой было 16 орудий и команда в 63 человека.

Капитан «Cinque Ports» Чарльз Пикеринг умер в Бразилии, и его место занял первый помощник Томас Страдлинг. Два судна независимо друг от друга вошли в Тихий океан, обогнув мыс Горн в январе 1704 года, и через месяц встретились на островах Хуан-Фернандес. Оттуда, они проследовали к перуанскому побережью и, захватив несколько судов, прибыли в Панамский залив в начале мая. После неудачного набега на золотые рудники в Санта-Марии приватеры захватили в заливе большое испанское судно с грузом

продовольствия и 25 мая 1704 года бросили якорь на старой пиратской базе у острова Табога.

Там между Дампье и Страдлингом произошла ссора, и их пути разошлись. «Cinque Ports» вновь вернулся на острова Хуан-Фернандес, некоторое время бороздил воды у побережья Перу и в начале следующего года пошел ко дну у острова Горгона. А Страдлинг и семь уцелевших приватиоров были взяты в плен испанцами.

Дампье на своем «Saint George» также взял курс на юг от Панамы, захватил несколько судов у берегов Эквадора и 2 августа дал бой испанскому военному кораблю, который не принес ему никаких дивидендов. Девять дней спустя он вышел из Атакамы в компании 10-тонного трофейного судна, которое он переименовал, дав ему имя «Dragon» («Дракон»), и взял курс к заливу Никоя, где 27 августа оба судна бросили якорь. В то время пока «Saint George» ремонтировался на одном из островов залива, «Dragon» удалось захватить 40-тонный барк с грузом сахара, вина и бренди. На него также были перемещены все боеприпасы с «Saint George», дабы облегчить его для предстоящего кренгования.

Но главному помощнику Дампье, Джону Клиппертону, удалось завладеть уже загруженным трофейным судном и бежать с острова в компании 21 сообщника. Клиппертон оказался достаточно деликатен и, до того как покинуть залив 13 сентября, оставил на берегу часть боеприпасов и немного продовольствия. Впоследствии Клиппертону удалось захватить два судна в гавани Реалейи и затем, вероятно в ноябре 1704 года, он вернулся в залив Никоя, кренговал судно и начал свой долгий путь через Тихий океан к Китаю и далее в Европу. Вероятно, именно во время этого вояжа Клиппертон открыл остров, который теперь носит его имя. Это маленький атолл в 670 милях юго-западнее мыса Корриентес, расположенный достаточно близко к бывшему маршруту манильских галеонов, шедших в западном направлении.

Дампье же остался с командой из 64 матросов на источенном червями «Saint George» и небольшом «Dragon». Несмотря на малочисленность команды и плохое состояние судна, Дампье решил плыть на север в надежде захватить манильский галеон, и оба судна 4 октября 1704 года покинули залив Никоя. 20-го числа у берегов Гватемалы приватиры захватили 80-тонный барк, который следовал из Зихуатенейо в Реалейю. На борту барка не было ничего ценного, кроме небольшого количества провизии. 22 ноября каперы совершили набег на Зихуатенейо, где у них произошла стычка с небольшим отрядом испанцев. Там они взяли 16 мешков муки, пополнили свои бочонки водой, в поисках добычи обшарили небольшую рыбацкую деревню и 29 ноября покинули эти места.

Следующим местом на побережье, куда Дампье вошел 3 декабря, был пустынный залив Маруата, что приблизительно в 100 милях к юго-востоку от Салагуа. Там они провели несколько дней, пока команда пополняла запасы воды и древесины, а также ловила черепах. Покинув залив Маруата вечером 7 декабря, «Saint George» в открытом море нагнал 60-тонный барк, который занимался жемчужным промыслом и из Нижней Калифорнии направлялся в Акапулько. Судно было гружено балластом, но англичане отняли у его команды несколько жемчужин.

Далее приватиры продолжили свой путь на север и 15 декабря вошли в залив Навидад, где захватили совсем недавно спущенное на воду 50-тонное судно, которое было выслано властями навстречу манильскому исполину. Это судно имело на своем борту большое количество продовольствия, пороха и пушечных ядер, большую часть которых испанцы успели выбросить за борт, чтобы боеприпасы не достались врагу. Из залива Навидад два приватирских судна, в компании с недавно захваченным кораблем, вышли в море и в поисках манильского галеона, который вскоре должен был подойти к этим местам, прошли мимо Чамелы.

Утром 17 декабря 1704 года недалеко от Чамелы Дампье и два судна, сопровождающие его, наконец-то заметили манильский гигант и устремились ему навстречу. Галеон под названием «Nuestra Seflora del Rosario y San Vicente Ferrer» («Нуэстра Сеньора дель Росарио и Сан Висенте Феррер»), тяжело движущийся из-за огромной массы на юг, находился на

финишном отрезке своего долгого пути к порту Акапулько. Более чем сто лет эти суда спокойно совершали свои ежегодные круизы, не осаждаемые пиратами, и, по всей видимости, офицеры «Rosario» не были предупреждены о наличии в этих водах врага. Благодаря этому приватиры смогли подойти к галеону на близкое расстояние и произвести несколько бортовых залпов, пока испанцы в суматохе, сбивая друг друга с ног, пытались расчехлить и подготовить к бою свою артиллерию. Однако Дампье не решился брать на бордаж огромное судно, и, пока он обсуждал этот шаг со своей буйной и неуправляемой командой, «Rosario» открыла шквальный огонь из своих мощных орудий.

Английский летописец Уильям Фаннелл пишет, что ядра, которыми палили орудия «Saint George», были всего лишь пятифунтовыми и они не могли причинить существенного вреда огромному галеону, в то время как «Rosario» использовала 18- и 24-фунтовые ядра, которые разносили в щепки гниющий корпус каперского судна. Одно из ядер угодило «в самое уязвимое место – в помещение крюйт-камеры, где хранился порох, проделав дыру с обеих сторон носа судна в два фута». Покалеченное судно было вынуждено ретироваться, и приватиры уже были счастливы тем, что смогли уйти, не будучи потопленными или захваченными в плен.

Команда Дампье, будучи крайне раздраженной и раздосадованной тем, что она упустила галеон, который был основной целью и которого она ждала с первого дня своего нахождения в водах Тихого океана, находилась теперь на грани бунта. Ответственность за неудачу приватиры полностью возлагали на своего капитана, которому, по их мнению, в решающую минуту не хватило решимости взять галеон на бордаж.

Хотя трудно себе представить, как в случае взятия «Rosario» на бордаж такая маленькая команда справилась бы с несколькими сотнями хорошо вооруженных людей, находившихся на ее борту. Теперь «Saint George» находился в еще более плачевном состоянии, а продовольственные запасы на его борту почти исчерпались. Одно из судов каперы бросили, по всей вероятности, это был «Dragon». После боя с галеоном «Saint George» остался в компании с судном, которое ранее занималось жемчужным промыслом. Ввиду плохого состояния судов приватиры боялись отходить далеко от берега и вдоль побережья прошли мимо городов Акапулько и Гуатулько, а 6 февраля 1705 года вошли в залив Амапала.

В заливе часть команды в количестве 35 человек во главе с Уильямом Фаннеллом покинула Дампье. 12 февраля Фаннелл, взяв трофейный барк и вооружив его четырьмя пушками с «Saint George», покинул залив и направился на запад через Тихий океан к берегам Индонезии, где его судно было захвачено голландцами.

Дампье же еще несколько дней оставался в заливе, пытаясь починить разваливающийся «Saint George». Теперь его команда состояла из 28 человек, включая юнг, так как многие офицеры и более опытные моряки покинули его во время разных мятежей. Он вышел из залива Амапала в феврале 1705 года, взяв курс на юг, к Эквадору. Маленькая команда совершила успешный набег на островную деревню

Пуна и захватила маленький барк у скалы Лобос-де-ла-Мар, что на побережье Перу. Команда пересела на захваченный барк, оставив гнилой «Saint George» на произвол судьбы. Из Перу они направились в Ост-Индию, где их барк, повторяя судьбу судна Фаннелла, был конфискован голландцами. В конце концов Дампье в 1707 году вернулся в Англию, и как раз вовремя, для того чтобы совершить еще один кругосветный вояж.

Неудавшаяся попытка захвата манильского галеона вызвала всеобщую радость в Новой Испании, но испанцы понимали, что, пока идет война, посягательства англичан на их имущество будут продолжаться. Поэтому вице-король приказал еще больше усилить обороноспособность Акапулько, выставить часовых вдоль тихоокеанского побережья и снова издал приказ, согласно которому вся прибрежная зона на расстоянии нескольких лиг в глубь материка должна была оставаться без каких-либо поселений и рогатого скота. В сентябре 1707 года в Мексику пришло сообщение о том, что 22 английских судна вошли в Тихий океан, после того как пополнили запасы продовольствия в Буэнос-Айресе. Власти

направили в Акапулько дополнительные отряды солдат с артиллерийскими орудиями, но два галиота береговой службы были утеряны, и манильский галеон остался без эскорта.

Он вошел в залив Навидад 20 января 1708 года, как раз тогда, когда весть о четырех вражеских судах, замеченных в Боке-де-Апиза, что южнее Колимы, дошла до властей. Галеон стоял в заливе Навидад и в Салагуа до тех пор, пока из Гвадалахары не прибыл дополнительный отряд солдат для его охраны, после чего он продолжил свой путь и без каких-либо происшествий добрался до Акапулько. По всей вероятности, за «вражеские» были приняты суда, занимающиеся торговлей контрабандным товаром. В апреле вице-король писал, что слухи о 22 каперских судах оказались ложными.

Французский капитан по имени Николя де Фронд летом 1709 года совершил необычный торговый вояж через северную часть Тихого океана, следуя курсом манильских галеонов. Его судно «Saint Antoine» («Святой Антоний») вышло из Китая в феврале того же года, подошло к берегам Нижней Калифорнии и 21 августа вошло в залив Бандерас. Из писем вице-короля нам известно, что команда судна состояла из 150 человек, а на его борту находилось 60 орудий. Де Фронд пытался обменять часть своего товара на рогатый скот в прибрежной части залива Бандерас, но, не найдя в округе продовольствия, покинул эти места. В конечном счете «Saint Antoine», реализовав большую часть своих товаров в Перу и Чили, вернулся во Францию почти с 2 миллионами песо.

Тем временем в Англии, в основном по просьбе Дампье, готовилась другая приватирская экспедиция. Группа бристольских торговцев обеспечивала ей финансовую поддержку и оснащала два судна, которые под командованием Вудса Роджерса, очень компетентного офицера и навигатора, должны были направиться в Тихий океан. Флагманское 320-тонное судно «Duke» («Герцог») несло на борту 36 орудий. Кораблем сопровождения – «Duchess» («Герцогиня»), грузоподъемностью в 260 тонн с 26 орудиями на борту, командовал Стивен Коертней. На борту каждого судна был второй капитан, доктор Томас Довер – на «Duke» и Эдвард Кук – на «Duchess».

Вильям Дампье был в составе экспедиции в качестве «лоцмана Южных морей». Обе команды насчитывали 333 человека, многие из которых были иностранцами (главным образом голландцами) и неопытными моряками и, согласно договору, кроме своей доли от добычи, должны были получать зарплату. Другим новшеством, заимствованным из экспедиций печелингов, которые совершались столетием ранее, было введение совета офицеров, находящегося под началом доктора Довера и состоящего из офицеров высшего ранга. В обязанности совета входило одобрение важнейших решений, принимаемых во время экспедиции. Создание совета и его многочисленность, явившееся существенным ограничением полномочий Роджерса, было серьезной ошибкой и чуть не привело экспедицию к катастрофе. Роджерс имел обычные полномочия от лорда – верховного адмирала, дающие ему право вести военные действия против французов и испанцев. Авторитетными описаниями этой экспедиции являются «Крейсерский вояж вокруг мира» самого Роджерса и «Вояж к Южному морю» Эдварда Кука, обе работы являются первоисточниками.

Два судна вышли из порта города Корк в сентябре 1708 года и, обогнув мыс Горн, вошли в Тихий океан в январе следующего года. После того как оба судна встретились у островов Хуан-Фернандес (где они подобрали Александра Селкирка, который был высажен на этот остров Страдлингом за четыре года до рассматриваемых событий), они поплыли вдоль побережий Чили и Перу, захватив по дороге много судов, большая часть которых были французские. В период с 5 по 17 мая 1709 года они оккупировали и разграбили город Гуаякиль. Вице-король Перу выслал навстречу врагу карательную эскадру из пяти судов под командованием адмирала дона Педро де Аисамора Юрсина. Этот флот дошел до самых берегов Новой Испании, но, не встретив врага, возвратился обратно.

К концу сентября 1709 года приватиры снялись с якоря и от Галапагосских островов направились к берегам Новой Испании. К этому времени эскадра пополнилась двумя судами: «Marquis» – бывшим французским «Navre de Grace», оснащенным 20 орудиями, которым

командовал Эдвард Кук, и маленьким барком под командованием Генри Дака. Экспедиция Роджерса к берегам Южной Америки была одной из самых успешных за многие годы. Стоимость награбленного золота, серебра и драгоценных камней составляла 20 тысяч песо, а стоимость всего другого захваченного имущества и ценных товаров достигала 60 тысяч песо. Личному составу экспедиции в основном удалось избежать пагубных последствий цинги, а потери команды в живой силе были немногочисленны.

К моменту повествования команды были все еще хорошо дисциплинированы, а слаженности ее действий в артиллерийском деле и в abordage можно было только позавидовать. Суда находились в отличном состоянии, на их борту имелось достаточное количество запасов продовольствия и питьевой воды, а время их прибытия к западному побережью Мексики было хорошо рассчитано, с тем чтобы совпасть с приходом в эти воды манильского галеона – их следующей цели.

Вести о грабительских и пиратских вояжах Роджерса в Перу достигли Мехико в сентябре 1709 года, всего лишь за несколько недель до его появления у берегов Колимы. Гарнизон Акапулько снова был приведен в повышенную боевую готовность, а также были предприняты все меры для предупреждения манильских судов о грозящей им опасности. Зимой 1709/10 года ожидалось прибытие двух галеонов с Востока. Этими судами были недавно построенное 900-тонное «Nuestra Senora de Begona» («Нуэстра Сеньора де ла Бегонья») и 400-тонное «Nuestra Senora de la Encarnaciyn y del Desengano» («Нуэстра Сеньора де ла Энкарнасьон и дель Десенганьо»). В это время в Акапулько не оказалось судов, которые могли бы быть посланы навстречу галеонам. Тем не менее, вице-король приказал, чтобы все суда, находящиеся в акватории западного побережья, следовали к мысу Сан-Лукас или, если они были не в состоянии плыть так далеко, должны были направиться к островам Лас-Трес-Мариас.

Корабль, обычно используемый иезуитами для снабжения своей миссии в Нижней Калифорнии провизией, вышел из порта Матанчел навстречу судам из Китая, предварительно укрепив свою команду дополнительным отрядом солдат. Несколько судов, занимающихся жемчужным промыслом, также были вынуждены под давлением властей следовать тем же маршрутом. Но по всей видимости, ни одному из этих судов не удалось пересечь залив. В 1702 году король своим указом ограничил торговлю, указав, что стоимость груза, идущего в восточном направлении, не должна была превышать 300 тысяч песо, а стоимость груза, идущего в западном направлении, – 600 тысяч песо; весь этот груз должен был перевозиться на двух судах, а тоннаж каждого из них не должен был превышать 500 тонн. Следует заметить, что при нормативном соблюдении тоннажа судов стоимость груза значительно превосходила лимит за счет контрабандного товара.

Тем временем 12 октября Роджерс на «Duke» и «Duchess» подошел к мысу Корриентес, а трофейные барки прибыли туда же двумя днями позднее. Дампье предложил всем встретиться на островах Лас-Трес-Мариас, и там эскадра простояла на якоре с середины октября до 4 ноября, пополняя запасы питьевой воды, древесины, а также ловя рыбу и охотясь на дичь. 12 ноября весь флот подошел к мысу Сан-Лукас. На расстоянии 20 лиг от мыса «Duke», «Duchess» и «Marquis» блокировали его, встав друг от друга на значительном расстоянии, и использовали маленький барк, который курсировал между ними, в качестве посыльного. 28 ноября барк подошел к мысу с целью пополнить запасы воды и был встречен толпой голых индейцев. К тому времени и еще двадцать последующих лет иезуиты не расширили свою миссию до южной оконечности Калифорнии. Часть команды барка спустилась на берег и вошла в индейскую деревушку, которая представляла собой несколько небольших открытых хижин, где их гостеприимно приняли и угостили жареной рыбой.

Недели сменяли друг друга, и англичане уже начали думать, что либо галеоны ускользнули от них, либо их торговый вояж был вовсе отменен. В последний день 1709 года каперы, собрав совет, пришли к мнению, что пора снимать блокаду, и, прежде чем пуститься в долгий путь через Тихий океан, подошли к берегу. Однако флагманский корабль «Duke» остался на своем месте. В девять часов утра 1 января 1710 года матрос, находящийся на топе

мачты, заметил парус, который, как оказалось позднее, принадлежал меньшему из этих двух галеонов – «La Encarnación» («Ла Энкарасьон»). Роджерс сразу же погнался за судном, а позднее к нему присоединилась и «Duchess».

Погоня длилась всю ночь. Ранним утром следующего дня английский флагман нагнал галеон и открыл по нему огонь из своих орудий, «Encarnación» ответил дружным залпом перьер. Галеон, которым командовал француз Жан Пресберти, имел на своем борту 20 пушек и такое же количество перьер, против 36 орудий на «Duke». Бортовые залпы следовали один за другим с бортов обоих судов до тех пор, пока «Encarnación» не опустил флаг в знак того, что признал себя побежденным. Но «Duchess», подойдя к месту схватки со значительным опозданием, дала залп по противнику уже после его сдачи.

Бой длился несколько часов, но ни одно из суден не было серьезно повреждено. Однако потери в живой силе среди испанцев составили около 25 человек убитыми из 193 пассажиров и членов команды, находившихся на борту галеона. Единственным же серьезно пострадавшим человеком на «Duke» был сам Роджерс, которому выстрелом из мушкета оторвало часть верхней челюсти.

На следующий день, 3 января, англичане ввели трофейный галеон в залив Сан-Лукас. Общая стоимость захваченного груза достигала 2 миллионов песо, правда, большая его часть состояла из скоропортящихся продуктов. Когда каперы узнали, что второй галеон с более ценным товаром шел вслед за первым, они собрали военный совет и решили выслать ему на перехват «Duchess» и «Marquis». Предложение же Роджерса выслать все три судна навстречу второму галеону было отвергнуто советом. В то время, пока два корабля курсировали вдоль мыса, поджидая галеон, Роджерс переводил пленных на трофейный барк и чинил поврежденные суда.

4 или 5 января второй галеон, «Nuestra Senora de Begona», попал в поле зрения приватилов. Он был намного больше первого, а на его борту находилось около 350 человек, 40 орудий и столько же перьер. Однако капитан галеона Фернандо де Ангуло позднее утверждал, что имел в своем распоряжении только 30 боеспособных матросов, так как все остальные во время длительного плавания были поражены цингой. «Duchess» настиг второй галеон во второй половине дня и открыл по нему огонь. Но галеон оказался готовым к бою, и его ответный бортовой залп был намного мощнее. На следующий день Роджерс, наблюдавший эту сцену с берега, присоединился к приватирам на «Duke», оставив часть своей команды охранять заключенных. Нам неизвестно, сколько времени длилось сражение, но три английских судна были отбиты и с серьезными повреждениями ретировались в залив Сан-Лукас.

В этом бою англичане потеряли 34 человека убитыми и ранеными. Потери же испанцев составили 8 человек убитыми и несколько раненых. «Begona», повреждения которой также были весьма значительны, позднее добралась до Акапулько. Роджерс утверждает, что это сражение длилось несколько дней, в то время как испанский источник говорит, что бой начался 4 января и завершился на следующее утро.

12 января 1710 года Пресберти и остальные заключенные были отпущены Роджерсом. Заплатив за барк аккредитивом, подлежащим оплате в Лондоне, они взяли курс на Акапулько. Англичане великодушно оставили им их одежду и кое-что из личных вещей. Тем временем галеону «Encarnación» было дано новое имя – «Batchelor», а доктор Довер, ставший его капитаном, перебрался на трофейное судно вместе с частью команды. Приватилы оставались в Сан-Лукасе еще несколько дней, в течение которых они чинили повреждения на своих четырех судах, ухаживали за ранеными и пополняли запасы древесины и питьевой воды. Наконец 21 января эскадра подняла якорь и начала свой длинный путь через Тихий океан. Роджерс достиг берегов Англии в октябре 1711 года. Стоимость награбленного имущества, привезенного им, составила 170 тысяч песо.

Сравнительному успеху экспедиции Роджерса вокруг земного шара не суждено было повториться много лет, хотя приватиры еще не один год продолжали досажать Новой Испании. В марте 1711 года груженный серебром манильский галеон «Nuestra Seflora del

Rosario» был готов к отплытию из Акапулько, когда власти получили сообщение из Гвадалахары, в котором говорилось, что 21 февраля около Сентикпака было замечено три вражеских судна. Вице-король приказал отложить выход галеона до тех пор, пока достоверность этих сведений не будет проверена. Но к тому времени, когда его курьер добрался до Акапулько, галеон уже вышел в море. Эти опасения оказались напрасными, поскольку больше никто не слышал о «пиратских судах», возможно, за таковые были приняты корабли, занимающиеся контрабандной торговлей. В ноябре 1712 года два французских торговых судна, идущие из Китая, вошли в залив Бандерас. Затем в начале февраля 1713 года еще одно французское торговое судно, идущее из Перу, бросило якорь в Пуэрто-Маркес – городе, который находился недалеко от Акапулько и служил пристанищем для контрабандистов. В своем письме к королю Испании вице-король был очень осторожен в упоминании об этом визите, но, очевидно, контрабандистам все-таки удалось разменять часть своих товаров на «продовольственные припасы». Французы оставались в порту почти два месяца, а затем взяли курс обратно на юг.

В июле 1713 года, после подписания Утрехтского мирного договора⁸, война наконец закончилась. Согласно ему, англичанам предписывалось снабжать испанскую Америку рабами негритянского происхождения в количестве 4800 человек ежегодно и, кроме того, они получили право на ежегодную беспошлинную поставку в ряд испанских атлантических портов 500 тонн разнообразного товара.

На самом же деле англичане никогда не придерживались этих ограничений, и после 1713 года межатлантическая торговля, осуществляемая через порты городов Вера-Круз и Порто-Бело, была почти полностью монополизирована торговцами туманного Альбиона. Сначала французы продолжали играть доминирующую роль в торговле на тихоокеанском побережье Америки, но после 1716 года их суда уже перестали официально приветствоваться в Перу и Новой Испании. Постепенно испанцы восстановили свою монополию на торговлю с западным побережьем, впервые послав свои товары прямо из Испании вокруг мыса Горн в Перу и Мексику (после 1718 года).

Французы до 1724 года и позднее продолжали торговать на побережьях Чили и Перу, а иногда даже доходили до берегов Новой Испании, но при этом они, как и другие иностранцы, подвергались риску потерять товар, который мог быть конфискован властями. Барни говорит, что 14 французских торговых судов вошло в Тихий океан в 1721 году. Харинг («Испанская империя») сообщает, что испанские суда стали плавать, огибая мыс Горн, только начиная с 1740 года.

Но прежде чем весть об окончании войны достигла берегов Америки, у ее тихоокеанских берегов еще продолжались вторжения английских приватиров. В начале 1713 года три или четыре вражеских судна подошли к западным берегам Южной Америки, обогнув мыс Горн. Одним из них командовал капитан Чарпс. Написание имени может содержать ошибку, так как единственным источником информации об этом набеге был испанец, который в свое время разграбил город Паита и захватил там два судна. Из Перу Чарпс направился на Галапагосские острова, а далее продолжил свой путь к Панамскому заливу. Используя старую пиратскую базу на острове Табога в качестве плацдарма для своих действий, он захватил еще пять испанских судов. Согласно сведениям, дошедшим до наших дней, в сентябре 1713 года Чарпс кренговал свои суда на Кокосовом острове. Один из его пленников после своего освобождения сказал, что пиратская команда состояла из 48 ирландцев и 20 негров. С Кокосового острова Чарпс, вероятно, направился на северо-запад, к окрестностям Гуатулько, где в начале ноября местное население заметило три пиратских судна. Как обычно, вице-король Новой Испании разослал предупреждения о грозившей опасности, и благодаря предпринятым мерам манильский галеон в феврале 1714 года

---

⁸ Утрехтский мир – общее название ряда заключенных в Утрехте мирных договоров – франко-английских, франко-голландских, франко-прусских и др., – которые завершили войну за испанское наследство.

благополучно добрался до конечной точки своего торгового вояжа – города Акапулько.

Приблизительно в июне 1714 года в залив Бандерас вошла, возможно, та же, а может быть, и другая каперская экспедиция, состоящая из двух судов. Больше из них было захвачено у берегов Перу, у города Хуанчако, другое же описывалось испанцами как английский каперский корабль. Они вошли в залив под французским флагом, но позднее выяснилось, что это были английские торговцы контрабандным товаром. Власти Гвадалахары отправили к заливу отряд солдат, но командир отряда быстро подружился с незваными гостями и сам купил у них несколько безделушек. В конце концов глава аудиенции Гвадалахары Антонио дель Реаль-и-Куестада лично спустился к побережью и конфисковал у англичан суда и товары, а самих контрабандистов взял под стражу. Одним из взятых в плен капитанов приватиров на этот раз, возможно, был сам Джон Клиппертон.

В следующем, 1715 году еще два английских судна с откровенно пиратскими замыслами обогнули мыс Горн. Одно из них – «Prince Eugene» («Принц Евгений»), по всей вероятности, находилось под командованием Джона Клиппертон, принимавшего участие в экспедиции Дампье 1703–1704 годов. Подойдя к берегам города Паита, они захватили два испанских судна с товаром на общую сумму 400 тысяч песо. Вице-король Перу выслал навстречу пиратам военный корабль с 40 орудиями на борту, который настиг и захватил одно из вражеских судов в Панамском заливе. Часть награбленного товара была возвращена, а члены захваченной в плен команды вскоре повешены в Лиме. Другое пиратское судно, «Prince Eugene», сопровождаемое трофейным кораблем, ускользнуло на север, но вскоре они также были захвачены испанским военным кораблем, а затем, в начале 1716 года, пойманные пираты были высланы из страны по распоряжению главы аудиенции Гвадалахары. В этих источниках не упоминается имя Клиппертон, но Бетаг («Вояж вокруг света») описывает корабль «Prince Eugene» как «то же судно, на котором капитан Клиппертон был взят в плен во время своего последнего тихоокеанского вояжа». С другой стороны, документы королевской канцелярии от 1719 года гласят, что «лорд Клиппертон» был захвачен в заливе Бандерас в 1714 году. В любом случае, независимо от даты его поимки, вскоре он был освобожден, после чего вернулся на родину в Англию, с тем чтобы в феврале 1719 года вновь отправиться в свой очередной набег.

После смерти Людовика XIV в 1715 году испанский король Филипп V заявил о своих претензиях на французский престол. Результатом этого явилась новая война, в которой Франция, Голландия и Англия объединились против Испании. И снова английские приватеры с одобрения своего правительства начали рыскать по морям в поисках испанских сокровищ. Насколько нам известно, во время этой войны, которая закончилась в 1720 году, в Тихий океан была отправлена лишь одна приватирская экспедиция. Эта экспедиция, состоящая из двух судов, была снаряжена и профинансирована группой торговцев-авантюристов. Корабль «Success» («Успех»), находящийся под командованием Джона Клиппертон, имел на своем борту 36 орудий, и в начале похода его команда насчитывала 180 человек.

До этого Клиппертон участвовал в двух пиратских экспедициях по Тихому океану: во время первой он служил помощником Дампье и впоследствии дезертировал, а во второй раз сам был капитаном пиратской команды, вместе с которой и был схвачен испанцами. Кораблем «Speedwel» («Вероника»), с 24 орудиями и командой, насчитывающей 106 человек к началу экспедиции, командовал лейтенант военно-морских сил Джордж Шелвок. Вторым капитаном или главным помощником капитана на «Speedwel» был Саймон Хатлей, или Хатели, который плавал с Дампье в 1703–1705 годах, а также принимал участие в экспедиции Вудса Роджерса, предпринятой в 1708–1711 годах.

Оба – и Шелвок, и Клиппертон – обладали буйным и необузданным темпераментом и не ладили ни между собой, ни с командой.

Большую часть времени Клиппертон проводил напиваясь в своей каюте, а Шелвок, будучи чрезмерно придирчивым, был не в состоянии наладить дисциплину в команде. Изначально предполагалось, что эта экспедиция будет совместной, но через неделю, после

того как корабли покинули Плимут в феврале 1719 года, команды разошлись и встретились друг с другом лишь два года спустя. Воспоминания об этих походах оставили Шелвок и Бетаг. Последний был капитаном на «Speedwel». В марте 1720 года он был схвачен испанцами. Он описывает круизы «Success», используя журнал помощника Клиппертон Джорджа Тэйлора.

Клиппертон вошел в воды Тихого океана через Магелланов пролив в конце августа 1719 года, а три недели спустя его судно подходило к островам Хуан-Фернандес. К тому времени уже 30 человек из его команды умерли от цинги. После месяца, проведенного на острове, в течение которого команда чинила и кренговала «Success», приватиры направились к материку, где у побережья Перу захватили несколько судов. Одно из них, 70-тонный барк, переименованный каперами в «Chichly» («Чичли»), было переоборудовано под каперское судно и снабжено 8 орудиями. Его команда составила 23 человека, а возглавил ее капитан Митчелл.

В декабре 1719 года «Chichly» взяло курс на север и было замечено около полуострова Никоя, а затем исчезло. Со слов Шелвока, Клиппертон приказал Митчеллу, «чтобы тот следовал на некий остров у побережья Мексики» и ждал его там. Впоследствии Клиппертон не смог найти этот остров. Когда он вошел в порт Велас, то узнал, что Митчелл уже побывал там до его прибытия, но больше им не суждено было встретиться. Возможно, этим островом был атолл Клиппертон, который мог быть использован как плацдарм для нападения на манильский галеон, следующий в западном направлении.

Тем временем в январе 1720 года Клиппертон, во избежание встречи с испанским военным флотом из трех кораблей под командованием дона Бартоломе де Ундензу, направился к Галапагосским островам. 1 февраля немногим севернее Галапагосских островов ему удалось вернуть корабль «Prince Eugene», тот самый, который был у него захвачен во время предыдущего вояжа. На борту судна, шедшего в Лиму, находился маркиз Вилла-Роша с семьей. Затем корабль Клиппертон, сопровождаемый «Prince Eugene» и, возможно, еще одним судном, направился в порт Велас, возможно, имелся в виду залив Кулебра, что на западной оконечности полуострова Никоя, куда и прибыл 19 марта 1720 года. К тому времени численность команды Клиппертон уменьшилась приблизительно до 85 взрослых мужчин и юнг.

В Веласе трофейный «Prince Eugene» был отпущен, жена и ребенок маркиза высажены на берег до получения выкупа, в то время как сам маркиз оставался на каперском судне в качестве заложника. 20 апреля «Success» взял курс на север и 1 мая вошел в залив Амапала, где встал на якорь между островами и оставался там в течение трех недель, напрасно ожидая обещанный выкуп. Покинув залив, Клиппертон возвратился на юг к берегам Перу и Чили, по пути он захватил несколько судов и разграбил ряд прибрежных городов. В ноябре ему посчастливилось уйти целым и невредимым после непродолжительного сражения с испанскими военными кораблями, лишившись только одного из трофейных судов. В декабре Клиппертон вернулся на Галапагосские острова, а в период с 29 декабря 1720 года до 31 января 1721-го он стоял на якоре у Кокосового острова, где каперы ловили рыбу, пополняли запасы древесины и питьевой воды. Для довольно большого количества членов команды, которые были больны цингой, на берегу острова была сооружена хижина. 11 человек, 3 англичанина и 8 негров, были оставлены приватирами на Кокосовом острове (впоследствии Клиппертон утверждал, что они дезертировали). От берегов Кокосового острова «Success» направился к побережью Верагуа. Не доплыв до материка, приватиры подошли к острову Коиба, где 5 февраля 1721 года встретили Джорджа Шелвока с 40 оставшимися в живых членами его команды.

Войдя в воды Тихого океана в октябре 1719 года, Шелвок поплыл вдоль побережья Чили, зашел на острова Хуан-Фернандес и в феврале 1720 года вошел в акваторию Перу. Он полностью потерял контроль над своей командой, некоторые члены которой перебежали к испанцам. Среди дезертиров были второй капитан Хатлей и летописец Бетаг. 5 июня 1720 года «Speedwel» разбило о скалы у островов Хуан-Фернандес и выбросило на берег. С

большим трудом Шелвоку удалось заставить своих людей построить некое подобие пинаса, и 17 октября они покинули остров. В следующем месяце у города Писко они захватили 200-тонное судно «Jesus Maria» («Хесус-Мария»), и команда со всем своим скарбом перебралась на трофейное судно.

В начале декабря 1720 года каперы захватили и в течение одного дня удерживали город Паита. Также в это время ими было захвачено, а впоследствии отпущено еще несколько судов. 13 декабря, покидая остров Горгона, команда Шелвока, которая теперь жила по принципам подчинения меньшинства большинству, взяла курс на запад, предприняв попытку пересечь Тихий океан, но неблагоприятные ветры не позволили ей сделать это. 24 января 1721 года они бросили якорь у все еще необитаемого острова Коиба. 5 февраля того же года, после нескольких грабительских рейдов на материк, когда приватиры уже собирались покинуть остров, как мы уже упоминали, они встретились с командой Клиппертон.

При общей численности команд, составляющей около 120 человек, Клиппертону и Шелвоку было бы логично, даже необходимо, объединить свои силы. На борту «Jesus Maria», при большом количестве награбленного имущества, очень остро ощущалась нехватка продовольствия, в то время как на борту «Success» наблюдалась прямо противоположная картина. Манильский галеон «Santo Christo de Burgos» с несколькими миллионами песо серебром на своем борту как раз в это время готовился к дальнему путешествию и должен был со дня на день покинуть Акапулько. Испанцы знали, что приватиры находились поблизости, и предприняли свои обычные меры предосторожности, но молниеносная и смелая атака двух судов в то время, когда галеон покидал порт, могла завершиться успешно. Но именно в этот критический момент Клиппертон и Шелвок снова поссорились и команды разошлись, несмотря на то что обе взяли один и тот же курс на север. Разделившись у острова Кано, они в пределах видимости друг друга прошли мимо Акахутлы, Гуатулько и Пуэрто-Анхеля.

23 марта обе команды подошли к берегам Акапулько, а их капитаны наконец-то договорились попытаться вместе захватить галеон. Однако отличающийся своим непостоянством Клиппертон вскоре решил оставить эту затею и захватить галеон своими силами у Филиппинских островов. В ночь на 28 марта, приблизительно за неделю до того, как манильский галеон вышел из порта Акапулько, «Success» покинул команду Шелвока и, начав свой долгий путь через Тихий океан, два месяца спустя достиг острова Гуам. В Китае команда покинула Клиппертон, и его судно было обречено. В 1722 году он добрался до Европы на голландском судне и несколько дней спустя умер.

Тем временем Шелвок, испытывая острую нехватку продовольствия и запасов питьевой воды, возвратился на юг. И апреля у берегов Акахутлы он захватил 300-тонное судно «La Sacra Familia» («Святое Семейство»). На борту этого судна было шесть орудий, и, так как оно было в намного лучшем состоянии, нежели «Jesus Maria», Шелвок вместе со своей командой, оставив последнее на произвол судьбы, пересел на трофейный корабль.

Еще находясь у берегов Акахутлы, англичане были проинформированы, что война между Испанией и Англией завершилась, и отныне испанские власти будут относиться к ним не как к приватирам, а как к обычным пиратам-разбойникам. Алькальд-мэр провинции Сонсонат уговаривал каперов сдаться властям, но условия, выдвинутые им, показались Шелвоку малопривлекательными, и команда взяла курс в сторону Панамы. Запасы питьевой воды на судне истощались, и в заливе Амапала команда потратила два дня на ее поиски. Но старания их оказались тщетны. Летописец, описывающий эти события, уверяет, что команда в течение нескольких дней, будучи на грани отчаяния, пила даже собственную мочу. Наконец 6 мая удача улыбнулась им, и на острове Кано они нашли воду. А шесть дней спустя пираты уже были у острова Коиба, где вновь пополнили запасы воды и древесины.

Теперь пираты- приватиры, вконец утомленные бесконечными круизами, уже всерьез подумывали о капитуляции. Но 26 мая они захватили барк с продовольствием, идущий из Чирики, капитан которого согласился быть лоцманом по пути к Панаме. Пятью днями позже

они захватили еще одно судно, которое было выслано властями им наперехват, но некоторое время спустя захваченная команда этого судна перерезала всю команду барка из Чирики и бежала.

Шелвок, команда которого составляла немногим более 30 человек, в то время как численность заключенных превышала 80, освободил пленников, отпустив их на двух захваченных судах, предварительно перетащив с их бортов все вооружение и продовольствие. Став обладателями хорошо вооруженного судна с большим количеством трофеев и продовольствия, англичане пересмотрели уже принятое решение о сдаче властям, решив вернуться домой через Тихий океан. Шелвок же почему-то настаивал на том, чтобы команда кренговала судно у берегов Нижней Калифорнии. Подойдя с кратковременным визитом к острову Кано, где приватиры пополнили запасы питьевой воды, они продолжили свой путь и в начале августа прошли мимо мыса Корриентес, затем три дня провели на островах Лас-Трес-Мариас и 22 августа достигли мыса Сан-Лукас.

В течение недели, проведенной на Сан-Лукасе, каперы шкурили и чистили судно, а также пополняли запасы питьевой воды и древесины перед дальней дорогой. За это время между каперами и калифорнийскими индейцами сложились необычайно теплые отношения. 29 августа 1721 года «*Sacra Familia*», на борту которого находилось всего лишь несколько негров и 30 белых людей, подняло якорь и взяло курс на Китай. К концу года судно достигло города Макао. Оттуда Шелвок, продав свой корабль, вернулся в Лондон на одном из судов Ост-Индской компании в августе 1722 года. Впоследствии его судили за пиратство и за то, что он присвоил большую часть награбленного имущества. Но осужден он все-таки не был, так как успел бежать в Голландию.

Последние пираты

После окончания войны, которую вел король Филипп, Испания и ее колонии наслаждались длительным периодом наступившего перемирия. Лишь однажды, в марте 1722 года, это спокойствие было нарушено, когда к побережью Чили ненадолго подошел голландец Джекоб Роггюейн, направленный Вест-Индской компанией в исследовательскую экспедицию к тихоокеанским берегам Америки. А в 1724 году новый вице-король по пути в Перу обнаружил военное английское судно, курсирующее около Панамской гавани под благовидным предлогом якобы предотвращения контрабандной работорговли. Подозревая, что истинной целью этого военного корабля было составление карты побережья, вице-король конфисковал все его орудия.

В то же самое время на тихоокеанских берегах Американского континента власти предприняли достаточно эффективные меры с целью предотвращения контрабандной торговли, имевшие временный успех. Они конфисковали несколько французских судов, а из трех голландских, подошедших к берегам Перу в 1726 году, два было захвачено, в то время как третье успело ретироваться, уйдя обратно в воды Атлантики. Еще одно голландское судно, под командованием человека, который был известен испанцам под именем Корнелио Андрее, было вытеснено с побережья Перу в 1735 году. Но перед тем как покинуть Американский континент и направиться к Молуккским островам, Андрее сумел продать часть своего товара в Панаме и Реалейе.

В 1739 году между Англией и Испанией разразилась война, известная под названием «Война из-за уха Дженкинса». В 1731 году британский контрабандист Роберт Дженкинс, командовавший бригом «*Rebecca*» («Ребекка»), был захвачен судами береговой охраны у побережья Америки. У него отняли весь товар, а затем отрезали ухо. Этот конфликт был в значительной степени результатом злоупотребления привилегиями торговли с испанской Америкой, которые англичане получили после войны 1701–1714 годов.

За несколько месяцев до объявления войны и начала открытых боевых действий британское адмиралтейство начало готовить ряд военно-морских экспедиций для охоты на испанские суда в акваториях Европы, Америки и Дальнего Востока. Экспедиции,

интересующей нас в данном случае, было приказано совершать набеги на западное побережье Южной Америки, по мере возможности уничтожать все испанские суда и, что самое главное, захватить манильский галеон. Командовать этой экспедицией был назначен Джордж Ансон, один из самых компетентных офицеров Британского Королевского флота. К началу экспедиции Ансону было сорок два года, он был профессиональным моряком, имеющим богатый боевой опыт, а также являлся сторонником жесткой дисциплины. Ансон был чрезвычайно холодным, индифферентным и молчаливым человеком.

К тому моменту, когда в сентябре 1740 года Ансон покидал берега Британии, его флот состоял из пяти военных судов, одного шлюпа и двух кораблей, груженных боеприпасами и продовольствием; общая численность корабельных пушек составляла 236 единиц, а личный состав экспедиции насчитывал более 1500 человек, включая юнг. Огибая мыс Горн, флот был настигнут сильными антарктическими бурями и штормами, во время которых было ранено много людей и причинен значительный ущерб судам. Нужно отметить, что большая часть команды состояла из бывалых моряков, многие из которых уже к началу экспедиции были инвалидами, другая же ее часть была набрана из молодых людей, которые не только никогда ранее не выходили в море, но даже и не держали в руках мушкета.

Два из пяти больших судов развернулись и возвратились в воды Атлантики, а третье потерпело кораблекрушение у берегов Чили. Когда спустя девять месяцев после того как флот покинул берега туманного Альбиона, они встретились на островах Хуан-Фернандес, команда насчитывала всего 340 человек, что составляло менее половины ее изначальной численности. При этом большая ее часть страдала от цинги. К этому времени флот, находящийся под командованием Ансона, состоял из флагманского корабля «Centurion» («Центурион») с 60 орудиями под командованием самого Ансона; корабля «Глостершир» с 50 орудиями – капитан Мэтью Митчел; шлюпа «Tryal» («Триал») с 8 орудиями под командованием капитана Чарльза Сондерса и груженного продовольствием и боеприпасами судна «Anna» («Анна») с 8 орудиями под командованием капитана Джерарда. Последнее, еще находясь на островах Хуан-Фернандес, разбилось, а вся его команда и груз были распределены на другие суда.

Еще до того, как Ансон покинул берега Британии, испанцы были проинформированы о его намерениях, и в самой Испании был снаряжен мощный флот для перехвата английской эскадры. Но в водах Южной Атлантики испанский флот потерпел крушение, поэтому Ансону удалось достичь западных берегов Центральной Америки, не встретив на своем пути ни одного военного судна. К тому же прошло достаточно много времени после того, как английский флот покинул родные берега, что дало повод вице-королю Перу предположить, что вражеский флот уже никогда не появится у его берегов. Эта уверенность была настолько сильна, что вице-король даже снял эмбарго, наложенное им ранее на судоходство в водах Тихого океана.

Чтобы дать возможность больным членам команды оправиться от недуга и отремонтировать побитые штормом суда, Ансон оставался на островах Хуан-Фернандес в течение трех месяцев. Эскадра покинула свое прибежище в сентябре 1741 года и спустя некоторое время у берегов Вальпараисо захватила два больших корабля, которые команда тут же переоснастила под британские военные суда. Первое судно под названием «Nuestra Señora de Carmelo» («Нуэстра Сеньора де Кармело»), грузоподъемностью в 450 тонн, перешло под командование лейтенанта Филиппа Сомейрза, а второе, 600-тонное «Arranzazu» («Аррансасу»), досталось капитану Сондерсу вместо его шлюпа «Tryal». Последний находился в таком плачевном состоянии, что был затоплен. В ноябре у берегов Перу пираты захватили еще два торговых судна, после чего Ансон решил совершить набег на порт Паита, где, по его сведениям, было чем поживиться. В период с 24 по 27 ноября порт был взят почти без сопротивления, разграблен и сожжен. Покидая Паиту, Ансон потопил пять из шести судов, стоявших в гавани, а шестое – «La Soledad» – вошло в состав его эскадры.

Следующей целью английского флота стал манильский галеон. После затопления трех из захваченных судов пиратская эскадра в конце ноября взяла курс на север, к острову

Коиба, где все суда и встретились в середине следующего месяца. В составе флота теперь находились суда «Centurion», «Gloucester», «Arranzazu», «Carmelo» и пятое трофейное «Nuestra Senora del Carmen» («Нуэстра Сеньора дель Кармен») грузоподъемностью 270 тонн. Во время своего вояжа по Южной Америке англичане захватили 11 испанских судов, сожгли большое количество ценного товара в Паите, а стоимость награбленных ценностей, основная часть которых была в серебряных монетах, составила 55 тысяч песо.

На острове Коиба Ансон провел только три дня, которые использовал для пополнения запасов древесины, питьевой воды, а также приводил в порядок свои суда. 19 декабря 1741 года флот покинул остров и уже на следующий день захватил маленький барк под названием «Jesus Nazareno» («Хесус Насареньо»), который был гружен паклей и солью и держал путь из Панамы в Чирики. Барк был затоплен, а его команда взята в плен. Затем эскадра попала в череду следующих друг за другом северо-западных бурь и полных штилей, что расстраивало ее планы и препятствовало продвижению на север для перехвата манильского галеона. Кокосовый остров предстал взору пиратов в январе 1742 года и держался в поле зрения флота в течение пяти дней.

Наконец попутный ветер подхватил корабли и понес их на север, и в ночь на 9 февраля англичане заметили свет, который, как оказалось, исходил от вулкана Колима. Эскадра теперь двигалась вдоль побережья в восточном направлении в сторону Акапулько и 24 февраля миновала Зихуатенейо. Одна из судовых лодок была отправлена вперед и в ночь с 27 на 28 февраля вошла в гавань Акапулько. Команда лодки захватила трех рыбаков и с ними вернулась на флагманское судно, где Ансон, расспросив пленников, к своему великому сожалению, узнал, что манильский галеон прибыл в порт за несколько недель до их прибытия (галеон вошел в порт города 20 января).

Испанцы, будучи в курсе всех деяний Ансона в Перу, ожидали его в Акапулько уже в течение многих месяцев. Замок Сан-Диего недавно был укреплен, отремонтирован и к тому времени уже был вооружен медными и чугунными орудиями в количестве 31 единицы, наибольшие из которых стреляли 25-фунтовыми ядрами. Личный состав гарнизона Акапулько, обычно насчитывающий 86 офицеров и солдат, ныне был пополнен испанскими и креольскими солдатами и составил более 500 человек, не считая еще трех отрядов милиции, которые также стояли на защите города. Сравнительно небольшой манильский галеон «Nuestra Senora del Pilar» только что прибыл из плавания и стоял в порту. Одно из судов Ансона, которое находилось на побережье западнее Акапулько, не осталось незамеченным испанцами, и вице-король решил отложить выход галеона в открытое море до тех пор, пока не минует опасность.

Надеясь, что его присутствие все еще остается незамеченным испанцами и что галеон, груженный серебром, через несколько дней выйдет в море, взяв курс на Манилу, Ансон с эскадрой из пяти судов 12 марта подошел к Акапулько. Он расположил свои суда в форме полукруга, так чтобы с побережья они не попадали в поле зрения, но при этом достаточно близко друг от друга (на расстоянии трех лиг), чтобы галеон не смог проскочить незамеченным. Эта блокада продолжалась вплоть до 4 апреля, когда на борту флагмана был созван совет. К тому времени Ансон уже был уверен, что его присутствие в этих водах не является тайной для испанцев и что галеон не покинет порт еще в течение нескольких месяцев. Также на совете рассматривалась возможность захвата галеона в самом порту Акапулько, но эта идея была отвергнута ввиду ее невыполнимости. Делом первейшей важности совет счел пополнение истощающихся запасов воды, и эскадре было приказано снять блокаду и взять курс к берегам Зихуатенейо, куда она и прибыла 18 апреля 1742 года. Но до того как покинуть акваторию Акапулько, англичане оставили лейтенанта Хьюса с шестью подчиненными на небольшом открытом одномачтовом судне курсировать вдоль побережья, дожидаясь их возвращения.

Ансон и его команда провели у безлюдных берегов залива Зихуатенейо три недели. За это время они кренговали «Centurion», очистили его днище и покрыли смолой. 19 апреля английский десант вошел в глубь материка на 18 миль, но не встретил никого, кроме

одинокого всадника, ускакавшего прочь, завидев чужеземцев издалека. Но в округе все-таки были враги. Повар-француз, служивший у Ансона, был похищен во время своей прогулки вдоль берега залива. А лейтенант Бретт, который 30 апреля был послан Ансоном на двух лодках в находящийся неподалеку залив Петатлан, обнаружил на берегу большой отряд вооруженных всадников (приблизительная численность отряда, по разным оценкам тех же англичан, составляла от 140 до 200 всадников). Однако они сразу же бежали, как только англичане открыли по ним стрельбу со своих лодок. Тем временем команда завершила очистку днищ судов, просушила на берегу весь свой порох, пополнила запасы питьевой воды, наловила рыбы и отстреляла большое количество фазанов и игуан. Не имея достаточной численности матросов, Ансон решил уничтожить трофейные суда, которые стали бы обузой в длительном плавании через Тихий океан. Для этого он отбуксировал их на берег, поджег и вслед за тем покинул гавань.

8 или 9 мая «Centurion» и «Gloucester» вышли из залива Зихуатенейо и направились на поиски судна, ранее оставленного у берегов Акапулько. После нескольких дней тщетных поисков Ансон предположил, что лейтенант Хьюс и его команда попали в руки врага, и направил письмо кастиляну крепости с предложением обменять английских пленников на 50 испанцев, находившихся на борту его судов. Однако 16 мая, в то время пока Ансон все еще ждал ответа на свое письмо, взору англичан предстало оставленное ими судно. Его команда, находившаяся на грани, все же была скорее жива, чем мертва; сильный прибой не позволил ей причалить к берегу, а ветра и течения отнесли ее приблизительно на 80 лиг к востоку. За шесть недель, которые они провели в открытом море, лишь морские черепахи и дождевая вода составляли их скудный рацион.

Английские источники являются подтверждением многих деталей описания приключений лейтенанта Хьюса, содержащихся в письме вице-короля от 6 октября 1742 года (Центральный архив индейской культуры). Однако вопрос в отношении команды Хьюса остается спорным, поскольку вице-король утверждает, что эта команда была захвачена и впоследствии обменена на 58 испанских пленников.

Для Ансона более не имело смысла оставаться у берегов Мексики, и команда начала готовиться к длительному плаванию через Тихий океан в Китай. Пленникам были даны две трофейные лодки, чтобы они могли добраться до берега, и 17 или 18 мая 1742 года эскадра покинула акваторию Акапулько и начала свой путь через Тихий океан.

Ансон, потерпевший неудачу в Новой Испании, был с лихвой вознагражден судьбой у берегов Филиппин. Потеряв «Gloucester» и большую часть своей команды, 1 июля 1743 года англичане у мыса Эспириту-Санто захватили галеон «Nuestra Senora de Covadonga» («Нуэстра Сеньора де Ковадонга»), плывущий в западном направлении. Потеря галеона, на борту которого находилось приблизительно 1,5 миллиона песо серебром, явилась страшным ударом как для властей Новой Испании, так и для торговцев, чьи планы были связаны с этим судном.

«Centurion», трюмы которого теперь были забиты огромным количеством испанских сокровищ и денег, достиг берегов Старого Света в июне 1744 года, спустя почти четыре года после того, как Ансон покинул родные берега. Позднее Ансон стал первым лордом адмиралтейства, провел много реформ в Королевском флоте и умер в 1762 году.

Галеон «Nuestra Senora del Pilar», который стоял в Акапулько во время блокады Ансона, покинул город 7 декабря 1742 года с 1,3 миллиона песо и благополучно добрался до Манилы в марте 1743 года. Галеон «Covadonga» покинул Акапулько 15 апреля 1743 года с 1,2 миллиона песо на своем борту. Надо отметить, что завершение этой работы описанием вояжа Ансона является произвольным и, возможно, не совсем корректным. Поскольку Испания еще несколько раз с 1742 года и до обретения независимости Мексикой и странами Центральной Америки находилась в состоянии войны, вражеские каперы зачастую переносили фронт военных действий в воды Тихого океана, хотя лишь немногие достигали далеких берегов Мексики. В 1746–1747 годах два голландских торговых судна, идущие из Китая, добрались до побережья Новой Испании, но в Матанчеле и Навидаде им был оказан

довольно холодный прием.

После 1750 года контрабандная торговля получила более широкое распространение, достигнув поистине международных масштабов. К концу XVIII – началу XIX столетия порты Западного побережья Америки все чаще посещались контрабандистами из Англии, Франции, Голландии и, наконец, Соединенных Штатов. Вопреки запрету на торговлю с иностранцами этим посетителям чаще оказывался радушный, нежели враждебный прием, но в конечном счете контрабандистов неизбежно ждали осложнения с законом либо им приходилось иметь дело с продажными и жадными чиновниками. Суда контрабандистов преследовались и захватывались властями, орудийные перепалки не были редкостью, на порты продолжали совершаться набеги, а убитых стало намного больше, чем в прежние времена.

Во время и после Войны за независимость эскадра адмирала Томаса Кокрэйна, по-видимому находясь на службе республиканского правительства Чили, под предлогом борьбы с роялистами совершала всевозможные злодеяния. Некоторые из вояжей, предпринятых этой эскадрой на западном побережье Мексики, особенно рейд против портов Нижней Калифорнии в 1822 году, можно смело отнести к числу самых жестоких пиратских набегов.

В оставшиеся годы XIX столетия, а также во время мексиканской революции 1910–1920 годов, спокойная жизнь нескольких портовых городов на тихоокеанском побережье иногда нарушалась вражескими набегами и бомбардировками. Немного позже термин «пират» мексиканскими и центральноамериканскими писателями не без основания приписывался и к иностранным рыболовецким судам, промышлявшим в их водах. В 1920-х годах некоторые из подобных судов имели специальные ядра для своей гарпунной пушки, и далеко не одно судно мексиканской береговой охранной службы было пущено ко дну при помощи этого новаторства.

Заключение

За 167 лет (с 1575-го по 1742 год), то есть за период, рассмотрением которого ограничивается наше повествование, сохранившиеся на сегодняшний день источники указывают на то, что по крайней мере двадцать пять вооруженных иностранных экспедиций, в распоряжении которых было от одного до одиннадцати судов, достигли тихоокеанских берегов Центральной Америки или Мексики. Из них двенадцать экспедиций были английскими, пять голландскими, четыре французскими и четыре смешанными, государственную принадлежность которых затруднительно определять. Обычно их вояжи к тихоокеанскому побережью Америки ограничивались описываемыми нами географическими широтами, хотя четыре экспедиции, после того как они пересекли Тихий океан вдоль северной его части, достигли берегов Новой Испании, и еще четыре экспедиции полностью или частично состояли из пиратов, которые попали в этот регион сухопутным маршрутом с Карибского моря. Из двадцати пяти экспедиций девять были каперскими или военными, девять – чисто пиратскими, а семь носили вооруженно-контрабандный характер.

Довольно сложно давать сравнительные оценки награбленному добру или ущербу, причиненному испанским колониям, но приведенная ниже таблица даст читателю возможность самому судить об относительных успехах той или иной экспедиции.

Экспедиция	Количество захваченных судов ¹	Ущерб, нанесенный поселениям ²	Комментарии
Оксенхам (1576)	2	Никакого	Пойман испанцами
Дрейк (1579)	3	Незначительный	Богатые трофеи в Перу
Кавендиш (1587)	6	Значительный	Захватил манильский галеон
Де Линт (1600)	2	Незначительный	Нанес поражение испанскому флоту в Перу
Спенсберген (1615)	1	Незначительный	
Шапенам (1624)	0	Никакого	Разграбил Панаму Значительные разграбления Перу
Морган (1671)	5	Значительный	
Шарп и другие (1680—1681)	14	Значительный	
Буканьеры (1684—1690)	18	Значительный	
Дампье (1704)	7	Незначительный	Нападение отражено манильским галеоном
Роджерс (1709—1710)	1	Значительный	Захватил манильский галеон
Чарпс (1713)	5	?	Пойман испанцами Значительные разграбления Перу
Клиппертон (1715 ?)	0	Никакого	
Шелвок (1721)	3	Незначительный	
Ансон (1741—1742)	1	Никакого	Захватил манильский галеон на Филиппинах

1 Между Панамским заливом и Калифорнией.

2 На территории между Панамским заливом и Калифорнией.

Пиратство в тихоокеанской части Америки никогда не приобретало таких размахов, которых оно достигло в Карибском бассейне. Трудности, связанные с длительностью пути туда и обратно, а также проблемы с обеспечением команд достаточным количеством продовольствия для столь продолжительного похода зачастую были решающими, чтобы отказаться от подобной затеи. Кроме того, западное побережье Центральной Америки и Мексики было недостаточно притягательным местом для пиратского и каперского промысла, если, конечно, они не были достаточно удачливы и сильны для того, чтобы захватить манильские галеоны или корабли, идущие с грузом серебра из Перу. Тихоокеанское побережье Южной Америки, с большим количеством достаточно богатых прибрежных городов и развитым судоходством, было более доступным и лакомым местом для пиратов.

Хотя круизы вдоль западного побережья Новой Испании для пиратов часто становились предприятиями довольно нерентабельными, их набеги доставляли испанцам много неудобств и финансовых потерь. Награбленные ценности составляли лишь небольшую часть ущерба, причиняемого пиратами испанским колониям. Потопленные суда, сожженные города, разорение сельского хозяйства пиратами и сдерживание его развития самими властями, разорение торговли и запреты на нее, а также другие прямые и косвенные результаты этих набегов исчислялись многими миллионами песо. Как мы уже ранее отмечали, в то время испанцами сравнительно мало было сделано для укрепления тихоокеанских портов и защиты судоходства, но угроза новой агрессии заставляла их идти на значительные расходы. Всякий раз, когда приходили вести о появлении врага в

Тихоокеанском регионе (хотя тревога часто оказывалась ложной), спокойная жизнь вице-королевства заканчивалась и наступала пора хаоса и суматохи. Солдат вооружали, снабжали продовольствием и подтягивали к береговой линии, а суда снаряжали и отправляли в рискованные и дорогостоящие рейсы вдоль побережья. Только первоначальное строительство замка в Акапулько обошлось властям в 142 тысячи песо, а обслуживание постоянно расквартированных гарнизонов, как в нем, так и в других местах вдоль побережья, было постоянной брешью в государственной казне. Фортификационные сооружения в Панаме и обслуживание армады для эскортирования «серебряных» судов, идущих из Перу, обернулись еще одной статьей расхода для королевской казны. Постоянно существующая потенциальная опасность нападения пиратов на манильские галеоны обуславливала непомерно высокие цены на китайский товар и, соответственно, приводила к удорожанию жизни в Новой Испании и Перу.

Побочным результатом деятельности пиратов на западном побережье Мексики явилось то, что власти долгое время запрещали или не поощряли колонизацию прибрежных территорий. И на сегодняшний день мы ощущаем отголоски и пожинаем плоды старой колониальной политики, в результате которой огромные участки плодородных земель, растянувшихся вдоль западного побережья, стали зоной отчуждения.